

Александр Васильев

Ксения Триполитова

*Маленькая
Далерина*

ИСПОВЕДЬ
РУССКОЙ
ЭМИГРАНТКИ

АНФ
альпина н о н-фикшн

Посвящается
100-летию
русского балета
в Париже

Ксения Триполитова. Париж, 1937 г.

УДК 82-94:792.8
ББК 85.335.42
В19

Редактор Н. Толкунова

Выпускающий редактор Р. Пискотина

Васильев А.А.

В19 Маленькая балерина: Исповедь русской эмигрантки / Александр Васильев, Ксения Триполитова. — М.: Альпина нон-фикшн, 2010. — 303 с.

ISBN 978-5-91671-040-3

Эта книга — исповедь балерины Ксении Триполитовой, записанная ее другом, театральным художником и историком моды Александром Васильевым. Долгая жизнь эмигрантки из России тесно переплелась с самыми драматическими страницами истории XX века. Участница труппы Русского балета полковника де Базиля, унаследовавшего дягилевский репертуар, танцовщица парижских кабаре, исполнительница народного танца, она выступала на сценах всей Европы. Жизнь свела ее со многими знаменитостями того времени — Сергеем Кусевицким, Сергеем Лифарем, Ниной Вырубовой, Верой Немчиновой, Марго Фонтейн, Морисом Бежаром, Эрте. Щедро и честно делится балерина воспоминаниями о своей яркой и трудной жизни.

УДК 82-94:792.8

ББК 85.335.42

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу lib@nonfiction.ru.

© А.А. Васильев, 2010

© К.А. Триполитова, 2010

ISBN 978-5-91671-040-3

© ООО «Альпина нон-фикшн», 2010

Содержание

Благодарности	7
Вступление	8
<i>Моя семья. Вильно</i>	
Большая русская семья с европейскими корнями	13
Моя мама и ее семья	17
Мое детство	29
<i>Изгнание. Польша</i>	
Бегство в Польшу	39
Наша жизнь в Гнезно	45
Каникулы в Ковеле	59
Первое знакомство с балетом	65
Переезд в Вильно	71
Артистическая жизнь в довоенном Вильно	79

С русским балетом.

Париж. Константинополь

В Париже	91
В балетной студии Любови Егоровой	97
Рассказы о прошлом русского балета	109
Русский Париж	119
Русский Константинополь	129
Смирнова и Триполитов в Париже	145
О моем муже	153
Ксения и Триполитов	163

Война. Париж

В оккупированном Париже	179
Наш дом	185
Артистическая жизнь военного времени	189
У американцев	203

Гастроли.

Испания. Германия. Тунис

С Русским балетом полковника де Базиля	215
Репертуар Дягилева	225
Снова одни	243
Наши турне	261
Одна, без Коли	285
Снова в Вильно	291
Указатель имен	295

Благодарности

Авторы книги сердечно благодарят Павла Подкосова, Наталью Толкунову, Евгения Вельчинского, Кирилла Гасилина, Кристофа Дюбуа, Людмилу Гулевич, Марию Васильеву, Марину Зинович, Людмилу Каткову, Аллу Оболевич и журнал «Лилит» за ценную помощь в создании этой книги.

Вступление

Книга «Маленькая балерина» — это исповедь балерины Ксении Триполитовой, записанная ее другом, театральным художником и историком моды Александром Васильевым. Это история жизни эмигрантки из России, которая выросла вдали от своей Родины. Волею судеб она стала свидетельницей множества исторических событий XX века. Родилась в царское время в семье помещика, пережила Первую мировую войну и русскую революцию, Гражданскую войну, Великую депрессию 1930-х годов, раздел Польши между Гитлером и Сталиным, Вторую мировую и холодную войны, падение Берлинской стены... Она была участницей труппы Русского балета полковника де Базиля, унаследовавшего дягилевский репертуар, танцевала на сценах кабаре Парижа, Ниццы, Германии, Швейцарии, Египта, Бельгии и Голландии, выступала в театрах Польши, Туниса, Испании и Португалии. Ее учительницей была знаменитая балерина Мариинского театра Любовь Николаевна Егорова, а мужем — известный

танцовщик предвоенной эпохи Николай Триполитов. Она была знакома с Сергеем Кусевицким, Сергеем Лифарем, Ниной Вырубовой, Верой Немчиновой, Марго Фонтейн, Морисом Бежаром, Эрте. Выступала в одном концерте с Марлен Дитрих в освобожденном Париже. Семейными узами она связана с дворянскими семьями России, Германии, Швеции, Италии и Греции. Повествование этой книги — дань памяти обо всех этих замечательных событиях.

2003–2009 гг.

Павильнис – Париж

Ксения Триполитова. Париж, 1939 г.

*Моя
семья*

Вильно

Нина, Тамара, Ксения и Артур Рубом. Ковель, 1927 г.

Большая русская семья с европейскими корнями

В моей творческой судьбе большую роль сыграли родители. Я чувствую к ним невероятное уважение и огромную любовь. Вот почему с описания их семей я и начну свое повествование. Моя семья представляет собой смешение многих кровей. В ней были славяне и арийцы, православные и лютеране. Несмотря на это, всю жизнь моим родным языком был русский, и мы считали себя русской семьей. Я родилась 24 апреля (7 мая) 1915 года в Вильно* в семье со скандинавской фамилией Рубом. В возрасте двух недель меня отвезли в отцовское имение в деревне Хвастовичи возле города Глуска Бобруйского уезда Минской губернии. Это было имение моего отца, помещика, коллежского секретаря Артура Гвидовича

---

* Вильно — польское название города Вильнюс, до 1939 года бывшего в составе Польши и Российской империи. Русское название — Вильна. — *Прим. ред.*

Рубом (Rybon), шведского происхождения. Его отец, то есть мой шведский дед, имел какое-то отношение к железным дорогам. Он приехал в Россию в XIX веке, и у меня сохранилась фотография дедушки, снятая еще в Швеции.

Бабушка по папиной линии была родом из Дании, и ее девичья фамилия была Хей. Они были лютеранами, и мой папа сохранял эту веру до самой смерти. У папы было три сестры — Елена, Катя и Эдит Рубом. Каждая из них достойна отдельного рассказа, но я знаю больше об одной из них. Старшая, Елена вышла замуж за виленского офицера, подполковника царской армии Анатолия Иосифовича Эйсмонта. Он стал моим крестным отцом и жил в Вильно на Георгиевском проспекте в доме 15. Анатолий Иосифович, будучи состоятельным человеком, часто выручал моего отца деньгами. В 1913 году отец заложил ему наше имение под Бобруйском на сумму тридцать тысяч рублей под 6% в год. Это были крупные деньги в 1910-е годы. Эйсмонт была известной и родовитой фамилией Великого княжества Литовского, под Вильно есть даже поселение, носящее это имя.

В нашей семье рождались сплошь девочки, нас было пять сестер. Моя сестра Тамара, старше меня на десять лет, родилась в 1905 году. Она прожила долгую жизнь и скончалась тоже в эмиграции, в Париже. Затем родилась сестренка Маргарита, но умерла в годовалом возрасте от менингита и похоронена в «Хвастовичах». Потом была Галина, но она тоже умерла от крупа в детском возрасте. Тогда это было трудно вылечить, и, пока мой папа ездил за доктором в Глуск, девочки не стало. Галина

похоронена там же, в «Хвастовичах». И потом уже родилась я в 1915 году. Своих умерших сестренок я считала «ангелами», а старшую сестру — старухой. Младше меня была лишь Нина, рожденная в Вильно в 1917 году, скончавшаяся в Познани. Теперь уж нет никого из моих сестер, я одна, к сожалению, осталась. Мне и вспоминать пришлось.

А мой отец, как и я, и моя сестра Нина, родился в Вильно в 1870 году, учился в Вильно и был помещиком. Таким образом, Литва, входившая в состав Российской империи, стала Родиной для нас. Мой папа очень любил землю, и для него было важно жить в имении под Бобруйском. Одно время он даже управлял имением «Краснолуки» в Борисове, принадлежавшим бабушке со стороны матери.

Семья Рубом на прогулке в Хвастовичах. 1900 г.

Мария Михайловна фон Брадке. Афины, 1900 г.

Моя мама и ее семья

Я очень любила свою маму и хочу отдельно рассказать о ней. Замечательную маму мою звали Мария Михайловна фон Брадке, а по матери Кривошеина. У мамы были очень красивые, густые каштановые волосы, с длинной косой в молодости. Мама носила прически в стиле 1900-х годов, закалывала волосы в шиньон, у нее были карие глаза и светлая кожа. Она была невысока, около 1 м 60 см, тогда вообще женщины высоким ростом не отличались. Мама была хорошо сложена, с изящной фигурой в молодости, красивыми маленькими ручками и ножками, что считалось признаком дворянского происхождения. Но больших размеров обуви у дам из общества тогда не встречалось. Всегда с молодости она носила каблочки, чтобы казаться выше. Мама особенно любила коричневый цвет, она часто одевалась в его полутонах. Она говорила, что ей в жизни всегда везло, когда она одевалась в коричневое. Вообще, в те годы дамы из хорошего общества ничего яркого — зеленого или красного — не но-

сили. Ей нравились длинные платья, без корсета, хотя в молодости мама шнуровалась. Она любила украшения и в молодости имела их немало. Но позднее, после нашего изгнания из дома, мама уже ничего вызывающе роскошного не носила. Ее любимое и единственное украшение, старинное немецкое ожерелье из гранатов, сохранилось у меня и по сей день в Париже.

По отцу она была родом из прибалтийских немцев из старинного дворянского рода фон Брадке, происходившего от Петера Гаспара фон Брадке, родившегося около 1630 года в Любеке. Ее отец, а мой дед Михаил Михайлович фон Брадке был пажом Ее Величества и родился 12 декабря 1830 года в Борисоглебске. Он закончил самое престижное учебное заведение для мальчиков из родовитых семейств России – Пажеский корпус. Как видите, мой дед застал еще эпоху Пушкина и Николая I. Он стал полковником при Александре II, служил в Лейб-гвардии Уланском полку. В 1860 году его назначили президентом секретной государственной комиссии по польским делам, а во время упразднения крепостного права он стал мировым посредником в комиссии по Минской губернии. А скончался в 1887 году, когда маме было только девять лет, в своем имении «Краснолуки» под Борисовым, о котором я уже упоминала. Так что еще в XIX веке моя семья была тесно связана с судьбой сегодняшней Белоруссии.

Мама родилась в Борисове в 1878 году, окончила знаменитый Смольный институт в Петербурге. Ее происхождение позволяло ей получить подобное образование. У меня хранится ее аттестат,

фотография с ее начальницей, княжной из старинного рода Ливен, следившей за обучением мамы в Смольном институте. У мамы оставались самые интересные воспоминания о Смольном. Как она мне рассказывала, там царила строгая дисциплина: вставали рано, с утра обливались из кувшина холодной водой, чтобы дворянские девушки были закаленными. Когда смольянок вывозили на прогулку по Петербургу, то их помещали в специальные кареты. Окна зашторивали занавесочками, чтобы девушки не смотрели на юношей. Но мама призналась, что иногда они с подругами эти занавесочки все же приоткрывали. Ученицы свободно говорили по-английски, по-французски, по-немецки, вдобавок, конечно, к родному русскому. Изучали латынь и греческий, все это в жизни очень пригождалось. Танцевали, музицировали, пели и, конечно, изучали Закон Божий. Нравственность была на высоте! Годы, проведенные в Смольном институте, остались для моей мамы лучшими воспоминаниями детства и юности.

Моя мама попала в Смольный институт в Петербурге очень молодой, очевидно, сразу после смерти ее отца, и, как все другие воспитанницы из дворянских семей, жила там в течение учебного года, но на лето ездила в имение под Борисовым. Даже моя старшая сестра Тамара еще успела там побывать до революции и вспоминала о поездках в это поместье. Оно было большим и богатым, там выращивали пшеницу, и всего в нем было вдоволь. Господский дом был старинным, в стиле екатерининского времени, с пологим

полукруглым подъездом для карет и экипажей. Я не знаю, сохранился ли он теперь? Дом освещался керосиновыми лампами. Наша бабушка по материнской линии Людмила Андреевна Кривошеина отличалась скопидомством. Она родилась в 1849 году, при императоре Николае I, рано вышла замуж и стала многодетной матерью. Бабушка страшно любила экономить и могла зажигать сразу несколько керосиновых ламп одной-единственной спичкой. Ее девизом в жизни были деньги, они решали для этой материалистки все. Она копила золотые монеты и спрятала их в кладе в своем имении, место которого она до смерти своей так и не открыла. Возможно, прислуга была в курсе тайника, но кто теперь узнает? К счастью, такая скарденность не передалась моей маме, бывшей широкой и доброй женщиной. Мама всегда учила нас: «Не в деньгах счастье!» Моя бабушка Людмила Андреевна умерла 23 февраля 1915 года, уже во время Первой мировой войны, за два месяца до моего рождения. Так что я ее никогда не видела, а знаю лишь по маминым рассказам.

Мама росла в очень большой семье, в окружении сестер и братьев, что было принято в старое время. Всего их было семеро. Старший брат Вячеслав Михайлович (1864–1915), полковник Литовского полка, военный историк, служил в Императорском историческом военном архиве в Петербурге. В Первую мировую войну он скончался от ран в немецком плену. Браки в маминой семье заключались в соответствии с традициями дворянского общества. Брат мамы, полковник

Бабушка Ксени, датчанка Эдит Хей. 1880-е гг.

Вячеслав Михайлович фон Брадке, о котором я рассказываю, в 1892 году женился на баронессе очень благородных кровей Вере Алексеевне Мандельстерн, родившейся 10 ноября 1858 года в Полтаве и бывшей на шесть лет старше своего мужа. Ее мать, баронесса Анастасия Врангель, состояла в родстве со знаменитым главнокомандующим армией юга России, а отец — барон Алексей Мандельстерн, одно время был предводителем полтавского дворянства. К сожалению, об этом дяде я знаю лишь понаслышке и с ним знакома не могла быть, так как он скончался еще до моего появления на свет.

Больше мне известно о другом брате моей мамы — дяде Володе. Он родился в 1866 году и учился в Николаевском кавалерийском училище в Петербурге. Затем этот бравый офицер служил в кавалерийском Владимирском полку и в драгунском Ахматском полку, был однополчанином с князем Никитой Трубецким, будущим вторым мужем балерины Любови Егоровой, у которой потом в Париже я училась. Скажу правду: однажды дядя Володя, в бытность свою офицером, участвовал в еврейском погроме, за что был наказан и разжалован в солдаты. Тогда подобные выходки жестоко карались правительством! Затем дядя Володя, уже не будучи драгунским офицером, служил в Удельном ведомстве и заведовал одним из царских имений — «Мусаркой» в Самарской губернии. Он был также неплохим художником-любителем, и у меня в Париже сохранились его рисунки — русский мужичок, лесной пейзаж и прочее, сделанные карандашом в Бобруйске в 1910 году. Я его

лично не знала, и в Париже его в мою бытность не было, так как он скончался еще в 1912 году.

У мамы было еще четыре сестры. Старшая, Александра Михайловна, третий ребенок в семье, родилась в 1870 году. Она тоже сделала блестящую великосветскую партию. В 19 лет в 1889 году она венчалась с графом Фламбуриани даль Занте, он стал позднее консулом Греческого короля во Флоренции и скончался в 1923 году. Графский род Фламбуриани — старинного венецианского происхождения, но жили они на греческом острове Корфу. Александра Михайловна имела сына Диму и была фрейлиной королевы Ольги Греческой, урожденной Великой княжны Ольги Константиновны, из рода Романовых. Мама моя очень любила свою сестру Саню и ездила к ней еще до Первой мировой войны в гости в Грецию, прямо из Бобруйска. Мама была с ней в Афинах, при дворе, и на острове Корфу, где находилась королевская резиденция и родовое палаццо графов Фламбуриани в пять этажей, которое сохранилось до сегодняшнего дня и где теперь помещается роскошный отель. Мамино путешествие в Грецию теперь, в век авиации, уже, естественно, никого не удивляет. Но в начале XX века совершить такое путешествие, то на поезде, то на лошадях, было делом удивительным. Впечатления нашей мамы от Корфу были просто сказочными. Мама рассказывала нам о красоте этого острова, мечтала, чтобы и мы, ее дети, там когда-нибудь побывали.

Другая сестра моей мамы, Ольга Михайловна, была младше тети Сани на два года и родилась

в 1872 году. В 1894 году она венчалась с предводителем дворянства Минской губернии Николаем Николаевичем Веревкиным. И скончалась тоже еще до моего рождения — 9 марта 1902 года в Бобруйске, под Минском. Младшие сестры мамы также удачно вышли замуж и прожили интересные жизни. Сестра Зинаида Михайловна родилась в 1879 году, стала очень хорошей пианисткой, а замужем была за С. З. Хан-Каламовым, адвокатом и мировым судьей в Тифлисе на Кавказе.

А в Париже уже в эмиграции была четвертая сестра мамы, тетя Наташа фон Брадке, в замужестве Волкова. Она родилась в 1884 году и в 1913 году вышла замуж за Василия Васильевича Волкова, заместителя прокурора трибунала Санкт-Петербурга. Тетя Наташа была жгучей брюнеткой, кареглазой, среднего роста и очень худой, так как с детства страдала от астмы. Она тоже была смолянкой, как и мама, и скончалась в Париже 2 января 1936 года.

Тетя Наташа с мужем бежали, как и большинство имперской элиты, от большевиков за границу и попали в Берлин. Она старалась затем устроиться в Польшу, но с ее беженским нансеновским паспортом Польша им не хотела давать вида на жительство, и она ни с чем вернулась жить в Париж. Впоследствии после большевистской революции две другие мамины сестры — тетя Саня и тетя Зина — попали в эмиграцию через Константинополь в Египет и жили в жарком и экзотическом Каире.

Они приехали туда зимой 1920 года пароходом из Новороссийска. В Египет попало немало

Великая русская балерина Анна Павлова с французским бульдогом. На фотографии автограф ее коллеги Любови Егоровой. Париж, 1920-е гг.

русских беженцев, около десяти тысяч человек. Лучшие египтологи старой России эмигрировали в эту страну, туда же попало много русских врачей. В Египте с 1920 по 1925 год работал знаменитый русский художник Иван Билибин и знаменитый историк искусств Георгий Крескентьевич Лукомский. Там же гастролировала великая Анна Павлова. Во время этих гастролей в Египет Анна Павлова подарила Диме Фламбуриани свой фотопортрет с дарственной подписью, который теперь хранится у меня в Париже. Вспоминая богатую артистическую жизнь русского Египта, Дима Фламбуриани писал в «Русской мысли» от 29 июля 1961 года:

Международная публика Египта, избалованная частыми гастролями мировых знаменитостей, и главным образом русских, в области хореографического искусства, слывет за трудную, строгую и скупую на похвалу. В самом деле, в Египте гастролировали Анна Павлова, Свирская, Туманова, Черина, Зорина, Сахаровы, Фроман и Мордкин, Русский классический балет с Кузнецовой, Фокин, Балет де Базиля, Балет Монте-Карло.

В начале 1930-х годов в Каире и Порт-Саиде гастролировала известная русская эмигрантка — сопрано Императорского Мариинского театра Мария Кузнецова и баритон Юрий Морфесси. В 1933 году в Каир на гастроли приезжал сам Федор Шаляпин — как этому радовались мои родственники! Так что русская эмиграция в Египте была в курсе художественной жизни. Моя тетьа

Саня, графиня Фламбуриани, скончалась в Александрии уже после Второй мировой войны и падения английской колонии в этой стране, 27 октября 1949 года в возрасте 80 лет и там же похоронена. Ее сын Дима, ставший в Египте журналистом, прославился своей замечательной книгой «Русские на Египетской земле». Дима писал в ней о судьбе русских эмигрантов:

Русский по натуре — не коммерсант, поэтому все начинания в этом деле не были успешными. Кондитерская фабрика в Каире, русские рестораны, табачные киоски и бутербродные лавки на пляжах просуществовали лишь несколько месяцев.

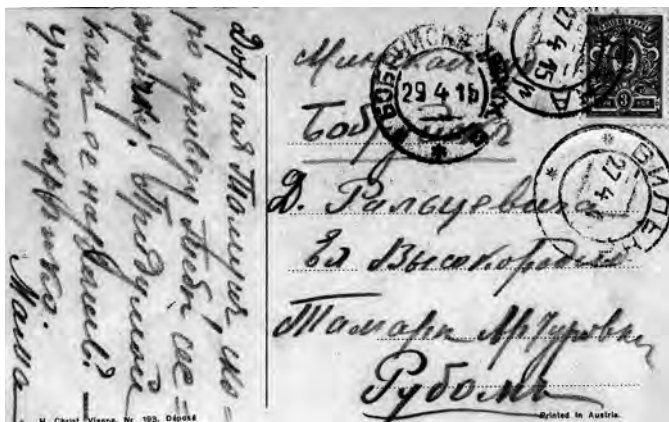
Мой кузен решил не уезжать из страны, которую полюбил, и скончался там 20 сентября 1968 года. А сын тети Наташи Игорь Волков, преподаватель французского языка, живет и теперь в Лондоне. Он женат на немке Маргарет, преподавательнице немецкого, даме с деловой коммерческой хваткой. Она часто продавала платья из больших домов моды. А брат ее мужа (мой кузен) Олег Волков написал даже книгу об истории Египта.

Ксения и Тамара Рубом. Феодосия, 1916 г.

Мое детство

После подробного описания моих родственных связей, пожалуй, вернемся ко времени моего появления на свет. У меня сохранилось любопытное свидетельство о моем рождении. В апреле 1915 года, во время Первой мировой войны, мама написала из Вильно открытку моей старшей сестре Тамаре, которая тогда жила в Бобруйске, в доме у Ральцевичей: «Дорогая Томуся, скоро привезу тебе сестричку. Придумай, как ее назвать? Целую крепко. Мама». Итак, я родилась 24 апреля (по старому стилю) 1915 года в Вильно на Конской улице. Моя сестра Томочка вспоминала, что меня привезли в Бобруйск в возрасте двух недель, в корзинке. И была я маленькой-премаленькой, как, впрочем, и положено новорожденным детям. Когда мне был год, в 1916 году нас повезли впервые в Крым, подальше от войны, очевидно. Мы жили в Феодосии в доме у маминой покойной сестры Ольги Веревкиной. Ее муж был тогда директором гимназии в Феодосии.

Открытка Тамаре Рубом от мамы, извещающая о рождении младшей сестры Ксении. 1915 г.

Очень интересно вспомнить, как тогда путешествовали. Мой папа купил по случаю в Бобруйске для этого путешествия вместительную старую карету с гербом князя Чарторыйского и две пары лошадей. Наняли няньку, и мы всей семьей из Бобруйска через всю Россию и Малороссию поехали в Крым. Это была целая экспедиция на лошадях во время Первой мировой войны! Было немного страшно в бескрайней степи. Но на станциях меняли лошадей, и мы благополучно доехали. Сохранилась фотография, когда мне один год и я счастливо улыбаюсь в Феодосии.

В 1917 году, с началом беспорядков, мы приехали товарным поездом из Крыма в Вильно, где нас и застала революция. Было очень голодно, папа страшно исхудал, а мама была беременна, но, к счастью, нас приютила польская семья Имп-

шинецких. Это было интересное семейство. Тогда было очень модно заниматься спиритизмом, и в доме Импшинецких на Зверинце в Вильно устраивались спиритические сеансы с участием моих родителей, «крутили блюдечко». Но затем родители совсем отошли от этого увлечения, и нас, детей, против него предупреждали. Таково было это зыбкое время!

Революционные события в России докатились и до Вильно. Большевики заняли Вильно 6 января 1919 года. Нам надо было ненадолго покинуть этот родной нашей семье город,

так как в нем было уже очень беспокойно. Но через два месяца, в марте 1919 года, поляки вновь отбили Вильно и остались там на двадцать лет.

В Вильно родилась в 1917 году моя младшая сестра Нина, ныне тоже покойная, и мы жили на Зверинце, как я уже сказала, в тихом районе, на месте которого когда-то располагался Великокняжеский зверинец. Затем в 1919 году мы вновь смогли, в связи с провозглашением независимости Польши маршалом Пилсудским, вернуться к себе в Бобруйск, так как и он отошел к Польше. Надо

*Ксения Рубом. Феодосия,
1916 г.*

сказать, что Бобруйск — очень древний город, он был впервые упомянут в 1387 году, а с 1540 года этот город уже изображен на старинных картах. Он всегда переходил из рук в руки, и это отразилось не только на составе населения и его вероисповедании, но и на стиле городской архитектуры.

*Мария Михайловна Рубом,
ур. фон Брадке. Бобруйск,
1914 г.*

Будучи свидетельницей этих исторических событий, я могу теперь вам, мои читатели, об этом рассказать. После капитуляции Германии в ноябре 1918 года на ранее оккупированные ее войсками земли двинулись польские войска, стремившиеся к восстановлению восточных границ Речи Посполитой, которые существовали до раздела Польши в 1772 году. С 28 августа 1919 года эта часть современной Белоруссии ненадолго стала частью Восточной Польши. Там было все тихо и спокойно. Наше имение «Хвастовичи» возле Глуска осталось тогда нетронутым революцией и беспорядками. В имении были постройки, винокуренный завод и лечебница и, согласно чудом сохранившемуся в семье реестру, 348 десятин разного рода земли. Оно граничило с имением Степана Клезовича, которое называлось «Лучек». При имении была

церковь, построенная на земле отца, и она была очень старой. Судя по единственной сохранившейся у меня в Париже фотографии, это была церковь в стиле барокко XVIII века с одним куполом и треугольными фронтонами. Вероятно, эта церковь в «Хвастовичах» была построена как католический костел, но в царское время переосвящена в православную, как это часто бывало в Белоруссии и Литве. В советское время эта церковь была, конечно, разрушена. Остался только пол ее, царские ворота и сама глава купола. В этой церкви находилась чудотворная икона Богородицы «Утоли моя печали». Один верующий житель этой местности спас ее, и теперь эту икону вместе со старинными царскими воротами установили во вновь отстроенной церкви в Хвастовичах.

*Нина Рубом в возрасте 5 лет.
Бобруйск*

Теперь о нашем имении, каким я его запомнила. Это был большой, уютный дом, но, видимо, более приспособленный для лета. Одноэтажный, деревянный, с большим садом. Помню свою детскую кроватку, обнесенную двухсторонней решеткой. Была и замечательная детская. У сестры моей было 20 кукол! Дом был уничтожен в со-

ветское время, и даже фундамента я его найти не могла, когда в сентябре 2004 года предприняла экспедицию в Белоруссию на машине из Литвы и посетила 84 года спустя родные моему сердцу и семье места. Мой недавний приезд туда вызвал немалый переполох в поселке, и меня, видимо, посчитали там тенью прошлого да еще «из Парижа»! Все удивлялись моему 90-летнему возрасту и напечатали два интервью со мной в местной газете, которые взял очень милый редактор.

Как я уже говорила, дом наш был летним, и поэтому зимой всей семьей мы жили в самом городе Бобруйске на улице Казначейской в доме Красовской в большой съемной квартире и лишь летом ездили в имение. Так я прожила до пяти лет. Помню, что меня всегда кормили очень вкусно. Родители устраивали приемы, и я в детской слышала вечерами смех взрослых, доносившийся из гостиной. Бобруйск, как и Вильно, был известным еврейским местечком, и там было много еврейских домов и магазинов. Бобруйск очень древен и известен с XIV века, но, к сожалению, часто разрушался войнами, и теперь от его старины почти ничего не осталось.

Ксения Рубом в возрасте пяти лет. Бобруйск, 1920 г.

Ксения Рубом. Гнезно, 1925 г.

Узнаніе

Польша

*Готический костел св. Анны, конец XV в., Бернардинский монастырь и звонница в псевдоготическом стиле работы русского архитектора Чагина. Вильно, 1920-е гг.
Фотография Булгака*

Бегство в Польшу

Но вот настало грустное для нас лето 1920 года. Мне было пять лет. Главнокомандующий вооруженными силами РСФСР Зиновий Каменев принял решение о нападении на Польшу, что послужило началом советско-польской войны 1919–1920 годов. В июне на папиной земле стояли польские войска, вооруженные штыками и саблями, и готовились к отступлению. И вот в один июньский вечер к нам в дом пришел польский офицер с золотыми эполетами, которые меня поразили, и объявил, что через два часа войска 4-й армии Пилсудского будут отступать. «Если вы останетесь, — сказал офицер с эполетами, — то вся семья будет непременно расстреляна большевиками!» И это были не пустые слова — именно так большевики и поступали с помещичьими семьями, видно, для того, чтобы их внуки в начале XXI века сами зажили как помещики. Кто был ничем, тот станет всем.

На наши земли наступали части большевицкой Западной армии «командзапа» Тухачевского.

Спастись мы могли, лишь покинув родовое имение вместе с польской армией. Нам выделили две телеги, на которые мы погрузили всевозможные продукты, и даже привязали корову. Другие соседи-помещики тоже очень боялись бесчинства большевиков и решили отступать в этом же обозе. И вот мы покинули все в родном доме. 10 июля (23 июля по старому стилю) 1920 года польская армия оставила Бобруйск. Сестра моя взяла из «Хвастовичей» красный плюшевый альбом с семейными фотографиями, украшенный латунной накладкой в стиле модерн, а мама — только икону, которая у меня дома в Париже и теперь. А папа взял гитару и мандолину. Вот какие непрактичные мы были тогда! Правду сказать, мы думали, как и другие беженцы, что наш отъезд будет временным и мы вскоре вернемся в родное гнездо, как это было в случае взятия большевиками Вильно, из которого они вскоре отступили. Однако жизнь сложилась иначе.

В свое невольное изгнание мы отправились так: в одной телеге был папа, а в другой мама с детьми. Родители надеялись отъехать от имения на 50 километров, потом переждать и вернуться домой. Но большевики наступали все дальше и дальше, и мы в имение никогда больше не вернулись. Даже и теперь, 85 лет спустя, я вижу во сне картинку: ночью моя мама встает и крестит нас, сонных детей. Крестит все кругом, землю и поля, по которым мы отступаем. Уходим далеко от родных мест, на веки вечные...

У меня в Париже осталась написанная рукой Тамары открытка с изображением трех ло-

шадей. Там выведено детской рукой: «24 июля 1920 года мы выехали из Глуска. Ехали мы два месяца и, наконец, приехали в Познань, и потом в город Гнезно. Дорога была очень тяжелая, но, слава Богу, доехали благополучно. Когда же мы снова вернемся на родину домой, один Бог знает, когда наступит это желанное время, когда же мы снова вернемся к себе домой. 6 января 1921 года». Но домой в «Хвастовичи» мы больше не вернулись. Да, много лет прошло, пока я смогла попасть в родной Вильно и позднее в Лиду, где похоронен мой отец, где и могилы я найти не могла. А до Бобруйска и до нашего фамильного имения в Глуске я доехала лишь 84 года спустя. Так долго об этом мечтала и теперь, когда появилась такая возможность, я счастлива была посетить родные места, полюбоваться пейзажем, подышать этим воздухом! А из городского архива Бобруйска в 2005 году мне выдали справку о том, что мой отец действительно был помещиком и владельцем имения «Хвастовичи», но, впрочем, это я и без справки знала. Однако приятно, что эти сведения о нашей семье в реестре сохранились.

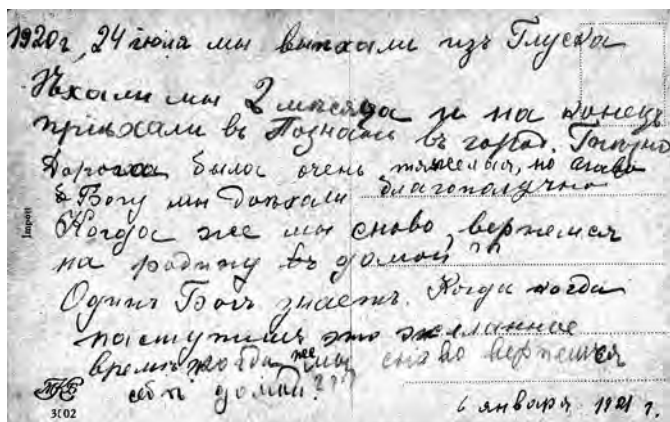
Но вернемся в эпоху нашего бегства. Сначала мы доехали на телегах до Вислы. Нас гнала Первая конная армия Буденного, но у Вислы после многочисленных кровопролитных боев красная конница остановилась, как говорили тогда, рассыпалась в пыли! Большевики пели: «Иркутск и Варшава, Орел и Каховка — этапы большого пути!» И путь этот много жизней покалечил и убил десятки тысяч человек, а Варшаву они так и не взяли тогда,

хоть в песне об этом заранее пели, видимо, уже предвкушая. Мы, беженцы, ночевали в польских деревнях или просто в сене на возу и перебирались через Вислу в местности Гура-Кальвария.

Переправа была очень сложной. Помню, мы сидим на берегу. Я вижу переправу польского войска. Но нас, штатских, почему-то не переправляют. Мы все ждем. Папа, к счастью, сумел достать маленький паром, но две телеги и лошади на нем не помещались, пришлось переправлять их вброд. Я смутно помню, как меня, пятилетнюю, мама держала на руках, а папа свистел нам издали, подавая знаки. Мы очень волновались. Первой переправили старшую сестру Тамару. Потом и мы услышали долгожданный свист. Мы с мамой и младшей сестрой Ниной переправились на другую сторону Вислы. Еле-еле мы поднялись на гору Кальвария. Лошади не могли тянуть тяжелые телеги. Опасный был момент. Папа их бил до крови, и все же они вытянули. Большевики остановились, не пошли дальше. А в польской истории это событие называется «Цуд над Вислой». Советско-польская война закончилась в сентябре 1920 года, а 12 октября 1920 года в Риге был подписан мир при условии передачи Польше Западной Белоруссии и Западной Украины и выплаты контрибуции за вывезенное из Польши большевиками имущество.

После этой эпопеи мы уже были спокойны. Решили ехать в направлении Берлина, куда хотела попасть мама, ведь, как я писала ранее, она была немецких кровей — фон Брадке и была уве-

рена, что мы там лучше устроимся благодаря ее
родовитой фамилии.

1920, 24 июня мы выехали из Гусева
Населили мы 2 месяца и по пути
приехали в Познань в горах. Там
Жаровск было очень тяжело, но
в Бору мы попали в аэропорт
Кого-то нас не знает, вернемся
на фронт в дом
Один Бог знает. Когда вода
покажется это же самое
время когда мы сюда переедем
себе дома? 6 января 1921 г.

Открытка, написанная рукой старшей сестры Ксении
Тамары, повествующая о злоключениях во время бегства
семьи Рубов в Польшу в 1920–1921 гг.

Три сестры Рубом: Нина, Ксения и Тамара. Ковель, 1927 г.

Наша Жизнь в Гнезно

Но судьба распорядилась так, что до желанного Берлина мы не доехали, а добрались лишь до Гнезно, польского городка около Познани (бывший Позен) недалеко от германской границы, который вошел в состав Польши лишь после Первой мировой войны. Дорогой мы, дети, заразились коклюшем. Остановились в этом маленьком Гнезно у немки, домохозяйки фрау Бранденбург — ведь мама свободно говорила по-немецки и могла договориться о жилье. Старшая сестра Тамара вошла в квартиру приютившей нас немки, легла на пол и сказала: «Никуда отсюда ехать не могу!» Папа продал наших лошадей, и мы имели какие-то средства на жизнь. Родители мои ждали новой установившейся границы, надеялись вернуться в имение, но она осенью 1920 года прошла прямо возле Бобруйска, и земли наши остались за Советами, а Вильно, напротив, стало польским на двадцать лет. Так мы потеряли наше имение «Хвастовичи» и всякие надежды на его возвращение!

Родители Ксении с гитарой и мандолиной играют «Тигренка», популярный вальс начала XX в.

Несмотря на все эти повороты истории и перенесенные границы, мой папа оставался довольно беспечным человеком и оптимистом. Привез из имения с собой гитару, а мама играла на мандолине. В начале века это было модно. Мои родители очень любили музыку. Мама также играла на рояле, все смолянки этим славились. Мечтала мама и играть на арфе, но бабушка ей этого не позволила, это считалось не совсем приличным для барышни из-за того, что инструмент стоит между коленями. А вот на мандолине мама играла очень хорошо, тогда были популярны итальянские мелодии, и в начале века славились две итальянские певицы, сестры Кавальери. Одна из них – Лина Кавальери, была писаной

красавицей. Она часто выступала в России. Мой папа умел даже художественно свистеть и мило напевать романсы. В начале века всем нравилось исполнение русских романсов знаменитой русской певицей, элегантной красавицей Анастасией Вяльцевой, о ней у нас дома много говорили. «Вяльцева, Вяльцева!» — восторгался ею папа. Она была одной из самых богатых женщин в России и владела собственным железнодорожным вагоном для постоянных гастролей по бескрайней России.

Очень модным вальсом тогда был «Тигренок», и родители дуэтом играли его, мама на мандолине, а папа на гитаре. Папа с нежностью смотрел на маму и предлагал: «Маруся, ну что, сыграем “Тигренка”»?

С такими способностями вовсе не удивительно, что родители устраивали дома маленькие концерты, пели по-русски или по-немецки. Но ни папа, ни мама по-польски не знали ни слова, а я заговорила в новой стране на нем сразу. Потом все же мама выучилась по-польски за много лет жизни в Польше, хотя и говорила с русским акцентом. Вся наша семья между собой говорила только по-русски, где бы мы ни находились. Русский был всегда моим родным языком.

В доме фрау Бранденбург в Гнезно мы спали на полу, но это нас не беспокоило, так как мы были молоды и полны надежд. Думали первое время, как и все беженцы, что это временно, ненадолго. Однако деньги кончались, и папе все же пришлось пойти искать себе место. Но так как Гнезно перешло от Германии к Польше, то маму

как немку да еще знатной фамилии с приставкой «фон» встречали нелюбезно, хотя мы и были семьей настоящих русских беженцев. Кстати, кроме нас в Гнезно не было других русских, во всяком случае мы о них ничего не слышали. Надо было все делать теперь на польский манер, вот курьезы и повороты истории! В конце концов папа нашел себе место в бюро лесопильни на Волыни в местечке Лунинец, далеко от Гнезно, на самой советской границе. В июле 1919 года Лунинец заняли польские войска, и это местечко стал частью другого государства. Мама, естественно, отказалась ехать в такое захолустье, из-за нас — детей, которым надо было учиться в школе. Моя старшая сестра пошла учиться в польскую гимназию свя-

Вид готического кафедрального собора в г. Гнезно. Польша, начало 1920-х гг.

той Иоланты в Гнезно, конечно, классом младше, чем в России. Ей пришлось овладеть польским языком, и после гимназии она сумела поступить в университет в Познани на фармацевтический факультет, куда ездила из Гнезно ежедневно.

Дом наш в Гнезно на улице Монюшко № 1, угловой, старый, каменный, чудом сохранился, а вот первый наш дом, где нас приютила немка Бранденбург, на улице Познаньской снесли, на его месте теперь бензоколонка.

Я тоже поступила в школу в Гнезно в шесть лет в подготовительный класс гимназии и ходила туда самостоятельно. Помнится, мама меня провожала взглядом из окна. Так воспитывали тогда детей. Книжки заворачивали в клеенку и подвешивали за плечи в виде ранца. Сбоку к нему привешивалась губка и маленькая черная грифельная доска в деревянной рамочке. Сначала мы учились писать на грифельной доске, а затем только чернилами и пером.

Нас учили писать, читать, петь польские патриотические песни вроде «Белого орла». Потом шла арифметика, гимнастика. Там были хорошие уроки по истории и географии. Мы с сестрой посещали одну и ту же гимназию — святой Иоланты. Гимназия эта была женская, тогда в Польше обучение было отдельным. В классе было 15–20 учениц, в зависимости от года. Там я проучилась восемь лет. Моей классной учительницей была пани Матысикова, с дочерью которой я очень дружила. Математику преподавала пани Левандовска, а латынь — пан Хербст. Учительницей французского языка была пани Ольшевска, у нас даже учебник

был с рассказами о Париже. Пани Ольшевска учила нас хорошо и говорила, что когда-нибудь французский язык мне пригодится, что оказалось правдой. Ведь большую часть жизни я прожила эмигранткой именно во Франции. В классе со мной училась и ставшая впоследствии известным польским врачом Ядвига Фортынович. Во время учебы в гимназии у меня был велосипед, и я на нем разъезжала по окрестностям.

Раз в год устраивались спектакли, и в них-то я впервые и стала выступать. С детских лет я хотела стать артисткой и была способна к танцам. Я всегда танцевала мазурку, матросский танец и другой бесхитростный детский репертуар. Уже на этих гимназических выступлениях я брала себе в группу учениц младших классов и разучивала с ними простые танцы. Как будто предчувствовала свою будущую профессию.

В этой польской гимназии я поступила в отряд скаутов. Для поступления надо было принять присягу, поклясться не пить и не курить, а потом получить скаутский крест. Мы ходили в походы, спали на сеновале и варили еду в котелках. Нашей скаут-вожатой была Халина Стшелетска, которая затем эмигрировала в Швецию. Это стало незабываемой спортивной подготовкой на всю жизнь.

Мы детьми любили глазеть на похоронные процессии в Гнезно, которые обставлялись очень торжественно. Катафалки были запряжены красивыми лошадьми с попонами, и мы с девочками не могли оторваться от этого зрелища, когда, как мы говорили, отправляются «к Богу на бал», и провожали процессии до самого кладбища.

В Гнезно мы всегда праздновали Рождество и даже в самые голодные годы устраивали елку. Моя сестра Тамарочка придавала этому большое значение и держала от нас втайне новые елочные украшения. Потом открывались двери, и мы, дети, видели красавицу елку, украшенную самодельными бумажными и ватными игрушками и конфетами. У меня в Париже сохранился самодельный барабанчик и корзиночка, сделанные мной 70 лет тому назад в Гнезно. Сестра любила вешать на елку конфеты, а я их кушала. Разворачивала фантик, съедала содержимое и потом аккуратно вешала пустую обертку на ветку. Когда приходила сестра, она вечно повторяла: «Ксения все конфеты уже съела!» Вот они, маленькие детские радости в начале XX века.

Из Лунинца папа присылал нам в Гнезно деньги, на которые мы и существовали. Там, в этом Лунинце, он жил практически в чаще леса, среди зверей и кормил из соски козочек. Папа очень любил природу и посвящал прогулкам в лесу много времени.

В те годы советская граница еще не слишком сильно охранялась, а желающих покинуть советский рай было предостаточно. В Лунинце, прямо на границе с Советской Россией, в 1921 году перешел границу вместе со своим контрабасом уже известный музыкант Сергей Александрович Кусевицкий, ставший впоследствии знаменитым дирижером в США. Мой папа приютил его на ночлег, и в Лунинце 46-летний С. А. Кусевицкий попросил у Польши политического убежища. Его судьба так интересна, что достойна отдельного рассказа.

Сергей Александрович родился 14 июля 1874 года в Вышнем Волочке. Его отцом был музыкант армейского духового оркестра, а мать была дочерью священника. После ранней смерти матери четыре брата и сестра организовали маленький семейный оркестр Кусевицких и выступали на ярмарках. Сергей Кусевицкий играл на разных инструментах с шестилетнего возраста и, повзрослев, убежал самовольно в Москву, где продолжил музыкальное образование. В двадцатилетнем возрасте он окончил музыкальное училище при Московском филармоническом обществе, где очень рано стал преподавать. Его игра на контрабасе славилась своей виртуозностью. Вот почему он выступал в оркестре Русской частной оперы Саввы Мамонтова, а потом в оркестре Мариинского театра и Большого театра в Москве. За эти заслуги Сергей Кусевицкий получил звание артиста Императорских театров. Он был женат первым браком на балерине Большого театра Надежде Петровне Галат, а вторым — на богатой и образованной москвичке Наталье Константиновне Ушковой.

С 1905 года Кусевицкий жил и работал в Берлине и стал учиться у знаменитого немецкого дирижера Феликса фон Вейнгартнера. Затем в 1909 году Кусевицкий вернулся в Москву, где основал симфонический оркестр и с ним гастролировал по городам России. Его успех в России был грандиозен, он аккомпанировал Анастасии Вяльцевой, Леониду Собинову, Федору Шаляпину. Он играл на сцене вместе с Сергеем Рахманиновым и Александром Гольденвейзером. После революции Сергея Кусевицкого назначили

Отец Ксении, помещик Артур Гвидович Рубом. Вильно, 1900-е гг.

Отец Ксении А.Г. Рубом. Ковель, 1927 г.

главным дирижером бывшего Придворного оркестра в Петрограде, переименованного в Государственный. Там он прослужил три года, испытал все трудности жизни с большевиками, которые национализировали его миллионное состояние и коллекцию живописи. В 1921 году он решил перейти границу Польши вместе со своим контрабасом. Так лучший в мире контрабасист XX века выбрался за границу.

Папа помог ему приехать к нам домой в Гнезно, и его контрабас стоял у нас дома. Я называла его «большой гитарой», так как знала лишь ее. Впоследствии Сергей Кусевицкий, очень талантливый музыкант, переехал в Варшаву, поступил в оркестр Театра Велького и стал там дирижировать. Однажды мама написала ему, справляясь о его судьбе, послала к Пасхе маленького шоколадного зайчика, но ответа не получила. Потом мама говорила, что дарить зайчиков — плохая примета! Мы совсем не подозревали, как был занят он репетициями и выступлениями. К счастью, этот выдающийся музыкант сохранил в Париже большой капитал в банке. Он ненадолго задержался в Польше, переехал во Францию, а потом, в 1924 году, в Америку, где стал дирижером Бостонского симфонического оркестра. Кусевицкий в США открыл в 1942 году фонд своего имени, помогал молодым музыкантам. Его имя стало всемирно известным, но нам он не давал никогда о себе знать. Сергей Кусевицкий умер в Бостоне 4 июня 1951 года.

Хочу рассказать о дальнейшей судьбе других членов нашей семьи после революции. После бег-

ства из России через Финляндию тетя Наташа, мамина сестра, жила в Берлине со своим мужем Волковым, тоже беженцем, бывшим в России товарищем прокурора. Но муж вскоре скончался, и она осталась одна с двумя детьми на руках — сыновьями Игорем и Олегом. Игорь жив, он младше меня на год и теперь в Лондоне. Тетя Наташа Волкова нуждалась в заработке и перебралась в Париж. Там она поступила тапером в синема, как тогда назывались кинотеатры, так как хорошо играла на рояле. В эпоху немого кино было необходимо всегда давать музыкальное сопровождение к фильмам — вальсы, танго и прелюды. В 1929 году появилось звуковое кино, и профессия тапера для немых фильмов потеряла всякую актуальность. Затем тетя Наташа овладела другой специальностью — общим массажем и стала неплохо зарабатывать с американской клиентурой. Она ходила в отели и на квартиры к клиенткам и делала им оздоровительные массажи. Одна из американок очень покровительствовала ей и даже присылала денег в помощь из США. Каждый эмигрант пытался устроиться как мог! Время было тяжелое, особенно в период кризиса начала 1930-х годов. А он чувствовался везде в Европе, даже у нас в Польше. Кризис даже сказывался на характерах поляков. Надо сказать, что поляки всегда отличались большим гонором и не слишком любили русских.

У папы в Лунинце было мало знакомых, но вообще в Польше жило много других эмигрантов из России. В Варшаве оказались его друзья по Бобруйску Шелковские, которые были людьми

со связями и помогли моему папе получить новое место в маленьком польском городе вблизи Львова — Ковеле, теперь на Украине. Пани Софья Жеромовна Шелковская была крестной матерью моей младшей сестры Нины и впоследствии жила в Щецине. Звучное отчество Жеромовна пришло от ее отца-француза. Она всегда была очень элегантной. Носила лишь оттенки синего цвета и обычно ходила в изящных костюмах-тайерах. Самого пана Шелковского звали Антоном Антоновичем, он состоял администратором в парходном обществе «Косулич лайн» и впоследствии помог папе устроиться туда же на работу. С этим паном Шелковским я дома часто танцевала мазурки и стала хорошо понимать стиль и ритм этого польского танца. Дочь Шелковских Нинця очень дружила с Тамарой, моей старшей сестрой. Так с помощью Шелковского папа стал неожиданно для себя директором странного транспортного агентства «Косулич лайн». В те годы многие выходцы из крестьян стремились эмигрировать в Южную Америку — Аргентину и Бразилию, где были обширные неводеланные земли. Агентство «Косулич лайн» этими переездами переселенцев и занималось. Конечно, экономическая ситуация в Ковеле была лучше, чем в Лунинце, — тоже захолустье, но рангом повыше.

Сестра Ксении Тамара Рубом. Гнезно, 1925 г.

Каникулы в Ковеле

Каждое лето теперь мы могли с сестрой и мамой выбираться в этот крошечный Ковель на каникулы. Папа жил в хорошем доме, в котором у него были две комнаты и бюро на улице Колиова, довольно далеко от вокзала. Город был маленьким, почти в одну улицу, пыльную, но с булыжной мостовой. Большими зданиями в Ковеле были гимназия в два этажа и кирпичный вокзал. Для нас папа снимал на лето дом с садом и беседкой, чтобы мы могли гулять и играть. Как-то в одно лето мама спросила: «Что ты снял теперь для нас?» Папа ответил: «Настоящую усадьбу, она называется “Жабокшики”». Ну, мой папа был таким выдумщиком, что, конечно, сам сочинил это название. Оказалось, это еврейское местечко с прудиком, в котором по вечерам квакали лягушки, с плакучими ивами вокруг. Мама была очень разочарована. Как я писала выше, мама окончила Смольный институт. Знала английский, французский, немецкий языки с детства. Была она настоящей светской дамой, и пережить все трудности и ли-

Ксения Рубом в возрасте 12 лет со своими балетными ученицами. Гнезно, Польша

шения ей было очень нелегко. В особенности ее беспокоили перемены в родной России. Она очень сильно расстроилась, когда ее любимый Петербург переименовали в Ленинград в 1924 году, но еще тогда она сказала мне, что это временно. «Вот увидите, — говорила мама — пройдет время, и они опомнятся. Меня уже в живых не будет, а Ленинград станет вновь Петербургом!». Следует лишь удивляться ее дару предвидения! Я ведь дожила до этих перемен.

Все же сложности жизни в эмиграции и нужды заставили маму получить профессию. В 1927 или 1928 году моя мама решила поехать к сестре Наташе в Париж, чтобы научиться массажу лица, тому, что теперь называют косметологией. Она уехала в Париж с дочерью Тамарой и надеялась

по возвращении открыть в Гнезно салон красоты, что было очень модно среди эмансипированных женщин в ту пору. Даже знаменитая красавица Бель Эпок, прекрасная итальянская певица Лина Кавальери после Первой мировой войны, когда ее красота и слава ушли, открыла в Париже свой салон красоты. Мама училась в очень известном в предвоенное время институте красоты «Кева». Он находился в Париже возле площади Мадлен на улице Тронше. Там преподавали по-русски и выдавали специальный диплом. Он позволял затем делать массажи, помогать дамам избавляться от морщин, выводить пятна и угри, делать маникюр и педикюр. Рекламу института часто публиковал популярный журнал первой эмиграции «Иллюстрированная Россия». Занятия проходили интересно, и город маме очень понравился. Мама полюбила Париж, она вообще любила большие города, а в деревне страдала. Папа, настоящий сельский житель, был не таким амбициозным и только мечтал хоть одним глазком посмотреть на свое имение «Хвастовичи» под Бобруйском. Это была ужасная драма для помещика: в два часа все бросить и уехать из любимого дома. Уехать навсегда!

И вот в Гнезно мама отвела в нашей квартирке комнату, обставила ее мило и открыла на дому «Институт красоты пани Рубом». Начинание это имело успех, особенно в нашем захолустном Гнезно, просто стало событием в светской жизни. Представляете, специалистка с парижским дипломом! Мама сначала практиковала свои массажи на мне, а потом уже на мадам Меркюр, кондитерше и шоколаднице, даме солидной и обеспеченной, став-

шей маминой клиенткой, так же, как и пани Купенинова. Дело шло довольно успешно.

Но вернемся к моим каникулам детства. Живя летом около Ковеля, я подружилась с девочкой Лелей, дочкой соседей-помещиков, мы лазили с ней по деревьям в их имении, не тронутым большевиками. Как-то мы с ней повисли на ветках плакучей ивы прямо над заросшим прудом. А увидевшая нас гувернантка очень испугалась и даже закричала от страха. В то время там говорили лишь по-польски или по-русски, так как до Первой мировой войны Ковель и окрестности были частью Российской империи. А теперь это Украина, подумать странно! Вообще, при мне Польшу разделили между Литвой, Белоруссией, Украиной. Правда, на западе поляки получили немецкие земли, но границу Польши двигали как заблагорассудится. Папа постепенно научился говорить по-польски, но лучше всего он говорил по-русски и по-украински. Мама тоже научилась по-польски, но делала это не очень хорошо, и это меня сместило. Ей никак не давалось произношение. А для меня польский язык стал родным, так как я училась в польской гимназии и была маленькой девочкой, когда все вокруг меня заговорили по-польски. Я даже в детстве учила стихи о Польше и Белом орле на ее гербе. Так как я говорю без акцента на польском, меня считали полькой и католичкой позднее в Париже, хоть я и была крещена в православную веру еще в младенчестве в Бобруйске, в нашей семейной церкви в «Хвастовичах».

Несмотря на все злоключения эмигрантской судьбы, папа был веселым человеком, никогда

не унывал! Рассказывал нам, детям, бесконечную сказку про Петю и Соню, которую он сам придумал, и мог продолжать без конца. Папа был настоящим вильнянином, флегматичным и спокойным, выражение «поспеем» было стилем жизни в старом Вильно. Мама часто говорила ему: «Артурхен, ты, как куль с мукой!»

Я уже упоминала, что папа очень любил животных, и вот забавная история: недалеко от дома в Ковеле сидела на цепи собака. Она прибежала к папе на ночь, когда ее спускали с цепи, скреблась когтями в дверь папы, ее кормили, и она спала на кровати в его ногах. Но как только рассветало, она опрометью бежала в тот двор, где несла сторожевую службу, и никто не знал о ее ночных «похождениях» в доме у папы! Эта собака страшно рычала и нервничала, если папина дверь утром оказывалась заперта, так как очень боялась опоздать на свою «главную» службу. Как видите, впечатления от моего детства остались у меня самые радужные и веселые.

*Ксения в костюме для танцевального номера «Паяц».
Гнезно, конец 1920-х гг.*

Первое знакомство с балетом

У папы рядом с домом в Ковеле, маленьком еврейском местечке, была синагога, и я дружила с еврейской девочкой Хаечкой, которая меня познакомила со своими подружками. Одна из еврейских девочек моя ровесница Хаечка Пен (это было распространенное имя в местечке) даже ездила в Париж из Ковеля в середине 1920-х годов и брала уроки балета у знаменитой балерины Мариинского театра Ольги Осиповны Преображенской. В Польше это было возможно, но советская девочка, конечно, ни в какой Париж бы в те годы поехать учиться не смогла. Эта Хаечка мне и преподавала мои первые балетные классы в Ковеле! Она мне показала матросский танец, бывший в репертуаре Преображенской еще в Петербурге до Первой мировой войны. Я его потом танцевала в Гнезно с трубкой во рту. Она же меня научила восточному танцу в фокин-

ском стиле, в шароварах и тюрбане «а-ля Бакст», в мягких туфлях, и я тоже его танцевала в Гнезно. Но главным моим коньком была польская мазурка на музыку Винявского. Видя мои танцы в Гнезно, ксендз Тлочинский сказал, что эту девочку надо учить танцу. Уже в 12–13 лет я так полюбила танцы, что стала «учить балету» совсем маленьких девочек-подружек. С некоторыми из них я сохранила дружбу на всю жизнь. Там, в Гнезно, живет до сих пор моя подруга Иза Лисовская, моя ровесница. Иза помнит даже моих маму и папу. Другая подруга детства, Хенрика Мельцерувна (Мельцер), жила затем в Щецине. А в доме наших хозяев жила девочка Марыля Конечна, с которой я тоже долго дружила. Еще одна подруга детства, Янка Матысикувна, живет теперь в Сопоте. Она мать Кшиштофа Белецкого, бывшего польского министра, живущего теперь в Лондоне. Мама этой Янки была моей преподавательницей польского языка в гимназии. Мы переписывались с подругами детства всю жизнь — лишь прерывались на пять военных лет. А потом вновь восстановили дружбу! Мы с подругами детства часто встречались, и теперь их дети и внуки дружат со мной, и мы все еще встречаемся. Я даже недавно была на свадьбе внучки моей подруги детства в Польше.

Итак, я влюбилась в балет. Но в Гнезно не было ни балетной школы, ни балетных учителей. Большая балетная школа была только в Варшаве. Я очень хотела танцевать, но о балете почти ничего не знала. В 1929 году наша школа повезла учеников в Познань на экскурсию

на «Выставу Повшехна». Мы ездили в луна-парк, веселились, а вечером нас повели на спектакль в оперу, и я впервые на большой сцене увидела танцующих артистов. Там исполнялись характерные польские танцы — шленский «Тронях» и гуральский, все в красочных народных костюмах. Я была под таким впечатлением от увиденного, что запомнила мелодию и движения! Затем я стала сразу ставить такие характерные польские танцы девочкам в Гнезно. У меня сохранилась фотография 1930 года, сделанная в Гнезно фотографом Виктором Новицким, где я как раз снята с этими маленькими девочками. Они одевались Арлекинами и Коломбинами, делали маленькие детские па-де-труа. У нас была домашняя портниха, и она помогала с костюмами. Тогда было принято дважды в год на дом вызывать портниху и давать ей заказы на полгода вперед, так вот мы ей костюмы к постановкам заодно и заказывали. Но случай позволил мне узнать о балете и больше.

Моя кузина с папиной стороны Катя Плевакова жила в Варшаве, в пригороде Саска Кемпа. Это была дочь сестры отца, тети Лены Эйсмонт и моего крестного, жившего в Вильно, о котором я уже писала в начале книги. Я побывала у кузины в Варшаве и там нашла настоящую балетную школу молодой балерины Веры Петракевич, которая жила ранее в Париже и занималась в студиях Преображенской и Егоровой. Она танцевала в «Польском балете» Брониславы Нижинской. Эта самая Вера Петракевич и сказала мне, что если мне когда-нибудь доведется попасть в Париж,

то я должна обязательно пойти в студию Любви Егоровой. Вера знала и известную балерину Белградской оперы Нину Кирсанову, о которой тогда много говорили, так как она была несколько лет солисткой труппы Анны Павловой и ее хорошей подругой.

Студия Петракевич — настоящая студия: с толком оборудованная, со станками и зеркалами, со многими ученицами — находилась в центре Варшавы. Вера мне показала классический русский балетный класс, как у мадам Егоровой в Париже: станок, середину, прыжки — но я слишком коротко у нее занималась, лишь во время каникул, а мечта осталась надолго. Как видно из моих воспоминаний — на всю жизнь!

Ксения с группой учениц своего балетного кружка. Гнезно, конец 1920-х гг.

*Платъе Ксении для мазурки, 1930-е гг.
Из коллекции Александра Васильева*

Ксения в жемчужном кокошнике, ранее принадлежавшем солистке балета Анны Павловой Нине Кирсановой. Вильно, 1930 г.

Переезд в Вильно

Гимназию я окончила в Гнезно. До того как переехать в Вильно в 1933 году, я уже приезжала туда в гости и жила в доме с верандой недалеко от Бельмонта, живописной горы, на которой армия Наполеона разбивала бивуак в 1812 году, проходя через Вильно. Я ходила в город через лес и была очень рада тому, что в Вильно научилась плавать и даже переплывать реку Вилию, впрочем, не слишком широкую. Как мне приятно теперь вновь частенько бывать в моем родном Вильно, дышать его воздухом и наслаждаться пейзажами!

Вильно, как я уже писала, был большим польским городом, но многие говорили и по-русски. В Вильно жило много евреев — их большое гетто в старом городе очень славилось, так же как и их многочисленные магазины. Ортодоксальные евреи «литваки» ходили с пейсами, в лапсердаках. Вильно считался даже «северным Иерусалимом» и был важным центром еврейской культуры в Польше и очагом литературного

идиша. Тут располагалась большая синагога и несколько маленьких.

В Вильно было полно извозчиков — мама их подзывала, как в России: «Извозчик!» Все мостовые в городе были булыжными, и на колеса экипажей надевались резиновые шины. Автомобили были тогда большой редкостью в Вильно. Папа иногда по делам нанимал машину «Дримбу», и мы ездили в какое-то загородное имение. Помню огромное количество свиней — видимо, их там разводили, и у кого-то мы оставались на ночь, а папа с другом ловил раков. Вдоль улиц в Вильно тянулись сточные, дурно пахнущие канавы, и через них лежали деревянные мостки. Но в молодости мы прыгали через эти канавки. Все это можно увидеть на сохранившихся фотографиях города. Я всюду ездила по булыжным мостовым на велосипеде.

А тогда, в 1930-е годы, моего отца перевели из Ковеля в Вильно, где он продолжал работать для транспортного бюро «Косулич лайн». Это было большое американское транспортное бюро, которое имело филиалы во многих городах Польши, а главное — в Варшаве. Бюро это потом внезапно закрылось, так как попало на каких-то махинациях. Потеряв работу, мой папа стал заниматься торговыми сделками и помогал бедным.

Я, как сказала выше, переехала в Вильно в конце 1933 года. Вильно был красивым, типично польским городом, и, казалось, Польша тут будет всегда. Как теперь кажется, что Литва здесь навсегда. Этот город живописно расположен на холмах и славится своими костелами, соборами и церквями.

Вид Вильно в 1930-е гг. Фотография И. Булгака

Замечательно хорош готический костел святой Анны, который Наполеон даже хотел демонтировать и перевезти в Париж. Прекрасны барочные соборы и монастыри, утопающие в зелени садов. Панорамы Вильно великолепны и сегодня. Город всегда славился своим неторопливым темпом жизни. Как я уже писала, знаменитое виленское выражение «Поспеем!» было лейтмотивом скорости жизни для вильнянок и вильнянцев.

Большевики были близко от польской границы, и многие этой близости боялись, так как воспоминания о кровопролитной недавней войне с ними были еще очень свежи. Все же Речь Посполита была независимым государством, и мы о Советах часто не думали. Так как мой отец не хотел быть русским беженцем, а я и папа оба родились

в Вильно, то мы взяли польские паспорта. Они нам очень помогли в жизни.

Мы с папой ходили также в русскую церковь на Зверинце, хоть папа, будучи шведских кровей, принадлежал лютеранству. Я часто ходила самостоятельно гулять на Трехкрестовую гору, как в Иерусалиме, — одну из достопримечательностей славного и живописного Вильно, неподалеку от горы Гедиминас, где красуется на вершине часть замка князя — древняя башня Гедиминас в три этажа. Причем последний, третий этаж был отстроен сравнительно недавно, при поляках, в начале 1930-х годов. До того это была двухэтажная руина с деревянной беседкой на вершине для обозрения живописных виленских окрестностей.

В Вильно летом 1934 года папа купил для меня каяк (маленькую лодочку типа байдарки). На месте нового теперешнего моста через Вилию (ныне река Нерис) была пристань, и многие там держали лодки. Я ездила на каяке в Верки, роскошный и элегантный дворец графов Бобринских — туда и обратно. Там на пляже я купалась и загорала, и у меня даже такие фотографии сохранились в Париже. Там я читала много польских книг, вроде романов Родивичувны (кажется, эта писательница тоже была русской) «Ивонка» и «Чахары».

На улице Зигмунтовской, на берегу Вилии, папа снимал хорошую квартиру в доме графа Тышкевича, который сохранился на набережной, — там теперь больница Красного Креста. Сам граф Тышкевич, богатой и влиятельной семье которого принадлежали многочисленные

дворцы в Литве и Польше, жил в большом угловом дворце по соседству. Фасад выходящего на набережную импозантного двухэтажного дома, в котором мы поселились, украшали два красивых чугунных балкона и флорентийские окна, отделанные лепниной. На левом балконе я часто стояла, глядела на облака и мечтала попасть в Париж к Егоровой, у которой я буду учиться балету. Мы в семье думали, что после учебы в Париже я смогу открыть в Вильно собственную балетную студию, вроде той, что я видела в Варшаве у Петракевич, и даже нашли место — большой светлый зал, нечто вроде зимнего сада в правом крыле нашего дома. Этот зал выходил террасой, окруженной балюстрадой, в заросший сад, где я любила проводить время. И зал, и терраска, и сад с оградой целы в Вильно, и сегодня я хожу на них смотреть всякий раз, когда бываю вновь в любимом мной родном городе. Странная судьба у этого застекленного зимнего сада — он пустовал при мне в 1933 году, пустует и теперь, видимо, никому не нужен.

*Барочный костел
св. Казимира. Вильно,
1920-е гг. Фото И. Булгака*

Наша квартира была очень большой, в целый этаж, но обставлена скромно. На входной двери висел электрический звонок и табличка с папиным именем. После прихожей две комнаты были отведены под папин кабинет и бюро «Косулич лайн». В бюро стояла высокая пишущая машинка, телефон и счета. Гостиная наша была просторной, почти пустой. В этой большой зале стоял взятый напрокат черный рояль, так как мама любила музицировать, да еще — буфет, диван, хороший стол и стулья стиля ар-деко, модного тогда. У меня была деревянная кровать, и я со своей младшей сестрой Ниной спала с родителями в одной спальне. В спальне находился большой комод, а на нем — тазик и кувшин для умывания, как полагалось в то время. Еще в спальне стояло зеркало-трюмо и удобное кресло, где мама часто читала. Стены были украшены фотографиями. У нас был также граммофон с пластинками и очень маленькое радио — один из первых в то время радиоаппаратов. Тогда люди даже ходили друг к другу в гости, чтобы послушать радио, это было большой редкостью. И вот у нас был такой радиоприемник — маленькая деревянная коробочка с проводом и иголкой, которой надо было искать контакт с варшавской радиостанцией и слушать музыку.

В квартире были замечательные паркеты и большие изразцовые печки бледно-зеленого цвета. Топились печи очень жарко, это делала прислуга Марыся. Квартира наша освещалась электричеством. У нас была ванная комната с оцинкованной ванной с прямыми высокими

стенками и с одним бортом выше другого. Горячей воды не было, но ее грели дровами в большом баке. В ванной стоял старинный унитаз с высоким чугунным бачком. Чтобы стирать белье, приходила прачка-литовка, по-польски плохо говорившая, и у нас дома стирала его в деревянной «балее» — тазу вроде ушата с металлическим обручем. Стирала большими кусками мыла на рифленной стиральной доске. Это было целое дело!

В Вильно дома у нас была кухня с большой плитой, которую топили дровами, и пламя регулировали с помощью чугунных колец разного диаметра, которые носили название «фаерка». Сковороды тоже были чугунными, всех диаметров, входившие, для простоты хранения, одна в другую. Нам часто варили кислые щи, борщи, капустак. Готовили колдуны — вид литовских пельменей, жарили курочку и рыбу и часто подавали к столу виленскую ветчину, которой славился город. Варили картошку, кашу и делали чудесный квас. Мы детьми очень любили яичный гоголь-моголь. В столовой у нас была сборная посуда. Все рассуждали тогда по-виленски «поспеем!», купим все потом, но этого не произошло.

*Солистка польского балета Горецка, первая учительница
Ксени. Вильно, 1930 г.*

Артистическая Жизнь в довоенном Вильно

В Вильно, в конце главной улицы Мицкевича (теперь это проспект Гедиминас, а до революции — Георгиевский проспект) был базар, и я туда ездила на велосипеде. Лишь часть улицы Мицкевича была асфальтирована. Там находился ресторан с оркестром, куда мы с папой часто ходили. Дамы в нашем Вильно не отличались элегантностью. В начале 1920-х годов одна русская актриса, мать писателя Романа Гари, держала на улице Погулянка дом мод «Поль Пуаре», но он никакого отношения к настоящему не имел и вскоре закрылся. В Вильно магазины до войны закрывались рано, и освещения в городе было немного. Мы ходили на знаменитую Остру Брам, святые ворота в старинной часовне, над которыми сохранился большой образ Остробрамской богородицы в роскошном серебряном окладе. Икону обрамляют бесчисленные эксвоты, памятные дары исцеленных и утешенных. Этот образ очень

почитаются в Польше, так же как и образ богоматери в городе Ченстохове. Сами ворота Острой Браммы так живописны, что их не раз рисовал художник Мстислав Добужинский, живавший часто в Вильно. В городе было синема «Гелиос» на Замковой улице, слева, как поднимаешься к ратуше. Оно принадлежало Варваре Сергеевне Добровольской. Я туда часто ходила. Там шли и польские, и американские, и французские фильмы. А свой первый немой фильм я увидела еще в Гнезно, и в главной роли был Рамон Новарро, знаменитый тогда герой-любовник и красавец экрана. Но и в Вильно в кино я ходила частенько. Когда я впоследствии попала в Париж, я познакомилась с Русей Качелавой, дочерью доктора, — с ней мы пошли на киностудию в Булонь посмотреть на комика Буайе, которого я видела на экране в Вильно. Он мне подписал автограф и подарил нам с Русей два билетика на метро со словами: «Возвращайтесь, барышни, поскорее, ваши мамы ждут вас и наверняка волнуются!»

В городе часто выступали известные в Польше артисты. Я помню выступление в Вильно знаменитой звезды, красавицы Ханки Ордонувны, в замужестве графини Тышкевич, прекрасной певицы и киноактрисы. Ее настоящее имя было Дорота Сиалинская. Под артистическим псевдонимом Ордонувна она прославилась в фильмах 1930-х годов — особенно в «Шпионе в маске» о борьбе в Польше с советскими шпионами, где Ханка пела свой шлягер «Любовь прощает все». И мелодию эту знали все в Польше: и стар и млад. Ее популярность в Польше можно сравнить с той, что была у Эдит Пиаф во Франции. Она роди-

лась в 1902 году и выступала в Вильно в Театре Вельком на Погулянке, импозантном здании, построенном в 1913 году. Эта актриса также давала летом концерты в Друскениках, модном довоенном курорте Польши, вблизи Вильно. Во время Второй мировой войны «Ордонка», как ее часто называли, попала в советский плен, была сослана в Казахстан, откуда смогла освободиться, получив разрешение на эвакуацию польских детей-сирот. Через Памир, Индию и Персию она попала на Ближний Восток, где пела в кабаре в Бейруте. Ханка Ордонувна была похоронена там в 1950 году, и впоследствии поляки перевезли ее как национальную героиню на варшавское кладбище «Повонзке», где находится настоящий пантеон польских знаменитостей. Ее могилу всегда украшают горящие свечи, и любовь поляков к этой замечательной артистке и символу довоенной Польши не иссякает и поныне.

Звезда польской эстрады и кино Ханка Ордонувна, в замужестве графиня Тышкевич. Вильно, 1940 г.

В Вильно родился и знаменитый актер Художественного театра в Москве Василий Иванович

Качалов. Он был сыном священника Николаевской церкви на Большой улице Ивана Шверубовича.

В Вильно была хорошая польская оперетта «Лютня» на проспекте Мицкевича в самом начале улицы, слева, если стоять спиной к Кафедральной площади. На месте ее теперь Национальный литовский театр, только сцена сейчас расположена на месте бывшего зрительного зала. Название театра оперетты произошло от красивого струнного инструмента эпохи ренессанса, на котором играли при королевском дворе в Литве. Эта оперетка работала еще до начала Первой мировой войны. В «Лютне» выступали Горецкая и Роман Моравский, артисты балета. Они подарили мне альбом с надписью, в кото-

Актер оперетты Михаил Татчуанский. Вильно, 1930-е гг.

ром я теперь в Париже храню все свои газетные рецензии. Моравский родился в 1897 году в Варшаве и долго работал в Румынии, ставил балеты в театре в Клусе. Он учился у Энрике Чекетти, но одно время, до ангажемента в Вильно, они с партнершей работали во Львове. Знали там они и московскую балерину Нину Кирсанову, урож-

денную Вагнер, короткое время находившуюся во Львове в 1923 году вместе с партнером Александром Фортунато после побега из Москвы, где она танцевала в опере Зимина.

Я стала брать уроки балета у Горецкой и Моравского. Горецкая танцевала и сольные номера на пуантах для эстрады, была экспрессивной и очаровательной на сцене. Нарядно одетая, стройная, кудрявая блондинка Горецкая мне поставила в 1933 году русский танец на музыку Пуни из «Конька-Горбунка» на пуантах в вышитом жемчугом богатом кокошнике с зелеными камнями в стиле художника Соломко. Этот кокошник раньше принадлежал самой Нине Кирсановой. В нем Кирсанова танцевала русскую пляску в бытность свою солисткой

*Балерина Вера Немчинова.
Париж, 1930-е гг.*

труппы Анны Павловой до самой смерти великой балерины в Гааге в 1931 году. Этот кокошник папа специально для меня купил у Горецкой, так как я собиралась стать балериной. Я в нем выступала в «Лютне», и у меня сохранилась такая фотография. Это было в 1934 году. У Горецкой в Вильно не было своей студии, и она мне давала частные уроки на Зигмунтовской набережной. Горецкая

Ксения в costume для цыганского танца. Гнезно, начало 1930-х гг.

приходила к нам в гостиную, я брала стул, аккомпаниаторша играла на взятом папой напрокат рояле, и так проходили наши занятия. В Вильно тогда балета не было. А хороший балет находился в Ковно (Каунасе), тогдашней столице свободной Литвы. Там блистали дягилевцы — Немчинова, Обухов и Зверев. Балетмейстером их труппы в начале 1930-х годов был известный петербургский солист Мариинского театра Г. Кякшт. Но мы этого балета не видели, так как это было в другой стране, за границей.

Также приходила к нам в гости певица Анна Скорук, вильнянка, блондинка среднего роста, дружила с моей мамой. В «Лютне» шли хорошие классические оперетты: «Таверна Белой лошади», «Веселая вдова», «Сильва», «Цыганский барон», «Фиалка Монмартра». Я регулярно с родителями

ходила на спектакли, и они меня завораживали. Там играл вторые роли артист Михаил Татрчанский, мы с ним познакомились, и он дал мне свой автограф. Я его до сих пор храню в Париже. Раньше он тоже работал во Львове, хорошо знал Нину Кирсанову и мне советовал пойти к ней учиться.

Ксения в русском костюме и кокошнике Н. Кирсановой во время своего первого профессионального выступления в театре «Лютня». Вильно, 1934 г.

Татрчанский был такой видный, импозантный господин на «фрочные роли», как тогда говорили. Очень артистичный даже в жизни, он сильно гримировался по предвоенной моде на сцене, красил глаза и губы.

В «Лютне» я впервые вышла на профессиональную сцену и участвовала два-три раза в рождественских любительских концертах. Там я танцевала в кокошнике Кирсановой и стилизованном русском сарафане пляску из «Конька-Горбунка». В 1934 году я танцевала номер «Паяцек» в костюме-комбинезоне паяца с черными помпонами. Это было очень модно со времен премьеры балета «Карнавал» у Дягилева в 1910 году. Даже Вертинский пел свои песенки в похожем костюме.

Тогда в Вильно мои новые знакомства в артистическом мире произвели на меня огромное впечатление. Общение с артистами укрепило меня в желании уехать в Париж и учиться там искусству балета у самой мадам Егоровой. Я так мечтала об этом! В те годы визу во Францию из Польши получить было трудно. Но сестра мамы знала Любовь Егорову лично, и мы через нее достали адрес балерины в Париже и письмо с приглашением, на основании чего мне выдали французскую визу. А так как я была несовершеннолетней, мне еще не было 21 года, то я могла взять с собой во Францию и маму!

Cosulich-Line

<p>ПОСТОЯННОЕ и РЕГУЛЯРНОЕ СООБЩЕНИЕ СЪ НЬЮ-ЙОРКОМЪ Аргентиной БРАЗИЛІЕЙ УРАГВАЕМЪ и ЧИЛИ</p>		<p>Варшава, Крулевская №. 89. Виленское Отдѣленіе Вокзальная 15, противъ вокзала</p>
--	---	--

Цѣна шифскарты

до **АРГЕНТИНЫ**
и Бразиліи
понижена до 66 дол.
включая ВСЬ РАСХОДЫ
отъ самаго Вильна.

Больше половины всѣхъ эмигрантовъ
которые въ послѣдніе годы отправлялись изъ Польши
въ **АРГЕНТИНУ** и Бразилію
ѣздили пароходами **COSULICH-LINE**

Реклама транспортнаго агенства Cosulich-Line, директором котораго в Вильно был отецъ Ксеніи А.Г. Рубом. Объявление опубликовано в русской газете в Вильно в 1935 г.

Ксения Триполитова. Париж, 1938 г.

*С русским
балетом*

Париж
Константинополь

Ксения Триполитова. Париж, 1938 г.

В Париже

Одиннадцатого января 1935 года я уехала из Вильно в Париж и больше моего папы не видела. Незадолго до моего отъезда, в Рождество 1934 года, вся семья в последний раз собралась вместе в нашей квартире в доме графа Тышкевича в Вильно. Из Гнезно приехала моя сестра Тамара. Мы все сели за стол. Это был наш последний большой семейный праздник! Мы не знали, что ожидает нашу семью, что нам придется пережить и через что пройти.

В Вильно стояла лютая зима, каких сейчас уж больше не бывает, — 35 градусов мороза. Мы с мамой выехали из дому закутанные в шубы, в высоких шнурованных ботинках, в гетрах-гамашах. С нами были корзинки багажа, в которых лежали подушки и одеяла. В Париж мы отправились на поезде, ехали долго, с пересадкой в Варшаве, ведь Вильно стоял на старинной железнодорожной ветке Санкт-Петербург — Варшава. Тогда путешествовали в купе, мы удобно расположились. И вот после двухдневного путешествия

наш поезд прибывает в долгожданный Париж! А в Париже — оттепель и 11 градусов тепла! После виленской зимы и наших шуб я страшно вспотела, но была счастлива наконец оказаться в Париже.

Мама уже там бывала и хорошо знала этот город. Нас на Северном вокзале встретил мой двоюродный брат Олег Волков и повез к себе домой в Кламар. Мы ехали туда на метро, до станции Исси-ле-Мулино, а потом на трамвае. Их семья жила в новом доме стиля ар-деко, где после многих переездов из отеля в отель они смогли снять квартирку.

Франция мне очень понравилась, и я сразу почувствовала себя как дома. Елисейские Поля и улица Фобур Сен-Оноре считались элегантным центром Парижа в 1930-е годы. Публика очень хорошо одевалась. Дамы носили шляпы и перчатки, а господа — костюмы и галстуки. Магазины по вечерам закрывались поздно, повсюду было много света, гораздо больше, чем в наши дни. После Вильно все казалось другим, нарядным и столичным, и мне было очень интересно.

Мы с мамой в девять-десять вечера гуляли на Монмартре. Там было спокойно, никаких туристов. Летом мы ходили в собор Сакре-Кер. Париж по сравнению с Вильно мне показался каким-то тесным, подъезды домов, лестницы и двери — все очень маленькое и компактное, особенно после нашей огромной квартиры в Польше. Ведь в Вильно, как и везде в старой России, строили с большим размахом. А в Париже очень экономят

Балерина Любовь Николаевна Егорова в визитном платье с кружевной отделкой. Петербург, 1910 г.

пространство в домах и стараются извлечь выгоду из каждого уголка.

В Париже я впервые увидела негра, в Польше их не было. Я все время ездила на метро — тогда существовали вагоны первого и второго классов. Но метро совсем не изменилось — все те же линии, что и в довоенном Париже. Даже плиточная облицовка стен на станциях такая же, как и в начале XX века.

Олег снял нам комнату недалеко от студии мадам Егоровой, находившейся на рю Ларошфуко. Это был небольшой отель возле рю де Мартир, на рю Клозель. Вскоре после нашего приезда в Париж, в мае 1935 года, мы с грустью узнали, что в Варшаве скончался глава польского правительства маршал Йозеф Пилсудский. Его тело похоронили в Варшаве, а сердце — в Вильно, откуда он был родом, в могиле матери. И живые цветы всегда украшали эту могилу на знаменитом и романтическом виленском кладбище «Росса», даже в советские годы. Народной любовью управлять невозможно!

Французы, которые меня теперь окружали, не имели в характере ничего общего со славянами, которых я знала ранее. Парижане были крайне веселы, совсем не похожи на сегодняшних мрачных и озабоченных жителей французской столицы.

Французы не сентиментальны, расчетливы и часто любознательны. Но их интерес быстро проходит, если им что-то в жизни надоедает. Проявления душевной теплоты им не свойственны в той степени, как славянам, и особен-

ности нашего мировосприятия они объясняют загадочным термином «славянская душа». Французская нация имеет свой особый темперамент, и его проявления весьма любопытны и неожиданны.

*Солстка Императорского Мариинского театра
Любовь Егорова, ставшая в Париже первым учителем
балета для Ксении. Петербург, 1900-е гг.*

В Балетной студии Любови Егоровой

Практически на следующий день после нашего прибытия из Вильно я пошла заниматься к мадам Егоровой и страшно волновалась. Входя к ней, я поднялась на несколько ступенек и в углу прихожей увидела небольшую икону Трех Святителей в русском деревянном окладе. Налево от входа находилась студия: там было большое зеркало, а само помещение мне показалась очень просторным, впрочем, других студий, кроме заведения Петракевич в Варшаве, я тогда еще не видела. Слева находился старинный камин, а на нем — бюст Анны Павловой, ведь они с Егоровой учились вместе в Петербурге! Впоследствии я узнала от своей учительницы некоторые подробности из профессиональной жизни этой великой русской балерины.

У Егоровой в Париже в 1920-е годы Анна Павлова занималась во время своих гастролей в этом

городе. Егорова ее боготворила. Анна Павлова высоко ценила классы Егоровой, но иногда в Париже занималась и у другой эмигрировавшей звезды Мариинского театра – Веры Трефиловой. По словам Егоровой, у Павловой был прекрасен каждый ракурс ее движений. Все в гармонии! Любовь Егорова вспоминала, что Павлова всегда предпочи-

*Танцовщица и певица
Татьяна Потапова.
Париж, 1939 г.*

тала танцевать в длинных мягких пачках, так как была не очень выворотная в бедрах, и это скрывало некоторые недостатки верха ног. Но подъем и формы ступни у нее были великолепны. Отношения двух балерин были самыми дружескими. После скоропостижной и потрясшей весь мир кончины Анны Павловой в Гааге от воспаления лег-

ких в 1931 году Егорова всегда чтит ее память. И в дальнейшем Егорова проводила в Париже в театре на Елисейских Полях в январе 1934 года памятные вечера Павловой, где ее ученицы и звезды балета танцевали хореографические номера великой балерины, возобновленные самой Егоровой. В этих вечерах участвовали Вера Немчинова, Анатолий Обухов – звезды Литовского национального балета из Ковно, Лизетт Дарсонваль – звезда

парижской Гранд-опера, а также Душа Эсприлова, Татьяна Потапова и Рая Кузнецова.

Душа Эсприлова была курьезной девушкой и заслуживает отдельного упоминания. Она была тоже ученицей Егоровой. Эта молодая русская эмигрантка из состоятельной семьи верила в то, что душа Анны Павловой переселилась в нее. Но, к сожалению, больших артистических надежд, которые на нее возлагались в свое время, Душа Эсприлова не оправдала, так бывает иногда с молодыми талантами!

Тогда, в 1935 году, у Егоровой было 12–15 учениц. Назову лишь некоторых, самых лучших. Младше меня была Женевьев Мулен, Люба Руденко и Таня Лескова. Егорова ими очень гордилась, и они все сделали замечательные карьеры в мире балета. Женевьев стала ведущей балериной у де Базиля, Люба танцевала в Америке, но потом совсем пропала. О ней мы больше ничего не слышали, а Егорова, перестав получать письма от Любы Руденко, решила, что ее ученица умерла. Таня, правнучка знаменитого писателя Лескова, после значитель-

*Ученица Егоровой,
характерная тановщица
Рая Кузнецова. Париж,
1930-е гг.*

ной карьеры в балете полковника де Базиля осталась в Южной Америке и много лет была директором Муниципального балета Рио-де-Жанейро в Бразилии.

Одно время к Егоровой ходила заниматься юная ученица русского происхождения Иветт Гартман, взявшая на сцене более звучный псевдоним Марина Светлова. Она была хороша собой и уехала в Америку, где сделала хорошую карьеру солистки балета. Я в молодости ходила с ней в кафе, мы дружили. В одном классе со мной к Егоровой приходила заниматься еще одна знаменитая юная балерина – красавица из Югославии Мия Славенска, урожденная Корач, она была родом из Любляны. С ней в детстве занималась петербургская и дягилевская балерина Елена Полякова. Мия Славенска прославилась не только своей красотой. В 1936 году в Берлине проходили знаменитые Олимпийские игры, и тогда была учреждена специальная балетная номинация. Так вот, золотую медаль получила ученица Любви Егоровой Мия Славенска. Впоследствии Мия Славенска много преподавала в США и написала увлекательные воспоминания.

У Егоровой также занималась и Марика Безобразова, ставшая известной преподавательницей классического балета в Монте-Карло и руководительницей Балетной академии имени принцессы Грейс Монакской.

Известной ученицей Егоровой была Соня Войцеховская, дочь знаменитого танцовщика дягилевской труппы Леона Войцеховского. У Егоровой занимались также Кира Ивановская, Татьяна

Бехенова, итальянка Джанина Сенси и англичанка Майна Гилгуд. Все мы, ученицы, старались говорить с друг другом по-французски, если не были русскими эмигрантками.

Кроме этих юных учениц, к Егоровой приезжали заниматься и знаменитые профессионалы, прославленные балерины своего времени Вера Немчинова, Александра Данилова, Марго Фонтейн. Вера Немчинова, о которой я уже писала, была примой-балериной в Литовском балете в Ковно и очень хороша собой. Ее ноги в бытность ее солисткой балета Дягилева были застрахованы на какую-то фантастическую по тем временам сумму. Она была замужем за дягилевским танцором Анатолием Обуховым, толстовцем, как и она сама.

Александра Данилова была солисткой Мариинского театра уже после революции, но эмигрировала за границу, к Дягилеву в Париж вместе с Баланчиным, Жевержеевой и Петровым. Она стала выдающейся артисткой в 1920–1940-е годы и в мое время солировала то у Базиля, то в Русском балете Монте-Карло. Иногда к Егоровой приходил заниматься сам Сергей Лифарь, настоящая легенда русской эмиграции и мирового балета, директор Гранд-опера в Париже, бывший фаворит Сергея Дягилева. Лифарь был в расцвете славы, и когда он выходил в центр студии делать адажио, все зачарованно смотрели и старались повторять. Это были незабываемые моменты!

Акомпаниатором у Егоровой была госпожа Мария Глебова, известная концертная пианистка. С каким искусством Егорова давала классической русский класс балета! Сначала шел станок — очень

разумно сделанные экзерсисы, один за другим. Потом — адажио. У Егоровой они всегда были красивыми и под очень мелодичную музыку. Музыка играла огромную роль на ее уроках. После адажио шли гран-пируэт — прыжки и туры на итальянский манер. Сказывалось влияние итальянских виртуозок Линьяни и Бриянца, покоривших Петербург в конце XIX века, и классы Энрике Чекетти, которые давались у Дягилева. У Егоровой занималось много мальчиков, и она любила, когда они приходили.

В списке ее прославленных учеников — Морис Бежар, Пьер Лакотт, Давид Лишин, Жорж Скибин и, впоследствии, юный, приехавший после войны из Югославии, голодный и холодный Милорад Мискович и парижанин Андрей Проковский. Всемирно известный ученик Егоровой Морис Бежар стал реформатором мужского танца в конце XX века. Пьер Лакотт, которого я помню маленьким десятилетним мальчиком в сопровождении своей мамы, стал известным хореографом, восстановившим на сцене Большого театра забытый балет «Дочь фараона», в котором некогда танцевала Любовь Егорова. Давид Лишин был известным танцовщиком и хореографом в балете полковника де Базиля. Он женился впоследствии на Тане Рябушинской, знаменитой беби-балерине, ученице Матильды Кшесинской. Жорж Скибин, сын другого балетного артиста, был ведущим танцовщиком в «Русском балете Монте-Карло», а Милорад Мискович танцевал в балете Ирен Лидовой, а теперь возглавляет отдел ЮНЕСКО. Еще один ученик, Андрей Про-

*Любовь Егорова в русском костюме из балета
«Конек-Горбунок». Петербург, 1912 г.*

ковский, родственник Клепининых, друзей Марины Цветаевой, стал видным солистом в балете маркиза де Куэваса, потом танцевал у Баланчина в Нью-Йорке и прославился как видный хореограф второй половины XX века.

Одно время к Егоровой ходил заниматься и знаменитый солист Русского балета Монте-Карло Фредерик Франклин, и известный португальский танцовщик Хорхе Салависа.

Когда мужская группа переходила на прыжки в середине студии, эти юноши были великолепны! Егорова учила заноскам, маленьким прыжкам. Потом были фуэте, тур-пике и в конце концов — реверанс. Егорова сначала сама показывала нам все эти балетные па. Она во время классов носила юбку и блузку и обувь на небольшом каблучке. У Любови Николаевны Егоровой были очень красивые руки, и часто во Франции в балетном мире говорили: «У вас руки мадам Егоровой!» Некоторые ученицы стремились попасть и к Преображенской, и к Егоровой одновременно. Но эти замечательные балетные педагоги ревновали друг к другу! Их соперничество стало легендарным в довоенном Париже. Ольга Преображенская давала класс «виртуозки», ее сильной стороной были фуэте, но на руки она обращала меньше внимания. Конкуренция между парижскими балетными педагогами была довольно серьезная. Однажды Егорова даже выгнала двух русских сестер Артамоновых, которые ходили и к ней, и к Ольге Осиповне Преображенской бесплатно заниматься. Надо было уметь выбирать, к кому пойти, а не бегать из студии в студию. Ольга Осиповна

*Прима-балерина Русского балета полковника де Базиля
Татьяна Рябушинская. Париж, 1935 г.*

*Прима-балерина Русского балета Монте-Карло Тамара
Туманова в костюме Колумбины, 1940-е гг.*

Преображенская не брала денег с детей беженцев за уроки. Для них занятия балетом были бесплатными. Жизнь в Париже у них и так была очень тяжелой!

Несмотря на видимый профессиональный антагонизм, Егорова все же признавала и высоко ценила достижения учениц Преображенской и особенно радовалась успехам молодых балерин Тамары Тумановой, Ирины Бароновой, Тамары Григорьевой-Сидоренко и Наташи Лесли-Красовской. Но в частной жизни Егорова не дружила ни с Преображенской, ни с Кшесинской. Избегала она и приемов, не ходила в гости к Матильде Феликсовне. А ведь многие стремились туда попасть! Когда Матильда Феликсовна Кшесинская устраивала приемы или игру в карты у себя в Пасси, муж Егоровой, князь Никита Трубецкой, один, по старой памяти, ходил к Кшесинской в ее дом в XVI квартале Парижа. Там Матильда Феликсовна жила с сестрой, супругом, великим князем Андреем и сыном Владимиром Романовым. Князь Никита Трубецкой был старым балетоманом и помнил всех выдающихся прим по петербургской сцене. А Егорова пренебрегала картами и самой Кшесинской, просто не любила их.

Николай и Ксения Триполитовы на гастролях, 1938 г.

Рассказы о прошлом русского балета

Очень интересно было нам слушать рассказы Егоровой о ее жизни на сцене. Любовь Николаевна Егорова родилась в Петербурге 8 августа 1880 года и была незаконнорожденной дочерью царскосельской купчихи. Она окончила театральное училище в 1898 году, ее одноклассником был великий хореограф Михаил Фокин. Егорова высоко ценила работы Фокина, восхищалась его хореографией. Из его постановок особенно она любила балет «Египетские ночи», или «Клеопатра».

Егорова сразу поступила в труппу Императорского Мариинского балета, но долго не могла добиться там ведущего положения. Это неудивительно, так как в 1900-е годы на этой сцене блистали влиятельная Матильда Кшесинская, виртуозная Ольга Преображенская, великолепная Анна Павлова, очаровательная Вера Трефи-

лова. Егорова много рассказывала нам, ученицам, о своих годах на сцене Мариинского театра. Она вспоминала, что в бытность Николая II наследником многим юным балеринам Мариинского

*Балерина Любовь Егорова
в греческой тунике.
Петербург, 1910-е гг.*

театра предлагалось стать его любовницами и что будто бы все из скромности отказывались. А вот Маля Кшесинская согласилась, и всем теперь известно, что из этого вышло. Будто бы ее, как Клеопатру, принесли наследнику завернутой в ковер. Говорят, что император Николай II после помолвки с принцессой Аликс Гессенской, будущей русской императрицей Александрой Федоровной, пришел попрощаться с Малей навсегда. Он

молча сел с ней в сани, и они ездили час по заснеженному Петербургу, а потом уже не встречались больше никогда.

Из своей прошлой петербургской жизни Егорова вспоминала дуэт с Николаем Легатом, выступления с Марией Петипа, с которой они делили общую гримерную в театре. Мария Петипа, дочь знаменитого французского хореографа

Мариуса Петипа, не была, к сожалению, очень талантливой балериной. Егорова рассказывала, что Мария Петипа утром носила на репетицию шлепанцы, и лишь перед спектаклем надевала пуанты, так как ленилась. Мария просила советов Егоровой относительно своего костюма и сценических украшений. «Хорошо ли, Люба, мне это колье или мне танцевать вот в этом?» — спрашивала она Егорову. Любовь Николаевна часто с улыбкой вспоминала эти случаи выбора сценических украшений Петипа. Егорова ее при этом очень уважала и восхищалась тем, что она была дочерью великого создателя классических балетов русского репертуара Мариуса Петипа.

*Балерина Любовь Егорова
в русском костюме. Париж,
1920-е гг.*

В 1912 году Любовь Егорова получила высокое звание балерины, и пресса тех лет много писала о ее замечательных ногах и руках. Первым браком она была замужем за известным миллионером Георгием Мамонтовым. Ей давали сольные партии, но не слишком жаловали. О Егоровой писали, что она «свеча, которая светит, но не греет». Конкуренция была очень сильной, и созвездие выдающихся балерин затмевало ее. Большим успехом

Егоровой была роль Мирты в «Жизели», куда ее назначил Николай Легат, заменивший Мариуса Петипа в качестве главного балетмейстера Мариинского театра. Прощальный бенефис балерины состоялся на сцене Мариинского театра 22 января 1917 года.

После большевистского переворота Любовь Егорова бежала из Петрограда через Гельсингфорс (ныне Хельсинки) вместе со своим вторым мужем князем Никитой Трубецким. Сергей Дягилев пригласил Егорову, в то время уже не молодую балерину, танцевать в своей великолепной труппе. Она даже выступала в паре с Вацлавом Нижинским, который очень сильно повлиял на нее своим артистизмом. Егорова рассказывала, что в конце своей сценической карьеры в 1921 году она танцевала у Дягилева партию принцессы Флорины в «Спящей красавице» в Лондоне в костюмах Леона Бакста. Это был большой успех балерины — ведь тогда главную роль делили между собой Вера Трефилова и Ольга Спесивцева. Мировое признание пришло к Егоровой поздно, но она с честью выдерживала конкуренцию с молодыми дягилевскими балеринами. Помощник Дягилева Сергей Григорьев, будучи режиссером труппы Русского балета, писал в своих воспоминаниях об успехе Егоровой во время лондонского турне. Там он, отмечая талант Любови Николаевны, сказал что «она владела всеми нюансами петербургской школы балета». В этом спектакле роль Феи Карабас танцевал Энрике Чекетти, прославленный педагог, который исполнял эту партию и в первой постановке в Мариинском театре.

Прима-балерина Л. Н. Егорова

Имя Л. Н. Егоровой, наряду с именами Киселевской, Преображенской, Трефиловой и др., вписано крупными буквами в историю русского балета.

Съ первыхъ шаговъ своихъ на сценѣ Марининскаго Театра артистка обратила на себя вниманіе.

Помимо незаурядной техники, особенно привлекательной была врожденная мягкость движеній и наружная женственность, что дало возможность Л. Н. Егоровой создать незабываемый образъ «Одетты-Одизіи» въ балетѣ «Лебединое озеро».

Наступившая революціи застала ар-

тистку въ расцвѣтѣ ея дарованія; эмигрировавъ въ Парижъ, Л. Н. Егорова открыла балетную студию и быстро зарекомендовала себя, какъ прекрасная преподавательница танцевъ, умѣющая передать своимъ ученикамъ все то хорошее, что сама унаследовала отъ такихъ хореографовъ, какъ Лоэнсонъ, Четветти и др.

Студія Л. Н. Егоровой дала уже русскому искусству цѣлый рядъ популярнѣхъ артистовъ: А. Д. Давыдова и С. Лафаръ въ значительной мѣрѣ обязаны своимъ успѣхамъ Л. Н. Егоровой, у которой они совершенствуются.

Страница из парижского журнала «Театръ и жизнь», посвященная творчеству Л. Егоровой, 1920-е гг.

В эмиграции, сойдя со сцены, Егорова начала преподавать в 1923 году в своей балетной студии и стала выдающимся балетным педагогом в Париже.

Ее педагогические способности были оценены сотнями учеников и учениц, многие из которых стали выдающимися артистами балета. Суждения Егоровой о педагогике классического танца были глубокими и очень профессиональными. Но, скажем правду, Егорова весьма скептически отзывалась об Агриппине Вагановой. Всегда удивлялась тому, что эта невзрачная балерина Императорского балета смогла добиться таких педагогических высот при Советах. Видимо, потому лишь, что все другие уехали... «Такая дурнушка — и такую карьеру сделала...» — говорила о ней немного с завистью Егорова. Надо сказать, что после революции за границу эмигрировали абсолютно все ведущие танцовщики и балерины Императорских театров Москвы и Петербурга. Осталась в Москве лишь Екатерина Гельцер, которую Дягилев не брал из-за тяжести ее ног, а в Петербурге из всего великолепия Императорского балета остались лишь Лиля Люком и Елизавета Гердт, а также пенсионерка Агриппина Ваганова. Именно ей пришлось сохранять методику обучения Императорского балета, иначе бы и этого не осталось.

Егорова признавала талант Леонида Мясина, но удивлялась тому перевороту, который он учинил в балете, так как стал впервые использовать симфоническую музыку для балетных постановок в 1930-е годы.

Между тем срок действия моей французской визы заканчивался, и мне надо было вернуться в Польшу. К счастью, мне помогли достать письмо за подписью князя Церетели, будто бы я получила ангажемент в Русскую частную оперу в Париже, бывшую в ведении театрального агентства «Цербазон», название которого составлено из аббревиатур трех его основателей: Церетели, де Базиля и Зона. Там по документу я числилась в качестве балерины — это спасло все дело, и мне продлили визу во Франции. Следует добавить, что князь Церетели был добр и помог с визами многим беженцам из России.

Я с радостью продолжала ежедневно заниматься в студии Егоровой и знакомиться с артистами балета. В Русской опере на Елисейских полях примой-балериной одно время была Александра Балашова, солистка Большого театра. Там же танцевала внебрачная дочь Максима Горького Нина Тихонова, две дочери известного издателя Ирина и Лия Гржебины и дочь директора Императорского фарфорового завода Ольга Старк-Кононович. Последние четыре были ученицами Ольги Осиповны Преображенской.

Мне очень хочется описать убранство жилища Егоровой в Париже. Над студией у Егоровой и князя находилась хорошая квартира в три большие комнаты. Внизу — большая кухня и раздевалка для мальчиков-учеников, напротив — раздевалка для девочек и коридор. А наверху в одной из комнат размещалась спальня балерины, кровать была железная и скромная, кованая, но Егорова эту «бесхитростную» кровать очень

любила. В спальне стоял круглый столик, за которым она часто шила, работала, и маленький комодик в стиле Луи-Филиппа. И столик, и комодик теперь у меня в парижской квартире. Гостиная с большим столом служила также и столовой. Там стоял и письменный секретер, и буфет, все было старинным, на стенах — темные обои. Картин было мало, но висел старинный русский барометр. Одна комната была спальней сына Егоровой от первого брака с миллионером Георгием Мамонтовым, с которым балерина разошлась еще в России. Сына ее звали Кириллом Георгиевичем Мамонтовым, он родился в Петербурге 26 июля 1904 года. Кирилл был журналистом, писателем-фантастом, астрологом и публиковался под фамилией Мамонтов. Он был немного странен, так никогда и не женился. Егорова его обожала. Теперь он в одной могиле с ней на русском кладбище в Сен-Женевьев-де-Буа.

Дочь Мамонтова от первого брака Мария Нелидова тоже жила в Париже. Ее муж Нелидов был очень хорошим пианистом и часто нам сопровождал в классе. Она окончила свой век в доме для престарелых Сен-Женевьев-де-Буа, вместе с Любовью Николаевной, где они очень сдружились, но уже в конце жизни.

Когда Егорова бежала из Петрограда через Финляндию после большевицкого переворота, она уже была княгиня Трубецкая. Некоторое время князь и княгиня Трубецкие прожили в Финляндии, в Гельсингфорсе, видимо, решив переждать революцию. Именно там, в Финляндии, Егорова познакомилась с сестрой моей ма-

тери Натальей Волковой, такой же беженкой, как она сама, и у них завязались приятельские отношения. Потом они долго не виделись — судьба разлучила их. Но во Франции они случайно встретились вновь, так как стали соседками. У Егоровой под Парижем в предместье Пти-Кламар был домик с садиком, который они построили на заработанные во Франции деньги. Маленький, но хорошенький и очень уютно обставленный, с застекленной верандой, на которой Любовь Николаевна устраивала приемы, ужины, завтраки и чаепития. А в Кламаре рядом жила моя тетка Наташа, и как-то в общем такси они вновь встретились! И потом уж не расставались, так как симпатизировали друг другу и были дамами одного круга. Во время забастовок парижского транспорта и позднее, во время войны, Егорова иногда ходила пешком из Пти-Кламар в свою студию на рю Ларошфуко и обратно, если требовалось. Это было очень далеко, но охота пуще неволи.

*Всемирная выставка. Париж, 1937 г.
Фотография К. Триполитовой*

Русский Париж

Париж был полон русских беженцев. Некоторые из них за всю свою жизнь так и не научились говорить по-французски. Очень часто встречались «русские такси». Но я не могу сказать, чтобы русские эмигранты были все дружны. Скорее, они были разбиты на группировки и делились по политическим и религиозным убеждениям, по складу характера, партиям, союзам и клубам. Но все они составляли пеструю картину русской эмиграции довоенного Парижа, которая кутила, молилась, боролась и грустила по-своему.

Я по роду своей деятельности более всего общалась с «балетными» эмигрантами. Многие русские артисты балета встречались в зале «Вакер», возле площади Клиши, где располагались балетные студии, в одной из которых уроки ежедневно давала Ольга Осиповна Преображенская, знаменитая артистка Императорских театров, соученица Матильды Кшесинской. Про нее говорили: «Грация женская — это Преображенская!» У Преображенской было множество учеников, многие

из которых, как я говорила ранее, стали знаменитыми балетными артистами. Там, в зале Вакер, уроки также давала старая московская балерина Красовская, а ее внучка Наташа Лесли-Красовская ходила заниматься к ней, а затем к Преображенской. Тата была не только очень талантлива, но и безумно хороша собой и даже была выбра-

*Балерина и педагог
О.О. Преображенская.
Париж, 1930-е гг.*

на вице-мисс Россия на конкурсе красоты, который в конце 1920-х годов учредил журнал «Иллюстрированная Россия». Впоследствии Наталья Красовская стала ведущей балериной Русского балета Монте-Карло и в феврале 2005 года скончалась в Техасе.

В зале Вакер я часто встречала еще одну старую московскую балерину — Марию Александровну Арцибушеву. Тогда она мне казалась уже старухой, которая вечно сидела при входе и знала все обо всех. Эта М.А. Арцибушева в Москве до революции была директором Театра миниатюр, откуда вышла знаменитая «королева русского танго» Эльза Крюгер, красивая характерная танцовщица немецких кровей, танцевавшая в паре с бальным танцовщиком Валли. Кроме того, заслуга

Арцибушевой перед русским искусством состоит в том, что именно в ее Театре миниатюр в Москве в 1913 году дебютировал киевлянин Александр Вертинский. Он покинул театр на два года в 1914 году, уйдя в действующую армию медбратом в санитарном поезде № 68. Но, демобилизовавшись в 1915 году, Вертинский вернулся в московский театр к Марии Александровне Арцибушевой и там начал свой звездный путь в costume Пьеро, созданном под влиянием костюмов Льва Бакста к балету Михаила Фокина 1910 года «Карнавал». На сцене театра Арцибушевой Александр Вертинский начал петь свои знаменитые «ариетки» — грустные и печальные песенки эпохи Первой мировой войны, сделавшие певца сначала российской, а потом, в эмиграции, и мировой знаменитостью. В 1918 году театр Арцибушевой в Москве закрыли.

И Вертинский, и Крюгер, и сама Арцибушева эмигрировали после революции. Затем, уже в эмиграции, в Париже эта талантливая деятельница театра, одна из первых женщин-антрепренерш старой России, имела собственную балетную

*Балерина и педагог
М.Ф. Кшесинская.
Париж, 1930-е гг.*

труппу в начале 1920-х годов. У нее были две дочери, и они с другими шестью танцовщицами составили труппу из восьми человек, которая гастролировала в 1923–1924 годах по маленьким городам

Восточный костюм из труппы Арцибушевой. Париж, 1920-е гг. Из коллекции Александра Васильева

Франции и считалась даже сильной конкуренткой первой труппе балета полковника де Базиля, тогда же гастролировавшей по Франции. Дягилевский балет был очень дорог и не всем доступен, вот почему в маленьких городах ждали с нетерпением любых русских балетных артистов, так как балет после Первой мировой войны был в большой моде. В зал Вакер также приходил заниматься знаменитый польский танцовщик Леон Войцеховский,

«пан Леон», как его тогда называли. Он был солистом у Дягилева в 1920-е годы и мужем известной английской балерины Лидии Соколовой.

Еще одной моей приятельницей в Париже была балерина Людмила Гулюк-Ивановская, бывшая жена директора балетной труппы Мариинского театра Ивановского. Невысокая, темная шатенка, в молодости очень миленькая,

Людмила Гулюк была дягилевской балериной и еще в 1913 году выступала в его труппе на открытии парижского театра «Опера Елисейских Полей», где потом располагалась Русская частная опера. Она танцевала вместе с Вацлавом Нижинским в «Весне Священной» — его собственной постановке, и в «Карнавале» исполняла партию мотылька, тогда это была значительная роль. Потом она поступила в труппу Иды Рубинштейн и долго у нее танцевала. Людмила Гулюк всегда сохраняла свой русский, а затем и советский паспорт. Позже она вернулась из Парижа в Россию и скончалась в Петербурге в очень преклонном возрасте, в 93 года.

*Балерина Людмила Гулюк,
бывшая участница
Дягилевского балета.
Париж, 1930-е гг.*

Моя любимая учительница Любовь Николаевна Егорова принимала гостей по-семейному. Русские традиции бережно сохранялись в эмиграции. Егорова умела хорошо готовить и делала это, когда выдавалось свободное время. Но часто, за неимением оно, просто заказывала готового гуся или курицу. Закуски к русскому обеду стряпала она сама, и сама же делала закупки провизии

для дома. В магазинах возле студии Егорову называли «Мадам Никита», по имени мужа. Но и сам князь Трубецкой ей очень помогал по хозяйству. Она обожала русские пироги — с капустой и мясом. Посуда на столе была новая, простая, купленная уже во Франции после исхода. На столе всегда были и водка, и вино. Водку по старинному русскому обычаю в хороших домах всегда подавали только в графинчике, но наливали в него мало. Следили, чтобы князь не слишком к нему прикладывался, он с сожалением глядел на дно графинчика, вечно пустовавшего. Князь, увы, любил выпить. Он был старше Егоровой, представительный, высокий, бывший офицер. Как я раньше говорила, он служил в одном полку с братом мамы Владимиром Андреевичем фон Брадке. У Любови Николаевны были красивые дорогие жемчуга, но князь, увы, их продал. Как-то Егорова заглянула в шкатулку — а жемчугов там уже нет... Видно, князь проиграл их в карты.

Жили они прилично, но не богато — хотя для тех лет это было даже много — загородный дом в Пти-Кламар и квартира в Париже. Надо сказать, что одно время Любовь Николаевна очень прилично зарабатывала на не слишком даровитых американских балеринах, которые хорошо платили и часто приезжали брать у нее уроки. Например, в мае 1928 года ее ученицей стала жена знаменитого американского романиста Скотта Фицджеральда Зельда. Зельда Фицджеральд, эксцентричная и состоятельная американка, стала прототипом героинь многих рассказов и романа «Ночь нежна» ее мужа Скотта Фицджеральда.

Она была приятельницей Эрнста Хемингуэя и обожала Париж сумасшедшей эпохи 1920-х годов, которую я не застала. Зельда решила заниматься балетом, уже будучи взрослой, вот почему ей пришлось дорого платить Любови Николаевне за частные уроки. Но в октябре того же года Зельда бросила свои занятия и уехала в Америку.

В 1937 году Егорова сумела основать в Париже недолго просуществовавшую собственную труппу «Le ballet de Jeunesse», где лучшие ученицы танцевали номера из известных балетов. Любовь Николаевна часто, хотя бы раз в неделю, ходила в Гранд-опера на балеты, ведь Лифарь очень дружил с ней. Это позволяло ей быть в курсе всех балетных премьер и новинок.

К Егоровой иногда приходила заниматься и самая знаменитая из французских балерин того времени — Иветт Шовире, но она брала частные уроки и в общей группе никогда не занималась. Иветт была женою русского художника Непокойчицкого, известного под псевдонимом Непо, приятеля Сержа Лифаря. С ним мой Коля Триполитов был знаком еще по Константинополю. Там же у Егоровой, я встречала и Бориса Князева, весьма посредственного характерного танцовщика, которого я находила просто ужасным. Егорова его тоже не любила. Борис Князев был высоким, лысым, но еще очень прыгучим. Он держал свою студию и гордился тем, что великая французская балерина Иветт Шовире была также и его воспитанницей. Она была его лучшей рекламой. Князев прославился своим «*bagre par terre*» — то есть балетным экзерсисом лежа на полу, который ни-

кто до него не делал. Одно время он считался мужем Ольги Спесивцевой, для которой поставил балет «Березка» — свой главный хореографический «шедевр». Но Спесивцева его не танцевала, а в главной роли этого балета я помню талантливую балерину Лялю Блинову, жену Макса Фромана, брата знаменитой солистки Большого театра Маргариты Фроман, бывшей директором хорватского балета в Загребе.

Ляля Блинова тоже занималась у Егоровой, жила в Париже недалеко от меня в XV квартале Парижа. В своей квартире она отвела одну комнату под студию и давала там частные уроки. Тогда в Париже было просто давать балетные уроки — не требовалось специальных разрешений, и деньги платили наличными. Ляля Блинова была сильной балериной, среднего роста, хорошо сложенной. Потом она уехала в Южную Америку навсегда.

В Париже я познакомилась с Колей Триполитовым, старше меня почти на 20 лет, он стал моим мужем, и мы с ним прожили вместе 36 лет. Он был хорошим характерным танцовщиком, и его дуэт с первой партнершей, рано скончавшейся Ольгой Михайловной Смирновой, был известен в 1920-е годы. В эпоху ар-деко балетные дуэты русских эмигрантов были очень популярны в Европе. Славились Вронская и Альперов, Гамсахурдиа и Демидов, чета Сахаровых и многие другие. Все они имели успех на самых знаменитых сценах мира.

*Ольга Смирнова и Николай Триполитов
во время выступления в Италии. Конец 1920-х гг.*

PROGRAMME

LA MAZURKÀ BLEUE

Opérette en 3 actes de Lehar

DISTRIBUTION

Comte Alinsky	V. CLARINE
Blanca, sa femme	V. PIONTKOVSKÀ
Baron Reger	Tcherniavsky
Adolar, (Engeibert), Sprintz	Stoïloff
Albin Plantine	J. Ossipoff
Lepol ! Klãmdatch	M. Lebedinsky
Gretl Egner, danseuse	Yousova ou Kounavska
Baron Treské	Artinoff
Tcheïka	Tripolitoff
Freigoff	Djimy
Aloïtz Pontz	Theodoroff
M ^{me} Ouky	Toubenskaya

Solo de flûte par M. Livitsky
Solo de Violon par Kayaloff

Mise en scène par **A. ARDATOFF**
Chef d'Orchestre M. CHAMINE
Maître des Chœur SAVIRZKY
Régisseur-Adjoint TRIGORINE
Maître de Ballet M. Troyanoff
Prima Ballerine Aurore Gorskaya

On commencera à 10 heures précises

Imp. MINASSE, Cité d'Alep, Péra

*Программа оперетты «Голубая мазурка».
Константинополь, 1923 г.*

Русский Константинополь

Для начала надо рассказать о том, как мой муж попал на берега Босфора. Он бежал из Одессы, один, без семьи, вместе с частями Добровольческой армии, где служил офицером, и прибыл в 1922 году в Константинополь. Это было очень трудное время, и всем нужны были средства на жизнь. Большинство офицеров и солдат Добровольческой армии генерала Врангеля отправили в Галлиполи, пустынное место на полуострове в проливе Дарданеллы. Но Коля решил с ними не ехать и остался в Константинополе, где нашли прибежище тысячи русских. Полная лишений, безденежная жизнь. Работу было найти чрезвычайно трудно, конкуренция и обычаи чужой страны делали положение почти невыносимым. Но музыкальная одаренность Коли выручала его. В Константинополе тогда осело много русских беженцев, спасавшихся от Гражданской войны, в том числе и артистов. Это был тяжелый и драматический период истории русской эмиграции, но вместе с тем и очень плодотворный для артистов.

*Реклама кабаре «Очагъ русскихъ артистовъ».
Константинополь, 1923 г.*

Русские принесли на берега Босфора искусство оперы, оперетты и балета. Благодаря обилию русских талантов в городе шло множество спектаклей, и труппы конкурировали между собой.

Сначала Коля нашел работу в театре летнего сада «Буфф», где ставили оперетты при участии знаменитой в России примадонны и некогда красавицы Валентины Пионтковской, «жены» водочного магната Владимира Петровича Смирнова, в свою очередь тоже опереточного артиста. У меня сохранился альбом Коли под названием «Альбом театральных воспоминаний» — Константинополь, 1922–1923 годы. Там аккуратно вклеены все программки спектаклей, в которых дебютировал мой муж весной и летом 1922 года в опереточной труппе Далецкой и Ардатова.

Судя по всему, его первым спектаклем была оперетта «Гейша» в постановке А. Ардатова. Главную роль Мимозы исполняла вышеупомянутая краса-

Ресторанъ

**Я
Р
Ъ**

Пера 479 противъ Русскаго Консульства
У Яра ТОЛЬКО У Яра
Цыганскій хоръ

и весь составъ театра „Ванька Встацька“
 Муравьева, Ратимова, Яковлева, Кру-
 жевская, Триполитовъ, Кончакъ, Про-
 цевко, Егоровъ Артыщевъ и др.

СОЛНЫЯ ВЫСТУПЛЕНІЯ
 А. ДАЛЕЦКАЯ (опер. примадонна); А. ЛЮБИНЪ
 (оп. комикъ); Муравьева и Триполитовъ (хар. танцы
 Зоя Ратимова - цыг. ром.; Кружевская и Любинъ
 ром. дуэты; Яковлева - русскія пѣсни

Входъ безплатный — Съездъ къ 9½ ч. в.

Танцы Оркестръ Танцы
 Лучшая кухня. Цѣны умѣренныя

По субботамъ и воскресеньямъ съ 5 ч. в. днев-
 ныя спектакли при участіи всѣхъ артистовъ

31 дек. нов. стили торжественная встрѣча Нового
 Годъ. Запись на оставшія столы у буфета принѣм.

Реклама ресторана «Яръ». Константинополь, 1923 г.

вица, хозяйка знаменитыхъ брильянтовъ Валентина Пионтковская, а мой Коля выходилъ в эпизодической роли японскаго офицера Катано. Потомъ давали русскую оперетку Валентинова «Ночь любви», где Коле поручили уже болѣе важную роль жениха героини Лизы — господина Сморчкова. Оперетта была такимъ новымъ деломъ в Оттоманской Турціи, что публика пребывала в полномъ восторгѣ. Среди другихъ опереттъ, в которыхъ участвовалъ мой мужъ, были «Фея карнавала», «Добродетельная грешница», «Королевскія шалости», «Графъ Люксембургъ», «Синяя мазурка», «Веселая вдова». Такъ какъ Коля сталъ болѣе опытнымъ артистомъ, ему стали доверять и болѣе серьезныя роли.

Двадцать седьмого сентября 1922 года он дебютировалъ в новомъ театре, созданномъ силами русскихъ беженцевъ в Константинополѣ — «Синей

птице». Театр находился на Пера, самой знаменитой и элегантной улице столицы Оттоманской империи, в доме № 197. Там Коля выступал в небольших скетчах и мелодраматических номерах с новой партнершей Лизой Муравьевой, известной в Константинополе русской артисткой, певицей и танцовщицей. Тогда же Коля стал заниматься в «Музыкальной консерватории», впервые организованной русскими беженцами в Константинополе, у известной московской, а затем константинопольской балерины Елизаветы Германовны Глюк.

Театр-Кабаре
ул. Пера 197 пр. „Принтава“

**Синяя
Птица**

Сегодня ОТКРЫТИЕ

Составъ труппы: Г-жи Александровичъ, Архангелская, Дюбаръ, Муравьева г-да Васильевъ, Вѣдовъ, Володарскій, Джинни, Савицкія, Александръ Саржинскій, Триполитовъ

Въ програмѣ:

- 1) Претеръ. М. режиз пантомима XX в.
- 2) Арлекинъ съ сигарой модеръ изъ новѣйша мимодрама
- 3) Любви-Мечта, дуэль-возника
- 4) О чемъ они говорятъ, скетчъ
- 5) Александръ Саржинскій въ своемъ новомъ репертуарѣ

Начало въ 9 ч. вечера
— *Входъ безплатный.*

Реклама кабаре «Синяя птица». Константинополь, 1923 г.

В Константинополе недалеко от знаменитого отеля звезд «Пера Палас», где останавливались Грета Гарбо, Мата Хари и Александр Вертинский, а впоследствии и Лев Троцкий, находился хороший оперный театр «При-шан». В нем весной 1922 года балетмейстер Виктор Зимин поставил «Шахерезаду» Римского-Корсакова, где в роли Зобеиды блистала Елизавета Глюк. Великолепное оформ-

ление этого балета делал известный художник Павел Челищев. Одним словом, «Шахерезада» стала новой босфорской сенсацией! Вот почему ученики и хотели заниматься балетом у знаменитой в городе Елизаветы Глюк.

Первый ученический концерт состоялся в зале на улице Сакиз-Агач, дом 17, где Коля танцевал вальс Шопена с Лизой Муравьевой в постановке Елизаветы Глюк. В Константинополе русские спектакли были очень популярны, спрос на них был велик. Вскоре Коля Триполитов перешел в ресторан «Яр», тоже находившийся на Пера напротив ампиричного здания русского консульства. Там выступал хор

и труппа артистов из известного русского кабаре «Ванька-Встанька». Опереточной примадонной в этой труппе была А. Далецкая, а Коля в той программе стал танцевать характерные танцы с Лизой Муравьевой. Потом последовали частые выступления в русском мюзик-холле под названием «Скэйтинг». Но вскоре, получив более заманчи-

Программа сада МАХИМ, принадлежавшего «московскому негру» Федору Томасу. Константинополь, 1923 г.

вое предложение, Елизавета Глюк решила уехать из Константинополя в Париж и организовала прощальный концерт со своими учениками. Сама Елизавета Германовна солировала в «Умирающем лебеде» на музыку Сен-Санса, ее коронном номере, в котором ей много аплодировали.

КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОЕ КОММЕРЧЕСКОЕ СОБРАНИЕ
Цера, 77
— — —

Въ субботу 24 Марта 1923

БОЛЬШОЙ
КОНЦЕРТЪ - КАБАРЕ

Начало въ **10** час. вечера
— — —

Столь №.....

*Билет на Большой концерт-кабаре. Константинополь,
1923 г.*

А Коля Триполитов, судя по сохранившейся программе, выступил в трех номерах — вальсе, танго и креольском танце. Вообще, в консерватории среди студентов Глюк были только два юноши — Триполитов и Усаров, остальные — девушки. Для полноты истории хочу их перечислить. Итак, юными русским балеринами в Константинополе в сезоне 1922–1923 годов были Стадницкая, Корнешевская, Крушинская, Муравьева, Аренская и совсем маленькая Валя, фамилия которой в программке не указана.

В Константинополе вскоре открылся еще один клуб русской эмиграции, называвшийся «Очаг русских артистов», где Лиза Муравьева с Колей Триполитовым также выступали. У меня в Париже

сохранились их программки от 9, 20, 23, 24 марта 1923 года. А располагался «Очаг» на месте знаменитой в эмиграции, но разорившейся «Паризианы» на улице Хамаль-Баши в доме № 7. В свое время эту «Паризиану» открыл Смирнов на деньги, вырученные от продажи водки, для своей любви

Танцовщица Вера Аренская, начинавшая свою карьеру в Константинополе. Париж, 1930 г.

ПРОГРАММА

I Отдѣленіе

1. Оперныя Аріи Исп. г-нъ Данюшинъ
2. Скетчъ Исп. Г-жа Твардовская и г-нъ Сарматовъ
3. Пиковая Дама Сцена у Зимней Канавки.
4. Въ Старой Москвѣ. Старинный водевиль Н. Агнивцева.
Исп. Г-жа Жуби, Кунавская, Твардовская
и Г-да Ермоловъ и Франкъ.
5. Цыганскій хоръ Г-жи Муравьева, Руднева,
Г-да Акіяровъ, Саша Макаровъ,
Триполитовъ, Франкъ и др.

II Отдѣленіе

6. Характерные танцы Исп. Г-жа Смирнова и Г-нъ Долиновъ.
7. „Сильва“—дуэтъ Исп. Г-жа Ленская и Г-нъ Данюшинъ.
8. Пародіи и шаржи. Исп. Г-жа Кунавская.
9. Романсы и Аріи Исп. Г-нъ Андреевъ.
10. Разказы Исп. Г-нъ Сарматовъ.

*Программа выступления русских артистов
на благотворительном концерте. Константинополь, 1923 г.*

мой Валентины Пионтковской. Там в оперетках выступали даже такие русские звезды и закадычные друзья, как Юрий Морфесси и Николай Северский. «Баян русской песни», баритон Юрий Морфесси был, как и Коля Триполитов, одесским греком. Его слава в России была огромной, и по-

III Отдѣленіе

---

11. Танго. Исп. Г-жа Муравьева и Г-нъ Триполитовъ.
12. Фривольныя пѣсенки. Г-нъ Ермоловъ.
13. Оперныя арии. Исп. Г-жа Ленская.
14. Разказы. Г-нъ Франкъ.
15. Сценки. Исп. Г-жа Твардовская.
16. Салонный хоръ.

У рояля свободн. художн. Е. Г. Ставицкая

УЧАСТВУЮТЪ:

Г-жи: ГУДАЕВА, ЖУБИ, КУНАВСКАЯ,
ЛЕНСКАЯ, МУРАВЬЕВА, РУДНЕВА, СМИРНОВА,
СТАВИЦКАЯ, ТВАРДОВСКАЯ и др.

Г-да: АНДРЕЕВЪ, АКІЯРОВЪ, ДАНЮШИНЪ,
ДОЛИНОЗЪ, ЕРМОЛОВЪ, САША МАКАРОВЪ,
САРМАТОВЪ, ФРАНКЪ и др.

По окончаніи концерта — ТАНЦЫ.

явление на константинопольском горизонте стало очень ярким, но коротким явлением.

Так как публика, ходившая в эти кабаре, тоже по большей части была русской, то программки нередко печатались на машинке по-русски и по-французски, но некоторые издавались

на приличной бумаге и были выполнены очень профессионально. Звездами в «Очаге» почитали русских певцов Нину Боярскую и В. Проженко. На пожелтевшей газетной вырезке из русской газеты в Константинополе мы читаем:

«Очагрусских артистов» — Сегодня Гала-спектакль — Большой русский боярский вечер — при участии лучших артистов Константинополя г-жи Боярской, Горностаевой, Жуби, Кунавской, Муравьевой, Трапполи и др., господ Бельского, Данюшина, Ермолова, Акиарова, Скаржинского, Краценко, Триполитова и др. Выдающаяся программа, разнообразный репертуар. Лучшие инсценировки! Веселые скетчи! Сюрпризы! Compliments! Трюки! Зал декорирован. В программе свыше 20 номеров. Русское веселье и раздолье. Масса новинок. Съезд к 10 вечера. Вход бесплатный.

Коля Триполитов участвовал в прощальном вечере артиста Сергея Николаевича Франка 14 мая 1923 года перед его отъездом за границу. В поисках лучших заработков русские артисты надолго в Константинополе не задерживались. Там некоторое время выступала известная на всю Россию одесская певица Иза Кремер, певшая в константинопольский период вместе с Юрием Морфесси. Но, поссорившись с певцом-монархистом по политическим мотивам, предпочла поскорее уехать в Европу, где с успехом продолжила свою концертную деятельность, исполняя «интимные песенки» и русский народный репертуар.

روزانه حکمدر

Hotel Splendid Palace Prinkipo
 Dimanche 26 Aout à 10 h. du soir

GRAND CONCERT DE GALA
 suivi d'un
GRAND BAL

avec le concours des artistes de l'Opéra et du Ballet Russe

Mlle Lydia Smirnowa (Soprano), Mr Kachlakoff (Baryton)
 Mlle O. Smirnowa (Prima Ballerina), Mr Tripolito

Grand Ballet des plus petites ballerines
 Anna et Alfred Slezinger   Laïa - Taïssia

PROGRAMME

1. DRIGO, Polka du Ballet «Arlekinada» par Taïssia
2. CHOPIN, Valse No. 7 par Anna & Alfred
3. KREITZLER, Valse par O. Smirnowa & Tripolito
4. VERDI, Air de Gioconda par L. Smirnowa
5. GLINGA, L'étoile du Nord par Kachlakoff
6. SMITH, Tarantelle par Laïa
7. Polka-Comique par Anna & Alfred
8. Danse Espagnol par O. Smirnowa
9. BIZET, Chabanera par L. Smirnowa
10. CHUBERT, Le Voyageur par Kachlakoff
11. CHOPIN, Valse No. 3 par Taïssia
12. L'Hiver (petit ballet) par Anna
13. Valse classique par O. Smirnowa & Tripolito

Программа гала-концерта в отеле Splendid
 на Принцевых островах в Константинополе, 1923 г.

В 1923 году Коля Триполитов познакомился в Константинополе с большой любовью своей жизни, ставшей впоследствии его женой, Ольгой Смирновой. Она родилась в России 2 марта 1903 года в семье казачьего генерал-лейтенанта Михаила Николаевича Смирнова. Вместе с семьей Ольга попала после революции в Константинополь, где стала заниматься у балетмейстера Долинова и выступала в качестве примы-балерины в модном кабаре — ресторане «Максим». Это было очень известное и успешное заведение константинопольского периода русской эмиграции. Этот летний театр с небольшой сценой в русском стиле открыл в саду «Стелла» известный московский ресторатор «негр» Федор Томас (на самом деле он был метисом из Мексики). У него уже был похожий театр в Москве в саду «Аквариум», и он тоже назывался «Максим». Там выступали русские цыгане — Настя Полякова и Ницца Колдобан, а также ставили очень хорошие оперетки, так как тогда в Константинополе сосредоточились большие артистические силы старой России. На сохранившейся в альбоме моего мужа фотографии — нехитрый балет «Сны Коломбины» в стиле дягилевского «Карнавала» в черно-белых костюмах по мотивам Бакста — это было особенно модно. Ольга Смирнова уже балетная звезда и будущая жена Коли Триполитова, стоит в центре в роли Коломбины. В роли Пьеро выступил Анатолий Долинов, главный балетмейстер в «Максиме». В балете участвовали также Бачилова, Воробьева, Монсарова, Шереметева и Дубровинский. Пресса города восторженно писала об этих полупрофессиональных постановках:

Programme

SENTIMENTAL IDYL (Sketch)

Mme Bojarskaya et Mr Daniuschin

RUSSIAN SONGS

Mme Gornostaeff

BALLET

A SHORT HOUR IN THE COUNTRY

Music by Ariemieff, Staged by D. Dolinoff

Participants

<i>Misha (young country boy)</i>	<i>Mr D. DOLINOFF</i>
<i>Tania (young country girl)</i>	<i>Ms SMIRNOFF</i>
<i>The mother of Tania</i>	<i>Mr Feodoroff</i>
<i>The brother and sister of Tania</i>	<i>Ms Valia</i>
	<i>Mr Volodia</i>

*The young country girls: Mss Bacheloff, Vorobieff, Dolrovinskaya,
Cheremetieff and Ouzaroff*

The comical courtwomen: Mss Vorobieff and Cheremetieff

Young lad Mr Tripolitoff

By the piano Mr Katz

„J'en ai mare“

Ms Mouravieff and Mr Tripolitoff

Bohemian dance Ms Cheremetieff

Variation of the ballet „Copelia“ Ms Batchiloff

Manager of Artistic Departement Mr. **Sandro Korona.**

Baletmeister Mr. **D. Dolinoff.**

Chef d'Orchestre Mr. **Shpigel.**

Программа выступления русских артистов.
Константинополь, 1923 г.

Открытие летнего ресторана «Максим» прошло при огромном успехе. Гвоздем программы был русский балет, поставленный господином Долиновым, в котором почти вся труппа состоит из его учеников. Господин Долинов смог в своей постановке решить трудную задачу объединить требования мюзик-холла и балета, сохраняя при этом всю чистоту и артистизм.

Коля Триполитов продолжал танцевать с Лизой Муравьевой. Но в следующей постановке — русском балете «Часок в деревне», где Смирнова танцевала крестьянку Таню, а Долинов — крестьянина Мишу, Триполитов уже исполнял небольшую роль молодого крестьянина и числился в программке «Максима». Шестнадцатого августа 1923 года Коля Триполитов и Лиза Муравьева участвовали в концерте загадочной певицы в кокошнике Перлы Филипповой в кабаре «Черная роза», где часто выступал знаменитый Александр Вертинский. Помещение этого славного русского кабаре сохранилось в Стамбуле до сих пор, но теперь в нем кафе. А 23 августа в «Максиме» давали гала-концерт и бенефис уже Смирновой и Триполитова. То есть их артистическая пара оформилась, очевидно, в августе 1923 года, после чего они всегда выступали вместе на протяжении более десяти лет! Вот как судьба и молодость сводит людей.

Двадцать шестого августа Смирнова и Триполитов выступили в гала-концерте в отеле «Сплендид Палас» на красивых Принцевых островах недалеко от Константинополя, куда впоследствии

был сослан Троцкий. В тот вечер они танцевали вальс на музыку Крейслера. На следующий день, 27 августа, Коля еще выступил в городском саду «Таксима» с русскими артистами в опере «Лакме». Это было, вероятно, последнее выступление Николая Триполитова в Турции.

В 1923 году Мустафа Кемаль Ататюрк провозгласил Турецкую республику, что стало сигналом к отъезду из Константинополя многих русских беженцев. Тогда же, в начале сентября, город покинула вместе со своим новым партнером и будущим мужем и Ольга Смирнова. Окрыленные успехом и влюбленные, они решили уехать на заработки в Париж. Путешествие заняло более двух месяцев. Однако добирались туда они порознь. Ольга плыла в Марсель вместе со своими родителями, а у Коли денег было мало, и он оформился санитаром на пассажирское судно и так достиг Марселя, а затем и долгожданного Парижа.

*Николай Триполитов и Ольга Смирнова перед афишей
их выступления в казино Palace. Париж, 1928 г.*

Смирнова и Триполитов в Париже

Выбор их был не случаен. Семья Ольги тоже переехала в Париж. В Париж уехала и балетная учительница Коли Елизавета Глюк. Там же жила родная тетка Коли Триполитова Мария Лане, родом из Кисловодска, и ее сын Макс Лане. Тетка, происходящая из русской семьи, вышла замуж за состоятельного, даже богатого француза, внука известного художника Эдуарда Пангре (1788–1875). Пангре, ученик любимого художника Наполеона Давида, выставлялся на парижском салоне очень долго, более полувека, с 1810 по 1867 год. Он, судя по справочнику, получил две серебряных медали, в 1824 и в 1831 году, и орден Почетного легиона в 1839 году за свои художественные заслуги. Эдуард Пангре писал высший свет своей эпохи и даже коронованных особ — английскую королеву Викторию и французского короля Луи-Филиппа, а также исторические по-

лотна на разные темы. Известна его работа «Маркиза Помпадур и Людовик XV».

Родственные связи позволили Марии Лане, тетке Коли, даме в прошлом красивой, жить на широкую ногу в собственном особняке в XVI квартале Парижа, что считается особенно престижным. Именно у Марии Лане Коля и поселился, но приобретенные ею французские манеры под корень

Ольга Смирнова в эстрадном костюме из перьев. Париж, 1927 г.

уничтожили русское гостеприимство. За постой тетка потребовала у Коли денег. К счастью, три дня спустя после переезда в Париж в декабре 1923 года Коля Триполитов с Ольгой Смирновой уже получили ангажемент в первую гастрольную труппу де Базиля с оплатой по 20 франков в день, по тем временам приличные деньги.

В той гастрольной труппе было восемь артистов. Среди них — упомянутая мной выше константинопольская звезда балета Елизавета Глюк, Дима Гречихин, Ольга Смирнова, Коля Триполитов, Нина Леонидова (первая жена полковника де Базиля) и Галина Глухарева. Пианистом и дирижером оркестра был Николай Иванович Дяблянский, очень

симпатичный музыкант. Я этих выступлений не видела, но, судя по фотографиям, Смирнова и Триполитов выступали в дуэте в восточных или в античных костюмах и делали модные тогда номера с поддержками. Влияние дягилевского балета было очень велико, и естественно, что маленькие труппы ему, как могли, подражали. В ту пору, после снятия женщинами корсетов, в моду стала входить нагота, это было в новинку, и костюмы Ольги и Коли делались все более и более открытыми.

Турне по городам Франции длилось около двух лет, а потом в Париже Ольга Смирнова стала брать уроки классического балета у Ольги Преображенской и иногда у Любови Егоровой. У Ольги, очень привлекательной брюнетки, с большими

глазами и хорошей фигурой были эффектные сценические платья с длинным треном-хвостом. Два ее огромных веера из страусовых перьев нефритового и бирюзового цвета теперь хранятся у меня в Париже.

В 1920-е годы парижане еще питали большой интерес к русским эмигрантам. Им нравился

Ольга Смирнова в цветочных гирляндах. Париж, 1927 г.

экзотизм русской культуры, язык песен, краски живописи, запахи кухни, новизна русских мод. Вот поэтому в Париже тех лет открылось так много русских ресторанов, кабаре и домов моды. Ну а более всего прославился русский балет, которой стараниями Дягилева стал лучшей рекламой всему русскому. Тогда участие русского имени в театральной, и особенно балетной, афише до-

*Ольга Смирнова. Париж,
1927 г.*

рогого стоило, и многие иностранцы даже меняли свои имена на русские.

В мае 1925 года, когда интерес к русскому искусству в Париже был в самом расцвете, Ольга Смирнова и Николай Триполитов получили ангажемент в парижский театр, знаменитую «Олимпию» на Больших бульварах, что считалось большим успехом. Так постепенно началось покорение

Парижа этой оригинальной танцевальной парой. После успеха в «Олимпии» они получили другое важное приглашение. В октябре–декабре того же года они выступали в Лионе в «Казино» уже в качестве приглашенных звезд программы. Это во Франции было невероятно престижно. Ольга, судя по сохранившимся фотографиям, была

очень красивой дамой, с изящной фигурой, и она часто выступала полуголой, с открытой грудью. В 1920-е годы это было модно, так делала американская шоколадная танцовщица Жозефин Бейкер, так же выступала и русская балерина, ученица Преображенской Лиля Никольская, урожденная Булкина. Впоследствии эта Никольская, знаменитая нагая танцовщица, одно время — звезда «Фоли-Бержер», стала примой-балериной в Пражской опере и скончалась в Венесуэле уже после войны.

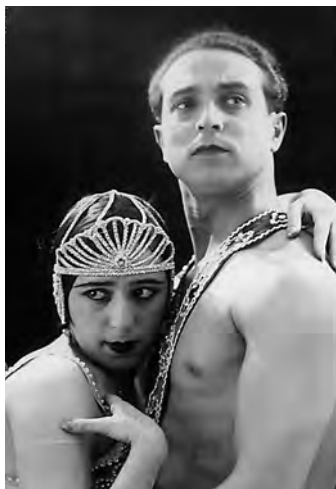
Смирнова и Триполитов выступали в самых престижных парижских кабаре — «Концерт Майоль», «Казино де Пари», «Альказар» и год гастролировали в Америке. С мая 1926 года по май 1927 года Коля Триполитов и Ольга Смирнова танцевали в Нью-Йорке в знаменитом «Шубертреву». Вместе они создавали сложные и красивые полуакробатические поддержки. Короче, это был классический кабаретный жанр 1920-х годов, с перьями, стразами и пайетками. Они были тогда довольно знаменитыми, фотографии их дуэта публикава-

Ольга Смирнова и Николай Триполитов в эстрадных костюмах. Париж, 1927 г.

лись в различных ревю и журналах. Ольга и Коля много работали, бесконечно репетировали, придумывали новые номера. Они так никогда официально и не поженились, хоть и жили вместе. В июле 1927 года пара вернулась пароходом во Францию из Америки и снова стала выступать в Париже.

Очень важным для дуэта стал ангажемент с сентября 1927 года по февраль 1928 года в парижском

Ольга Смирнова и Николай Триполитов. Париж, 1927 г.

варьете «Палас», где тогда давали «Ревю о ню», и они были гвоздем программы. В июле 1928 года они уехали в Италию, в театр «Эльдорадо» в Неаполе, где тоже имели большой успех.

Затем, в октябре 1929 года, они получили ангажемент в Данию, в Копенгаген, в театр «Аполло». Потом танцевали в большом ревю в Голландии. Но осенью 1929 года после финансового краха на Уолл-стрит в Нью-Йорке начался экономический кризис, что сильно повлияло на экономику всего мира и на количество ангажементов русских артистов, в частности. Ольге Смирновой и Николаю Триполитову все труднее было найти работу.

Чтобы прокормить себя в период кризиса, Коля стал зарабатывать на жизнь дирижерским искусством — помог опыт участия в опереттах в Константинополе. В поисках заработков он отправился в Германию, экономика которой налаживалась быстрее. Работу помогли найти друзья-эмигранты из Добровольческой армии. В 1933 году он записал в Германии свою единственную грампластинку, на которой дирижировал знаменитым на весь мир в те годы «Хором донских казаков» под управлением Жарова. Тогда такие хоры были в большой моде, и несколько конкурировавших между собой хоров, составленных из русских эмигрантов, гастролировало по Европе и Америке. В период 1920-х годов своими выступлениями Ольга и Коля заработали много денег и купили домик в парижском предместье Ливри-Гарган, но Смирнова, к несчастью, много болела. Сказалась большая физическая нагрузка. У нее развился аппендицит, потом заворот кишок и перитонит. Ольга Смирнова скончалась на операционном столе 12 июня 1936 года и похоронена на Сен-Женевьев.

Ольга Смирнова и Николай Триполитов. Париж, 1928 г.

Николай Триполитов. Париж, 1930-е гг.

О моем муже

Мой драгоценный и любимый Коля родился в колоритном и многонациональном городе на юге России, Одессе, в 1894 году и окончил там кадетский корпус. Многие кадеты оказались потом за границей. Вот очень характерный эпизод из жизни старой русской эмиграции. Как-то в Париже я села в такси, водитель оказался, как водится, русским и, узнав, что моя фамилия Триполитова, спросил, не жена ли я его одноклассника по одесскому кадетскому корпусу, Коли? Он так обрадовался, когда я это подтвердила, что не только денег не взял, но и чемодан до квартиры помог донести, такой любезный оказался кадет. Коля потом часто в Париже собирался с соучениками по кадетскому корпусу, дружил с ними. Отец Коли был капитаном корабля, они были довольно богаты, все дети получили хорошее воспитание. Аккуратный Коля всегда вел дневник, и у меня сохранилось 20 тетрадей со всеми подробностями его жизни в Константинополе, написанные четким бисерным почерком.

Мамой Коли была гречанка Анна по фамилии Микайлопуло. И Триполитов — это тоже греческая фамилия, но они стали в России столбовыми дворянами, и у них был свой герб. После революции родители Коли остались в Одессе вместе с его первой женой, о которой я ничего не знаю. У Коли в России осталась и дочь от этого раннего, первого брака, Ирина Триполитова. Я ее никогда не встречала, она должна быть моих лет и, кажется, была в Одессе известной пианисткой.

Старшая Колина сестра Ольга жила в Болгарии русской беженкой. Ее муж рано умер, и на руках осталась дочка Тамара. Эта Тамара потом пережила любовную драму и из-за нее погибла — ее из ревности убил обожатель в Болгарии. Ольга была вне себя от горя и не хотела больше оставаться на Балканах. Тогда Коля выписал в Париж свою сестру из Болгарии, и она работала в лавочке с русскими продуктами, тоже в XV квартале. В Париже она познакомилась с новым мужем. Им стал бывший офицер Сергей Сытин, служивший поваром в знаменитом парижском русском ресторане «Корнилов». Они жили в густонаселенном русскими беженцами XV квартале на рю де Театр, № 42. Эта тетя Оля так хорошо готовила — всё умела делать. Всё! У Коли было еще два брата — они погибли в начале Первой мировой войны. Один убит, а другой скончался от тифа.

В то время между СССР и остальным миром опустился настоящий железный занавес, мы ничего толком не знали ни о жизни в России, ни о судьбе Колиных родителей и дочери и были очень напуганы известием об исчезновении генерала

Кутепова, а потом и генерала Миллера в Париже в 1938 году. Это вызвало бурю возмущения в эмиграции, много обсуждалось в то время, и все терялось в догадках. Причастность к делу знаменитой певицы русской эмиграции Надежды Плевицкой вызвало много негодования, кто бы мог предположить, что она была агентом ГПУ? Теперь же выяснилась и причастность к этому заговору мужа Марины Цветаевой Сергея Эфрона...

Когда я познакомилась с Колей в 1936 году, домика в предместье Ливри-Гарган уже не было, продали его из-за нужды, ведь Ольга Смирнова, как я рассказывала выше, очень болела. Коля жил в скромном отеле, и все его богатство составлял чемодан с костюмами покойной Ольги. Ему срочно нужны были деньги, работа и новая партнерша. В те далекие годы в Париже жили сестры Дерби, тоже русские беженки, но довольно неприятные. У них были сценические костюмы, и они хотели работать с Колей для казино и делать турне по Европе. Сестры Дерби откуда-то имели средства и собирались даже финансировать эту работу, зная о Колином сценическом опыте и славе. Они хотели создать ансамбль и набрать в него балерин. Девочки у Егоровой сказали мне, что организуется такой ансамбль и можно прийти на пробу. Я пришла на просмотр к Триполитову и очень ему понравилась. Мне тоже сразу понравился высокий, интересный брюнет с вьющимися волосами. Чувство наше вспыхнуло мгновенно и ярко. Он был человеком сентиментальным, добрым, и я осталась с ним вместе на 36 лет. Когда я сказала маме,

что меня хотят ангажировать в труппу Дерби под руководством Триполитова, мама стала наводить справки. Беспокоясь обо мне, мама пришла к парижскому балетоману Николаю Дмитриевичу Янчевскому за рекомендацией о еще неизвестном нам Триполитове. А Янчевский его хорошо знал и отзывался с почтением. Николай Янчевский был очень занятой личностью. Он родился в Воронеже 2 ноября 1898 года в дворянской семье, был кадетом и корнетом Закаспийской дивизии, но прославился в эмиграции как автор книги о балете «Аполлон в огне». Он скончался в Париже 19 ноября 1959 года и похоронен на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа.

Да и сама Любовь Николаевна Егорова, мой высший авторитет, тоже знала лично Колю Триполитова, ведь его первая партнерша Ольга Смирнова у нее иногда занималась. Хотя Николай Триполитов был старше меня на двадцать лет и я могла бы по возрасту быть его дочерью, внешне это было не очень заметно. Я находила его романтичным, замечательным человеком. Потеряв свою первую партнершу и жену Смирнову, Коля стал очень меланхоличным. Я же, наоборот, была живой и веселой, и это ему нравилось, возвращало к жизни. Так что дело уладилось, и мама успокоилась. Я выучила вальс, танго, польку— я была симпатичной, молодой девушкой, и нам давали ангажементы. В 1936 году, через несколько месяцев после смерти Ольги, мы уже поехали в Бельгию. Там 24 декабря мы участвовали в большом рождественском концерте в казино города Спа, потом поехали с «Балетом Дерби» по Франции —

в Гранвиль, были в Бельгии в Остенде, в Довиле. Но это продолжалось недолго. Сестры Дерби постоянно ссорились между собой и с артистами труппы, и дело не пошло. Но Коля и я очень нравились друг другу, он предложил мне сделать вместе номер с поддержками, и я согласилась. В той маленькой гастрольной труппе было мало танцовщиц. Там были девочки из хороших семей — например, Наташа Клеповская, которая потом в 1939 году уехала в балет к де Базилю. А к нему, кстати, многие хотели попасть. Ученица Егоровой Таня Лескова, правнучка знаменитого писателя, тоже согласилась танцевать у де Базиля и стала ведущей солисткой. Звали туда и Колю, но он не хотел оставить свою сестру одну в Париже. Отдав меня на попечение Триполитову и Егоровой, мама грустила и решила уехать назад в Польшу, к мужу и дочери. Но, увы, мы предполагаем, а Господь располагает...

В Париже я как-то познакомилась в студии Егоровой со знаменитой балериной Ниной Кирсановой, о которой уже раньше писала, и она предложила мне поступить по окончании обучения у Любви Егоровой в ее гастрольную труппу. Ее партнером был известный танцовщик Игорь Швецов, и она ежегодно организовывала гастрольные сезоны в Монте-Карло, совместно с оперным театром княжества. Кирсанова говорила мне: «Переходите ко мне, еще многому научитесь! Николай Триполитов не классик. Вам лучше перейти ко мне в труппу в Монте-Карло!» Кстати, у нее в труппе было несколько танцовщиков из Рижской оперы, и солисткой была ученица

Преображенской Нина Юшкевич. Но я тогда уже репетировала с Николаем Триполитовым и Кирсановой отказала. Замечательная, сильная полухарактерная классическая балерина, Нина Кирсанова, урожденная Вагнер (она была немецких кровей), родилась в Москве в 1898 году. Танцу она училась в частной школе у Собошанской, известной балерины Большого театра XIX века. В Москве Кирсанова выступала в опере Зимина, где одно время ее партнером был Игорь Моисеев, организовавший потом свой ансамбль народных танцев в СССР. Он тоже долгожитель — дожил до 101 года! Нина Кирсанова, спасаясь от большевиков, переехала в Польшу, где танцевала в Львовской опере, а потом в Югославию.

Седьмого ноября 1923 года Нина Кирсанова дебютировала в Белграде с Александром Фортунато, балетмейстером Львовской оперы, на вечере балета. Их успех был огромен, и в феврале 1924 года вместе с Фортунато она подписала контракт с Белградской Королевской оперой в качестве примы-балерины и ведущего солиста и балетмейстера. Вместе с ними в этой труппе оказались балерина Мариинского театра Елена Полякова и русский танцовщик Сергей Стрешнев. В 1926 году Кирсанова гастролировала в Париже и Буэнос-Айресе. Великая Анна Павлова, нуждавшаяся в хороших солистках в своих концертных турне, пригласила Кирсанову в 1927 году в свою труппу, где та и оставалась до самой смерти Павловой в 1931 году. Павлова и Кирсанова очень дружили. Вернувшись после этого в Белград, Нина Кирсанова стала ведущей балериной, ди-

ректором и хореографом в Белграде и матерью сербского балета. Она работала также в Монте-Карло, Барселоне, Каунасе и со своей собственной труппой исколесила всю Европу. Именно в эту труппу она меня и приглашала. Нина Кирсанова одно время даже выступала в Испании с русским кабаре «Летучая мышь». Яркая жизнь Нины Кирсановой закончилась в Белграде 3 февраля 1989 года, и ее справедливо почитают в Югославии, как основательницу белградского классического балета.

Но вернемся к нашей с Колей артистической судьбе. Мы начали вместе гастролировать по Европе. Больше всего предложений поступало из богатой тогда Германии. Мы ездили в Гориц в Германию, где танцевали в варьете «Скала», и в Бреслау, где выступали в кабаре «Хайферкроне». Но прямо по возвращении с гастролей у нас в семье случилось большое несчастье! Мама уехала в Польшу и, встретившись в Познани с дочерью Тamarой, на которой лица не было, узнала, что неделю назад та похоронила в Лиде папу.

Мой любимый папочка скончался 6 декабря 1936 года от сердечного приступа во сне, дома в Лиде, тогда маленьком польском городке недалеко от Вильно. Письмо с этим грустным известием разминулось с мамой — пока она ехала в поезде, папу хоронили. Мобильных телефонов тогда не было. Мой Коля в Париже получил письмо, прочел, посмотрел на меня и сказал, что известие грустное, но я теперь не одна, а с ним. Он хорошо знал, что такое смерть близкого человека, ведь совсем недавно сам потерял жену, Ольгу Смирнову!

Вскоре началась война, и восточную Польшу Гитлер отдал Сталину. В результате пакта Молотова – Риббентропа советские войска заняли эту часть Польши в 1939 году, и агрессия шла с двух сторон одновременно. Лида стала частью СССР, кладбища попали в руки вандалов, и могилки моего папы не сохранилось. Но это я узнала уже много десятилетий спустя, когда закончилась холодная война, поднялся железный занавес и я смогла наконец побывать в Белоруссии. И вот, в сентябре 2004 года, 67 лет спустя после его смерти, я предприняла попытку по установлению памятника папе с его фотографией на кладбище, где он когда-то лежал. Я заказала крест из белого мрамора и красивое оформление могилы. Как будто гора с плеч свалилась! Как была бы довольна моя мама, узнав об этом... Местный ксендз Казимир Казимирович отслужил молебен и освятил это место. Царствие ему небесное!

*Николай Триполитов и Ольга Смирнова в костюмах
для «Восточного танца». Париж, 1927 г.*

Ксения и Николай Триполитовы. Париж, 1938 г.

Ксения и Триполитов

Но вернемся к моей балетной жизни в Париже. Судьба позволила мне познакомиться с искусством еще одной великой русской балерины — Спесивцевой. В Париже в «Опера комик» в 1937–1938 годах я видела выступления Ольги Спесивцевой с Сергеем Лифарем в «Лебедином озере». Какой дивной балериной она была! В той же «Опера комик» мне посчастливилось увидеть на сцене знаменитый дуэт Сахаровых — Клотильду и Александра. Она показалась мне очень красивой и оригинальной, но их жанр был совсем особым, неповторимым.

Мы начали нашу гастрольную деятельность с мужем в июне 1937 года в небольшом казино голландского города «Фалькенбург», а в июле уже выступали в той же стране в городе Нордвик. Мы часто ездили на море, катались на велосипедах. В августе 1937 года мы получили контракт в казино «Палермо» голландского городка Шевенинген. С нами в программе выступала балерина Ростова. Тогда же я побывала на съезде скаутов

в Эмборе в Голландии и даже встретила там делегацию польских скаутов и сфотографировалась с ними на память!

Главным событием ранней осенью в Париже была знаменитая Всемирная выставка 1937 года, которую я вспоминаю с большим удовольствием. Множество людей из всех стран мира съехались в довоенный Париж, чтобы полюбоваться замечательными павильонами стран-участниц, достижениями их культуры, экономики и техники. Выставка проходила в Трокадеро, перед Эйфелевой башней. Специально для нее был вновь отстроен дворец Шайо в стиле ар-деко, который заменил более старинный и пышный, остававшийся там от прежней выставки 1900 года. Главными павильонами, привлекавшими всех, были стоявшие друг против друга немецкий и советский. Их многое роднило — социализм и диктатура в обеих странах, мощные символы на вершине каждого из павильонов: нацистский орел у немцев, рабочий и колхозница у советских. По случаю выставки в Париж даже приезжала из Москвы труппа Московского художественного театра и давала «Анну Каренину». Посещение этой выставки довольно подробно запечатлено на моих любительских фотографиях.

Но нам с Колей надо было работать, и в октябре 1937 года мы уехали на гастроли в Германию. Сначала в Гамбург. В январе–апреле 1938 года, в канун Второй мировой войны, мы гастролитовали по Германии в программе варьете. Мы побывали в Висбадене, Берлине, Вуппертале, Эрбельфельде, Бреслау, Кельне и других городах.

*Ксения и Николай Триполитовы в костюмах для вальса.
Париж, 1940 г.*

В уютном Висбадене мне запомнилось посещение старинной русской церкви, где покоится великая княгиня, дочь императора, роскошные здания казино и городского театра. В январе 1938 года в Бреслау (теперь — Вроцлав) мы увидели настоящую снежную зиму, каких в Париже не бывает. Там мы выступали в кабаре «Хайферкроне».

В мае 1938 года после гастролей в Кельне мы с Колей попали в Берлин, столицу гитлеровской Германии, который производил тогда впечатление очень чистого, ухоженного города. Но повсюду висели флаги со свастикой, на улицах постоянно встречались полицейские и военные. По Берлину ездили двухэтажные автобусы, было много автомобилей и элегантно одетых дам. Тогда многие носили костюмы-тайеры и шляпы. Я тоже так одевалась во время гастролей, но в основном предпочитала спортивный стиль, так как была молода и хорошо сложена.

Тогда наш дуэт назывался «Ксения и Триполитов». У нас было много различных костюмов, довольно открытых, в которых мы давали концерты. Все выступления организовывали импресарио. Часто контракты нам давала дама-импресарио мадам Таломэ, бюро которой находилось в зале Плейель. Наши номера мы сами себе ставили, делали это в студии Гржебиных или у Егоровой, а иногда снимали еще какую-нибудь студию. Нам аккомпанировали разные пианисты, среди которых я запомнила русскую эмигрантку Сапунову. В июне 1938 года мы с Колей ненадолго вернулись в Париж, чтобы вновь уехать на гастроли в Германию, где танцевальный

*Ксения и Николай Триполитовы в костюмах для польки.
Париж, 1938 г.*

жанр в то время очень любили. В том же месяце мы выступали в Аахене, славящемся своими древними соборами, так как в средние века тут располагалась столица Священной Римской империи императора Карла Великого. В Аахене мы нашли чудесно обустроенный бассейн и вдоволь купались и плавали. В июле 1938 года мы с Колей снова уехали танцевать в Берлин, ездили оттуда на пляж Ванзее и репетировали прямо на природе новые балетные поддержки. В августе того же года — снова гастролы в Бреслау, где мы уже побывали зимой и очень понравились публике. Мы выступали там в открытом летнем театре. По Германии передвигались поездами, которые в то время ходили очень точно.

Гастролы привели нас в Мюнхен, оплот нацизма. Повсюду слышалось «Хайль Гитлер!». Однажды я прошла в театре мимо портрета фюрера и не отдала салют — забыла... Так меня поймали за шкирку, вернули силой на то же место и пропустили лишь после того, как я сказала: «Хайль Гитлер!» А иначе — вон из театра. Мы с мужем в нацистской Германии часто жили на гастролях в пансионатах, и в одном из них у нас была хозяйка, фанатично преданная идеям гитлеризма. Над кроватью в ее спальне вместо положенного распятия висел портрет фюрера, и ежедневно она молилась: «Майн фюрер, майн либер Гитлер!» Вот до чего ослепление может довести людей!

Когда мы приезжали на гастролы — первым делом распаковывались, приводили в порядок сценические костюмы, штопали их и гладили. Потом делали класс и репетировали. Если оста-

валось время, гуляли по городу. Повсюду в Германии мы видели черную свастику и красные флаги нацистов, даже на пляже, где загорали. Правду сказать, везде в Германии были открыты русские церкви — мы ходили в русские храмы в Висбадене, Баден-Бадене, Гамбурге. Даже на Пасху как-то были там. В то время мы ничего толком не знали о политике нацистов, об арестах евреев и концентрационных лагерях. Германия до войны и бомбежек была очень красива, но все это по собственной отчаянной глупости потеряла. Вот до чего доводит самоуверенная спесь!

С 1 по 15 мая мы выступали в кабаре «Курхаус» в Баден-Бадене в смешанной программе, и нас представляли как «светскую танцевальную пару» — Ксению и Николая. Во время той поездки мы получили контракт в Кенигсберге, столице Восточной Пруссии, туда надо было ехать поездом через Польшу. У меня на руках был мой польский паспорт, а у Коли только беженский, нансеновский. Он польской визы получить не смог и плыл морем. А я поехала через Гнезно, где жили мама с моей сестрой. Тогда-то я и увидела мамочку последний раз в жизни. Вскоре началась война, и мы больше не встречались. Кенигсберг мне ничем особенным не запомнился, но у нас даже и времени свободного не было смотреть достопримечательности — ведь мы приезжали на работу, танцевать!

В октябре того же 1938 года мы гастролеровали в Вене в мюзик-холле «Ронахер», в Австрии, уже оккупированной нацистами после «аншлюса». Этот театр был основан в 1888 году

Николай и Ксения Триполитовы в новых костюмах для номера «Сент-Луис блюз». Париж, 1940 г.

и справлял тогда свой 50-летний юбилей. Он рекламировал себя как «большое варьете по небольшим ценам» и находился в Вене на Зейлерштаате, 9. Кроме нас, в программе участвовало немало артистов: жонглерша и эквилибристка Лоте Яновская, семья гимнастов Рольф, немец-юморист Оскар Альбрехт, китайские музыканты в народных костюмах, модные тогда кубинские танцоры, — но в программе наши с Колей фото были первыми!

По возвращении в Париж я официально вышла замуж за Николая Триполитова в мэрии IX квартала, 16 сентября 1939 года. Я была с ним знакома к тому времени три года и радовалась нашему счастью. Мы, молодожены, первое время жили в «Риш Отеле» на рю де Парм в Париже. Начало Второй мировой войны в 1939 году явилось

Ксения и Николай Триполитовы в костюмах для номера «Хабанера». Париж, 1938 г.

для нас полной неожиданностью. Все вокруг наивно надеялись, что обойдется без кровопролития. Время шло, и мы с мужем стали поговаривать о детях, но танцы были для нас важнее. Постоянные гастроли, разъезды, выступления, да и разница в возрасте была помехой увеличению семьи. Мы с Колей решили, что незачем плодить нищету, ведь жили мы в очень тяжелое время, к тому же надвигалась война.

Мы остались в Париже в 1939 году. Живший там поляк Стэнли Бари (Станислав Змарзлик) организовал собственную маленькую труппу. С этой польской труппой в 1940 году я ездила в казино Ниццы на Лазурном берегу. Наш директор Стэнли Бари, шатен плотного телосложения, был сильным характерным танцовщиком. Главной балериной у него была Нина Вырубова.

*Балерина Нина Вырубова в «Половецких плясках».
Париж, 1940-е гг.*

Там же танцевала Ирина Бондарева, дочь актера МХТ Алексея Бондарева. Ее судьба и семья очень интересны. Алексей Бондарев играл в Москве в Художественном театре небольшие роли, например Держиморду в «Ревизоре», а в эмиграции снимался в немых фильмах и был партне-

ром Михаила Чехова в Париже. Красавица-дочь Ирина очень хорошо пела. Впоследствии, оставив балет, она пела в кабаре, например в «Шахерезаде». Ее конец был трагичным — стала пить и сгорела в собственной кровати от незатушенной сигареты.

Из мальчиков в «Польском балете» танцевал Вова Игнатов, первый муж Нины Вырубовой. Вова был очень способным, но маленького роста, и в партнеры не подходил. Потом он преподавал в театре Шатле в Париже и в Лионе.

В той же труппе выступал Степа Авакян, он не был профессионалом (хотя и занимался у Преображенской), так как уже тогда учился медицине. Его женой была балерина Нина Прихненко — тоже ученица Преображенской. Степа затем стал доктором и лечил многих русских, а Нина — секретарем редакции газеты «Русская мысль» в Париже. Я танцевала па-де-труа «Червоно яблійжко» с Вовой и Степой. С нами в труппе работала и очень красивая княжна Люля Оболенская, но танцевала она слабо.

Феликс Парнель, польский балетный директор, как-то выступал с ансамблем польских танцев в «Казино де Пари». Он узнал, что у меня есть польский паспорт, и предложил мне поступить к нему. На просмотре я танцевала мазурку, имела успех, но в Польшу с ним поехать не могла. Для таких поездок во время войны надо было получать специальный пропуск.

Мы смогли во время войны выехать лишь в Бельгию. Для этого мне надо было пойти в польское консульство, где мне выдали польский паспорт

Ксения и Николай Триполитовы в костюмах для номера «Аргентинское танго». Париж, 1938 г.

с изображением орла, но без короны. В Бельгии мы танцевали в русском кабаре «Слав» в Брюсселе и в Генте, в ночном кабаре. В Брюсселе исполняли «Сент-Луис блюз» и вальс. Мой костюм для «Сент-Луис блюз» состоял из лифчика и коротеньких штанишек из черного атласа, покрытого черными кружевами, асимметрично расшитых серебряными блестками. Руки закрывали кружевные черные митенки. Я сильно гримировалась, подводила ду-

гой брови и клеила ресницы. У меня были волосы до плеч, и к ним я еще добавляла накладные локоны, прически украшала цветами и диадемами. Везде мы пользовались успехом.

В Бельгии было довольно спокойно, более сытно, чем в Париже, но ангажементы наши длились лишь по две недели. Перевозить деньги из Бельгии во Францию запрещалось, но я догадалась спрятать их в утюг и так прошла таможеню.

Моя сестра Тамара жила в Польше, в Познани, и в один прекрасный день, возвращаясь из аптеки, где работала, она увидела в небе над головой немецкие бомбардировщики, из которых падали бомбы на ее город. Это было страшно!

Наш любимый Вильно тоже бомбили, но уже советские самолеты, в конце войны. И уж совсем никто не мог предположить, что на следующий, 1940 год немцы войдут в Париж и великолепный город, гордость французов, будет взят почти без боя 14 июня. Вся переписка с Польшей прекратилась на четыре года, и я ничего не знала о судьбе сестры и мамочки.

Ксения Триполитова в 1940 г.

Война

Париж

*Ксения Триполитова на лестнице церкви Сакре-Кер
на Монмартре. Париж, 1940 г.*

В оккупированном Париже

Начались очень тяжелые годы оккупации, которую мы с Колей провели в Париже. Поначалу, когда в Париж вошли немцы, они вели себя чрезвычайно вежливо. Не все французы поняли сразу трагизм оккупации. Коммерсанты, например, наперебой расхваливали немцев и называли их «очень хорошими клиентами». И действительно, они все покупали в Париже и потихоньку все раскупили. Товаров стало меньше, а потом и вовсе не стало.

Многие французы стремились подружиться с немцами, чтобы иметь возможность лучше питаться в ресторанах и больше выходить. Но мы с Колей старались их избегать и, как показал дальнейший ход истории, поступили мудро. Повсюду мы видели патрули немецких солдат и боялись, что это навсегда. Улицы Парижа опустели, строго соблюдался комендантский час с затемнением.

Надо было плотно закрывать занавески, иначе могли выстрелить в ваше окно или в вашу люстру, прийти и арестовать вас. Для проходов по городу вечером требовался пропуск — «аусвайс». Метро тогда не работало, и мы ходили везде в Париже пешком или ездили на велосипедах. Я с детства очень любила велосипед и много лет им пользовалась. Машин почти не было, Париж был пуст. Все замирало в шесть-семь вечера, после чего начинался комендантский час. Но множество русских эмигрантов все же оставалось в Париже в эпоху оккупации, хотя русские кабаре и рестораны были первое время закрыты. Зато все русские православные храмы действовали и были полны народу. Затем все же открылись вновь и кабаре, немцы сняли запрет на развлечения эмигрантов. Там работало много русских артистов: певица Таня Максимова, певица и танцовщица Ирина Бондарева, балерина Нина Тихонова, певец Кирилл Малинин (муж Наташи Кедровой), братья Кедровы. Самым знаменитым из русских кабаре во время войны была «Шахерезада», а после войны — «Динарзад».

В то время вся еда была по карточкам, а хлеб был твердым как камень. Мы ходили на окраины Парижа, там работали продовольственные магазины, ходили и на черный рынок, на велосипеде ездили в деревню за продуктами. На рынке можно было достать какие-то овощи, жульены из переваренной рыбы, там же пекли пирожки и пончики. Было просто купить макароны, а вот кофе был исключительно из цикория. Во время оккупации в Париже работали некоторые ресто-

раны, но с очень скудным меню. Иногда в витрине ресторана можно было прочесть «aujourd'hui lapin», что означало «сегодня — кролик», который на поверку чаще всего оказывался обыкновенной кошкой. А когда в меню писали — «сегодня курица с овощами», это было настоящим праздником. Французские газеты выходили, и мой муж собирал газеты той поры, сложил их в кофр, но его у нас украли из подвала нашего дома на авеню де Бретей.

Во время войны я заставила Колю возобновить наши велосипедные прогулки за город, на речку Марну, так как всегда любила загорать и купаться. Я посадила мужа на велосипед, и мы с ним совершали длительные поездки,

побывали даже в Сен-Женевьев-де-Буа. На плече у него обычно сидела наша любимая сиамская кошечка Зумба, пережившая войну и прожившая 17 лет. На речке Марне мы загорали, купались и хорошо проводили вместе время. Как-то мы заехали так далеко, что нам пришлось там заночевать, и нас устроил на ночлег в садовой беседке какой-то домовладелец.

Ксения и Николай Триполитовы в «Хабанере». Париж, 1942 г.

Моя любимая преподавательница Любовь Николаевна Егорова продолжала давать уроки, и, кажется, к ней даже стали больше ходить. Но все возвращались домой засветло из-за комендантского часа. В это время управляющим делами русских эмигрантов в Париже был назначен бывший балетный артист Русской частной оперы Владимир Жеребцов, которого немцы очень ценили, затем он эмигрировал в Испанию, где и умер. Он был очень близок семье великого князя Владимира Кирилловича Романова.

Теперь иногда я сожалею о том, что не уехала перед войной с де Базилем и провела молодость в оккупированном Париже, ведь труппа де Базиля за эти военные годы исколесила всю Северную и Южную Америку. Эти русские эмигранты дали там массу спектаклей, проехав в военное время Южную Америку вдоль и поперек, исполняя балеты как дягилевского репертуара, так и новые постановки. Вообще, в то время было две большие русские балетные труппы. Одна называлась Русский балет полковника де Базиля, а другая — Русский балет Монте-Карло под руководством Блюма. Они были очень похожи и родственны, обе — наследницы дягилевской традиции в своих постановках и хореографии. Все же декорации и костюмы дягилевских русских сезонов остались за де Базилем, и полковник Василий Григорьевич Воскресенский, как его звали на самом деле, этим очень гордился. Эти труппы постоянно конкурировали между собой, переманивая не только танцовщиков, но и хореографов: Фокина, Нижинскую, Мясина. Их звезды вечно переходили

из труппы в труппу. Так делала прославленная Шура Данилова. Так поступала и Тамара Туманова — «черная жемчужина русского балета».

Но и в оккупированном немцами Париже продолжалась балетная жизнь. В Опере Парижа спектакли шли днем, но зал не отапливался, и мы ходили с пледами на репетиции, а балет танцевали в теплых фуфайках, надевая сверху открытые пачки — зима тогда выдалась очень суровая. И вот в такой холод мы с Колей должны были заниматься балетом и делать классы у Егоровой. И, надо сказать, это время стало самым плодотворным для расширения моих познаний в области балетной педагогики. Я приобретала опыт не только от занятий с Егоровой, но и путем сравнения различных стилей исполнения в это время.

Потом, в связи с войной, мы перестали получать ангажементы, у нас было много свободного времени вечером, и мы стали посещать театры как зрители.

Внутренний двор дома в Париже в стиле ар-деко постройки конца 1930-х гг., в котором живет Ксения Триполитова

Наш дом

До 1941 года мы с мужем жили в XVIII квартале Парижа на рю Беньер, № 1, а затем переехали в большой доходный дом на авеню де Бретей, возле дворца инвалидов, в котором я живу уже более 60 лет. Во время войны этот район опустел и стал дешевым. В этом громадном доме жила наша приятельница, тоже эмигрантка, певица Муся Яхненко. Мы с ней тогда очень дружили, и она как-то сказала нам: «Почему бы вам с Колей не взять квартиру в нашем доме? Он почти пуст, все бежали из Парижа во время оккупации». Мы с мужем пришли осмотреть это здание в стиле ар-деко с большим и тихим двором, вымощенным большими прозрачными стеклянными блоками. Через них был виден подвальный этаж с паркингом для автомобилей. Все было пусто и, к счастью, недорого! В нашей квартире жила раньше еще одна наша знакомая, учившаяся балету у Нины Гулюк, Нина Шиловская, миленькая шатенка, никогда, впрочем, нигде не танцевавшая. Во время войны она жила с немцем, а он ей за это сделал ремонт квар-

тиры. Так вот, в 1941 году Нина переехала на другую квартиру, а мы переехали в ее прежнюю, уже отремонтированную. Сначала было трудно найти мебель — у нас совсем не было денег. Мы въехали в новый дом с корзиной костюмов, совсем без мебели, и лишь впоследствии приобрели кровать. Потом мы нашли недалеко от нашего дома столяра и заказали у него шкафчик, стол, два кресла, четыре стула и тумбочку. Все это было из простого светлого дерева и стоило очень недорого. Но во время войны и это было сложно достать!

Во время оккупации было очень трудно с дровами для отопления. Наш дом считался современным, даже в 1930–1940 годы там было электрическое отопление, электрический подогрев горячей воды в ванной и электрическая плита. А вот самого электричества в военные годы как раз и не было! Включали его только иногда на пару часов, и квартира наша зимой совсем промерзала. Стены покрывались изморозью, и потом по ним струилась вода. Из соображений экономии тепла мы с Колей переехали из двух комнат в одну и установили там маленькую печку-буржуйку, выведя трубу в окно. Топили трудно находимыми дровами, как-то согревались вдвоем. А вот на кухне приходилось пользоваться примусом-пауком на спирту, так мы грели скудную пищу.

Кроме нас с Колей, в этом доме жили две «русские амазонки», Муся и Маруся. Муся Яхненко, по совету которой мы переехали на авеню де Бретей, интересная шатенка среднего роста, сопрано из Русской оперы на Елисейских Полях, выступала под фамилией Кирсанова. У меня долго хранился

ее красивый, вышитый камнями, кокошник. В Париж Муся бежала из Кишинева вместе с Марусей, молодой княгиней Ватбольской. Здесь Маруся стала косметичкой. Это была распространенная профессия среди эмигранток. Муся Кирсанова работала во время войны с хором и оркестром Черноярца, вечерами она пешком возвращалась через пустой Париж, но тогда, кстати, это было не опасно. Будучи однофамилицей балерины Нины Кирсановой, Муся Кирсанова не имела к ней отношения и даже не знала о ее существовании.

*Николай и Ксения Триполитовы в костюмах для номера
«Вальс Шопена». Париж, 1943 г.*

Артистическая Жизнь военного времени

Париж был оккупирован немцами, и нам, чтобы выжить, надо было танцевать. Двадцать седьмого июля 1940 года мы с мужем выступали в русском гала-концерте в Париже в зале Шопена. В тот же вечер танцевала солистка характерных танцев хорошенькая блондинка Ольга Орис. Ее настоящая фамилия была Левковец, а в девичестве Соколова, и была она старинной моей подругой. Ольга родилась в России в 1912 году, в Париже она училась у очень хорошего русского педагога характерных танцев Ельцова и у Преображенской. Ее муж был моряком, и я даже стала крестной мамой ее сына Игоря. Так как Ольга не могла во время войны получить ангажемент, родив сына, она занялась кутюром и шила. В ее репертуаре танцовщицы были фокстрот, вальс и чардаш, которые она очень умело исполняла. Уже после войны Ольге стали приписывать связи с немцами. Но это было неправдой.

В концертах оккупированного немцами Парижа 1940-х годов играл на аккордеоне В. Игнатов. В его репертуаре были произведения Глинки, Бородина, Варламова, Шуберта. Он был замечательным аккордеонистом, и я хорошо была знакома с его сыном Вовой Игнатовым, с которым, как я рассказывала, мы вместе танцевали в «Польском балете». В русском кабаре «Жардан» на рю де ля Тур в XVI квартале выступала певица-сопрано из Харбина Тамара Ильчун. Она исполняла арии из опер «Манон» и «Богема», романсы Шумана и Шуберта на немецком языке, как того требовало время. Ее дочь Алла Ильчун впоследствии стала знаменитой манекенщицей дома моды «Кристиан Диор». Кроме Тамары с вокальными номерами выступал русский певец Серж Лесни (Колесников), высокий шатен с чудесным голосом, он пел неаполитанские песни, Шумана и Чайковского. Серж учился пению в Италии и, кроме русского, хорошо владел итальянским, английским, немецким и французским. Его мать была дамой из очень хорошей русской семьи и мечтала о сценической карьере сына. Я была хорошо с ним знакома. Серж был женат на Ирине Мочаловой и имел с ней трех детей, двух дочерей и сына, который стал теперь в Жуан ле Пене писателем и профессором. Они жили в Париже в XV квартале, купили вязальные машины и открыли ателье свитеров в 1950-х годах, а потом переехали на Лазурный берег, где стали держать летний пансион.

В те годы на тех же сценах, что и мы, выступал русский дуэт в стиле мюзик-холла «Соня и Боб Смирн». Соня была ученицей Ольги Осиповны

Преображенской, ее девичья фамилия была Свет, а ее мужа звали Юрой Смирновым. Он особенно балета не знал, но хорошо прыгал и научился чечетке и американскому стилю. Они пользовались успехом и после войны получили большой ангажемент в Индию. Племянник Сони Смирновой, с которой я дружу до сих пор, — известный бельгийский хореограф, бывший ассистент Бежара в школе «Мудра», Миша Ван Укк. Его мамой была Верочка Свет. Она чудно пела русские романсы и училась в консерватории в Бельгии.

В годы оккупации, в сезоне 1941–1942 годов, мы с мужем выступали в варьете. Это был театр «А. В. С.», именовавший себя «Театром смеха и песен», на бульваре Пуасоньер, в доме 11. Он был на хорошем счету во время оккупации, и попасть туда считалось делом трудным. Директором театра был итальянец Джино Аригони, это при немцах приветствовалось. Каждые две недели менялись программы с новыми звездами, певцом или певицей. Эти программы шли около двух часов с одним антрактом: дневное представление, называемое в Париже «матине», и вечернее — «суаре». В одной программе с нами танцевала русская эмигрантка Ольга Лова. Мы выступали в этом кабаре в октябре 1941 года, вместе с «Балетом Саад», где примой была Жинетт Впандер. В той программе мы танцевали хабанеру на музыку испанца Трогана и «Сент-Луис блюз». Мое платье к хабанере сиреневого цвета с подолом, отделанным черным кружевом, с кружевными рукавами и подкладными плечами мне шила знаменитая Каринская. Я жалею, что это

платье у меня не сохранилось. Лишь на фото его можно увидеть. Еще мы танцевали вальс, где я выходила в белом шифоновом платье с огромным веером из страусовых перьев, доставшимся мне в наследство от покойной Смирновой. Этот веер цвета нефрита до сих пор хранится у меня в Париже. Коля мой также играл на гавайской гитаре партию индийского гостя. Иногда мы чередовали наши выступления акробатическим номером в восточном стиле на музыку Римского-Корсакова из «Шахерезады». Я выходила с двумя шаями. А потом на сцене появлялся восточный принц в темном гриме — мой Коля. Я была в открытом купальнике из золотой ламе и зеленого шелка работы Каринской. А Коля — в золотых сапогах, бордовых бархатных галифе и золотом колете с отделкой из изумрудного шелка. На голове — золотой тюрбан. Все это выглядело очень стильно. Это был его костюм еще 1920-х годов, в котором он выступал со Смирновой.

Помню еще один номер на музыку Шопена. Коля выходил во фраке, а я в длинной романтической пачке и на пуантах, это называлось «классической вариацией». Очень романтично! Мы танцевали с Колей еще и польку, напоминающую по жанру танцы Бель Эпок. Я была в серебристо-голубом тафтяном платье, с зонтиком и шляпкой. Мне кажется, что это платье было для меня переделано из сценического гардероба Ольги Смирновой. Мой Коля в этом номере выходил в гусарском ментике красного цвета с большим кивером.

Куба и карибские мелодии были в большой моде в 1940-е годы, и такой номер у нас тоже был.

*Николай и Ксения в номере «Аргентинское танго».
Париж, 1940-е гг.*

Глядя теперь на фотографии, я вижу, что мои костюмы похожи на те, что были у Кармен Миранды. Мои сценические костюмы мне часто делали в большом ателье Ирен Каринской, дочери знаменитой Варвары Каринской, художницы по костюмам, харьковчанки, заработавшей в Голливуде «Оскара» за костюмы к фильму «Жанна д'Арк» с Ингрид Бергман в главной роли. Ее ателье находилось в Париже в Пасси. Нам Ирен Каринская шила костюмы для хабанеры и «Восточного танца». Кроме того, знаменитая русская художница Мария Громцева делала наши костюмы для номера «Французский канкан».

Все годы оккупации мы перебивались случайными выступлениями. Мы ездили в турне с кабаре «Театр Д», где выступал комик, еврей Франк

Пишель, кажется, тоже из России, но в конце концов немцы арестовали его, и он погиб вместе с сыном Семой в концентрационном лагере. Злополучное турне было организовано братьями Дуванами, караимами, которые неплохо сотрудничали с немцами и руководили нашей труппой. Этот театр назывался «Театр Д» по первой букве их фамилии. Коля Триполитов числился там балетмейстером. Мы выступали перед военнопленными на северном побережье Франции. Нас плохо кормили, было холодно. Я танцевала танго в черном платье с рукавами в черную сетку с белой аппликацией и красными цветами. Другое мое платье было лилового цвета из тафты с оборками, нижними юбками и рукавами, отделанными модными тогда буфами. Тогда все камни на костюмы пришивались вручную, машинкой мы не пользовались. Я танцевала в мягкой танцевальной обуви на маленьком каблучке. Мой Коля был одет, словно гаучо, в сапогах, шароварах и шейном платке. Как я говорила выше, южноамериканская тема была тогда популярна. Мы также исполняли в этом турне номер «Сила через радость» (Kraft durch Freude), и это очень нравилось немцам.

Во время оккупации парижанки стали одеваться весьма экстравагантно. Все платья и костюмы делали с подкладными плечиками и приталенными. Я любила эти костюмы. Носили туфли на высокой платформе, часто из пробки или дерева, и очень высокие шляпки, и я тоже такие носила. Их в шутку называли «газоген». Кроме того, я любила высокие тюрбаны, это

*Николай и Ксения в костюмах для «Аргентинского танго».
Париж, 1942 г.*

было очень модно и мне шло. Я казалась в них выше и элегантнее. Чулки было трудно достать, и за их неимением некоторые модницы рисовали шов карандашом прямо на голой ноге. Юбки носили расклепанные, но короткие, и в жакетки

подкладывали веером большие плечики из тарлатана. Надо лбом волосы зачесывали высоким валиком, а остальные распускали до плеч. Очень модными духами были «Coty» и «Houbigant».

Летом мы с мужем все же умудрялись немного отдохнуть на пляже. Мы любили купаться и загорать и для этого часто отправлялись в солнечные дни на берег реки Марна, недалеко от Парижа. С нами ездили и наши друзья. Привычку ездить на Марну мы с Колей сохранили и после войны.

Во время немецкой оккупации мы часто ходили в Гранд-опера, где преимущественно шли балеты Лифаря. Каждую среду давали балетные спектакли. Зал был почти полон, но не отапливался. Люди брали с собой из дома одеяла, чтобы согреться. Я помню «Жизель», «Фантастическую свадьбу», «Сюиту в белом», «Между двумя кругами» в постановке Лифаря. И еще один замечательный балет, который Лифарь назвал «Иоганн де Царица». Какой хороший балет был! Но потом по политическим мотивам его уже более не ставили. Танцовщицы из-за холода выходили на сцену прямо в свитерах, и это никого не смущало. Солировали в балетах Лифаря Соланж Шварц и Лизетт Дарсонваль, но лучшей исполнительницей была большая русская артистка и балерина Нина Вырубова. Кроме постановок Лифаря, часто давали старый балет «Два голубка». У Сержа Лифаря во Франции было очень громкое имя — но, несмотря на это, он так и не купил собственной квартиры, жил в отелях, хороших, правду сказать, часто в «Лотти» на рю де Кастильоне. Говорили, что во время оккупации Лифарь полу-

чил специальное разрешение полететь на немецком самолете в Киев, где жила его семья, которую он не видел много лет. Кто бы мог от такого соблазна отказаться? Когда немецкая армия стояла под Москвой, Гитлер был уверен, что столица СССР будет вскоре в его руках. Он даже вызвал для переговоров в Берлин Сержа Лифаря и предлагал ему возглавить труппу Большого театра в Москве. Однако ход войны изменился.

Все это Лифарю припомнили позднее. Все же, на мой взгляд, Сержа Лифаря незаслуженно уволили из Гранд-опера. Во время оккупации он продолжал балетные сезоны и показывал как-то Адольфу Гитлеру внутреннее убранство этого величественного дворца Гарнье. Как будто он мог им отказать! В Гранд-опера Лифарь устроил специальное представление дуэта нагишом с другим танцовщиком, Мишелем Рено. В общем, после освобождения Парижа Лифаря причислили к рангу коллаборационистов, и он попал в опалу как настоящий изменник. Ему пришлось уехать в Монако и там руководить балетом Монте-Карло.

Немцы во время оккупации многих принуждали работать в Германии, но те, кто поехал, неплохо заработали. Даже знаменитая русская балерина Нина Вырубова по принуждению ездила в Польшу на гастроли во время оккупации, танцевала в Познани. И некоторое время она выступала в паре с Вовой Игнатовым в Германии. После войны многих арестовали за контакты с немцами и женщин, сожительствовавших с ними, публично обрили наголо. Это считалось высшим позором.

Но когда волосы отрастали, распутницы перебежали к американским солдатам и продолжали вести разгульный образ жизни. Пострадали тогда за коллаборационизм с немцами многие знаменитости — кинозвезда Арлетти, модельер Шанель. Интересно вспомнить слова Арлетти на суде в свою защиту: «Мое сердце — чисто французское, а все остальное — интернациональное!» Коко Шанель спаслась от расправы благодаря звонку Уинстона Черчилля, а того просил об этом бывший любовник Шанель, герцог Вестминстерский. Известны слова Коко Шанель в свое оправдание: «Когда женщина в моем возрасте находит себе любовника, у нее нет времени заглянуть в его паспорт. Я не знала, что он немец!»

Нашу русскую приятельницу Олю Орис и ее мужа арестовали и увезли после войны в лагерь в Дранси, но потом выпустили как невиновных. Они накинулись на нас по возвращении: «Почему же вы не приехали в лагерь нас навестить?» Но мы с Колей боялись их навещать...

Конечно, и сами французы очень мило сотрудничали с немцами, торговали на черном рынке. Но после освобождения все вдруг стали патриотами своей страны. Часть русских эмигрантов добровольно пошла в немецкую армию в специальный батальон, чтобы освободить СССР от Сталина, и многие потом об этом горько пожалели. Некоторые эмигранты пожелали вернуться в 1947 году в СССР, но не все доехали до своих родных городов — пропали без вести или очутились в Сибири. Для того, чтобы заманить эмигрантов, показывали пропагандистские докумен-

Ксения Триполитова. Париж, 1942-е гг.

тальные фильмы в советских клубах. Там СССР представлялся в голливудских красках: с фонтанами, машинами и особняками. Все заняты работой по специальности, у всех счастливые лица и хорошие костюмы. То, как это было на самом деле, можно отчасти увидеть в современном французском фильме «Запад–Восток». Много лет спустя

Ксения Триполитова. Париж, 1942 г.

я встретила в Литве графиню Елизавету Орлову, которая выехала девочкой из Франции в СССР после войны и рассказала мне обо всех злоключениях семьи.

Но вернемся к годам оккупации. Нам надо было как-то жить. Вот почему мы стали работать в немецкой программе организации Kraft durch Freude («Сила через радость»), с которой мы выступали на побережье в Нормандии. Это было фактически продолжением турне «Театра Д», о котором я уже упоминала. Весь берег был тогда обнесен стеной и дзотами, которые воздвигли немцы для защиты от Великобритании и США. Все же американцам удалось, как известно, эту стену взять и освободить Францию. В момент освобождения Парижа американскими войсками в 1944 году мы с мужем участвовали

в концерте вместе со знаменитой Марлен Дитрих. Брючный костюм, изящная фигура и красивое лицо с высокими скулами — такой она мне запомнилась. Помню вступление американских войск в Париж — толпы народа, танки, а в них американцы, которые бросают парижанам жвачку и банки с «Nescafe». Ведь и правда, за все время оккупации мы ни разу кофе не выпили. Потом мы встретили генералов-освободителей — американца Леклерка и француза Шарля де Голля с велосипедистами. Казалось бы, пришла победа! Но вдруг началась стрельба, и мы со страху все кинулись наземь. Ну, почти все — кроме нашей приятельницы Веры Смирновой, сестры Ольги Смирновой, первой жены Коли. Она была казачка, ничего не боялась, и пули ее не брали. Она сказала: «Как это, я, казачка, и вдруг от пуль на живот лягу? Ничего не боюсь!» И жива осталась, даже не ранили ее! А в молодости она бедовая была — по кавказским горам одна на лошади без седла скакала, очень боевая, настоящая казачка.

Вера Смирнова в Париже для заработка шила на руках. Как я писала выше, в эмиграции многие дамы шили. Из моих приятельниц этим занималась еще Нина Ратько-Рожнова, мама Бубы и Лии Гржебиной, жена знаменитого книжного издателя в Петрограде и Берлине. У меня сохранился в Париже польский костюм ее работы для польского народного танца «Оберек».

*Ксения и Николай в костюмах для «Восточного танца»
на музыку Римского-Корсакова. Париж, 1944 г.*

У американцев

Американские оккупационные власти приглашали артистов участвовать в концертах для американских солдат.

Для этого в 1944 году был объявлен отборочный конкурс, и мы с Колей туда отправились. Так мы получили трехмесячный ангажемент и попали во французскую труппу мюзик-холла численностью человек тридцать. Звездой нашей программы был Боб Хопп, певец с прекрасным баритоном. Он замечательно пел по-английски. Был и маленький оркестр, фокусник, акробаты, а нас, танцоров, было лишь двое. Тогда были очень модны парные танцы — вальсы и прочее. Нам выдали американскую военную форму и обязали «жить и работать» как американские солдаты. Нас хорошо кормили — утром овсянка, свежий чай с молоком и сахаром, и мы радовались ежедневным порциям мороженого на десерт после долгих голодных военных лет. Наше турне проходило в Тироле, где находились американские войска, на открытых площадках,

и мы отправились туда на военном самолете. По краям шли лавки, а в середине был сложен наш гастрольный багаж, который дорогой перекачивался из стороны в сторону. Мы летели над Франкфуртом, он весь лежал в руинах. В Тироле мы побывали в Зальцбурге, Инсбруке и почти каждый день меняли открытые площадки — турне наше длилось три месяца. Мы танцевали на открытом воздухе, и я солировала в польском танце «Оберек». В другой похожей группе для американцев танцевала венгерская звезда гитлеровской эпохи Марика Рёкк — она была чечетку, и меня даже как-то с ней путали. Платили нам прилично, и мы были рады этому турне. У меня осталось незабываемое впечатление от посещения во время гастролей знаменитой резиденции Адольфа Гитлера «Орлиное гнездо». Она находилась прямо в скале, и подниматься надо было по туннелю, а потом на лифте, вырубленном в камне, как в фильме «Джеймс Бонд». Я помню роскошную и комфортабельную обстановку и большой зал заседаний, где Гитлер и его соратники решали военные и государственные дела. Из огромного окна открывался божественный вид на тирольский пейзаж. Теперь в этом замке музей. А раньше посетить секретную резиденцию фюрера было делом практически невозможным, и лишь присутствие американцев позволило нам это сделать.

Наше возвращение из турне было трудным. Мы летели военным самолетом, но случилась буря, и мы, не долетев до Парижа, сели в поле. Слава Богу, никто не пострадал! Мы дождались на сме-

ну нашему самолету другого, от Красного Креста, на котором долетели до Дижона, а оттуда нас на грузовиках довели до Парижа. Все же наш контракт с американцами в финансовом отношении стоил того, чтобы так рисковать. Нас ведь одевали, кормили и возили везде, а еще мы оставались артистами нашего жанра.

У меня в архиве сохранилось несколько программ той эпохи. Например, 6 марта 1945 года мы с мужем танцевали в благотворительном гала-концерте в зале Кермесе в Сен-Дени. Восьмого ноября 1945 года в Париже мы с мужем выступали в концертном зале

*Ксения и Николай
в «Фантастической
вариации». Париж, 1945 г.*

Плейель на вечере русских и украинских песен. Я танцевала русские танцы в сопровождении оркестра балалаечников под управлением Жоржа Стреха, известного балалаечника из России. Он имел свой оркестр и много гастролировал. С ним как-то мой муж даже записал граммофонную пластинку. Там же выступал аккордеонист Игнатов, отец Вовы Игнатова, первого мужа Нины Вырубовой, пели Таня Максимова и Георгий Иванов с их цыганским и русским репертуаром и большой украинский хор под управлением Федора

Евзевского, хорошо известный в Париже. На вечере выступал и исполнитель романсов Ашим Хан Мануков, сын персидского посланника в Петербурге, знаменитый кабаре-артист довоенного Парижа, певший в свое время в «Шехерезаде» и скончавшийся впоследствии прямо

Ксения и Николай в «Восточном танце». Париж, 1944 г.

на сцене. Кроме нас в концерте танцевали мать и дочь, выступавшие под сценическим псевдонимом «Сестры Романовы». Они исполняли полуклассические, полухарактерные номера. Дочь Виктория потом танцевала с балетом Монте-Карло. Там же выступали Ольга Разова, которая приходила заниматься к Егоровой,

Надя Ветрова и Таня Муравьева. Во втором отделении участвовал знаменитый во Франции квартет Кедровых, потомки которых до сих пор выступают во Франции.

После войны во Франции стали появляться так называемые «ди-пи» (Displaced Persons — перемещенные лица), которые или ушли из СССР при отступлении немцев, или были взяты в плен, но решили уж к Сталину не возвращаться, так как подозревали, что их ждет там плохой конец. Они тоже иногда появлялись на наших концертах.

Тогда в Париже знали о том, что Вертинский вернулся из Харбина в СССР в 1943 году. Его очень любили в Париже и не слишком ругали за возвращение, которое помогло ему продлить артистическую жизнь.

В послевоенные годы на небосклоне русского ночного Парижа зажглась еще одна звездочка — эмигрантка из СССР второй волны Тамара Немирова. Я была с ней мельком знакома и даже участвовала как-то в одном концерте. Она стала очень популярна, о ней много говорили. Тамара пела советские песни и частушки в кабаре «Нови». Другой известной исполнительницей русского и цыганского репертуара в послевоенном Париже стала моя ровесница, певица-караимка Людмила Лопато. Ее жанр был более лиричным, а жизнь — преисполнена всевозможных приключений, о которых она мило и правдиво пишет в своих воспоминаниях. Она тоже была родом из Польши, из старинного городка Троки, который теперь находится в Литве и называется Тракаем. Я даже побывала в 2004 году на ее могиле в Тракае — такое красивое и романтическое место над озером с виднеющимся вдали замком. В тот день на ее могилке прыгали очаровательные маленькие лягушечки.

Еще одной модной артисткой была русская певица Анна Марли, урожденная Бетулинская, — в прошлом «Мисс Россия» и балерина в труппе у Алисы Вронской, танцевавшей до революции на сцене Мариинского театра. С Анной Марли я встречалась в молодости у Ольги Орис-Левковец. Анна была очень хороша собой, и тембр ее

голоса был очень запоминающимся. Анна Марли написала на французском патриотическую песню партизан, исполняла ее под гитару, и вслед за ней ее стал распевать весь Париж. Она часто пела и аккомпанировала сама себе на домашних концертах. Ее жизнь описана в воспоминаниях, недавно опубликованных во Франции.

Пятнадцатого апреля 1946 года на протяжении недели мы с Колей участвовали в большом концерте для американской армии в Кале, на севере Франции. Туда пускали солдат только в военной форме! Даже афиши писали по-английски, так как это были концерты исключительно для союзнических армий. Двадцать четвертого мая 1946 года мы с Колей выступали в цыганском гала-концерте в зале Плейель в Париже. Тогда же на сцене танцевали Дина и Соня Артамоновы, две хорошенькие сестры. Их родители были настоящими русскими беженцами и жили в Аньере. Это их выгнала из своей студии Егорова лишь за то, что они тайком ходили заниматься балетом и к Ольге Осиповне Преображенской. Соня впоследствии вышла замуж за поляка и живет теперь в Варшаве. А Дина открыла свою школу балета в Сен-Женевьев-де-Буа, пришла к Егоровой, кинулась в ноги и благодарила за все те знания, которые получила от Любви Николаевны. Она неожиданно скончалась, выходя из супермаркета в Париже.

С нами выступала в концерте Ольга Разова и ее подруга Ирина Щепановская. Ирина тоже приходила заниматься к Егоровой и потом уехала жить в Швейцарию. В том же концерте участво-

Ксения Триполитова. Париж, 1945 г.

вали певица Галя Туманова, Катя Владимирова и мужчины — Г. Панченко, М. Трофимов, И. Прокopenko. Очень красивые костюмы и декорации сделал для этого вечера художник М. Г. Лапшин. Лапшин был известным художником русской эмиграции в Париже и писал большие полотна маслом на исторические темы. Например, его «Вид Москвы в XVI веке» красовался в кабаре-ресторане Людмилы Лопато на улице Франциска Первого в Париже. На рояле играли Татьяна Коростовец и пианист А. Рахманов, он и нам аккомпанировал. Это был хороший пианист, но, увы, не Рахманинов.

После войны мы много гастролировали по разным городам Франции. Побывали в Бордо, Тулузе, Биаррице, Ля Боле и Лиможе. Двадцать шестого апреля 1947 года мы с Колей участвовали в большом концерте в «Зале Берлиоза» в Лиможе, под фортепьянный аккомпанемент Надежды Сапуновой. Афиша ярко-желтого цвета гласила, что жители Лиможа увидят уникальный концерт песни и танца, где кроме нас с Колей участвовали французские артисты Марсель Бланшер и Жермен Бернар. У меня сохранилась в альбоме фотография. На ней я в туфлях на платформе, в вонизированном ансамбле с подкладными плечами, груженная шляпными коробками с нашими сценическими уборами, иду в концертный зал.

Двадцать пятого октября 1947 года мэрия города Пюто, западного предместья Парижа, организовала гала-концерт и бал в честь тридцатилетия большевистской революции. Тогда СССР был союзником Франции, и отношение к совет-

ским было очень хорошим. На концерте присутствовали представители советского консульства в Париже. Мы с Колей, бывшим офицером Добровольческой армии, были гвоздем программы и представляли «русский балет». С нами в концерте участвовала известная певица Шувалова в своем коронном репертуаре и французский певец Андре Клари. Бал шел до утра, а на следующий день, в воскресенье, в Пюто открыли отделение общества Франция – СССР. С мужем той осенью мы ездили и на русское кладбище в Сен-Женевьев-де-Буа, где похоронено так много близких мне людей. Этот русский уголок под Парижем украшает православная церквушка.

Время было трудное. Никаких длительных ангажементов мы достать не могли и потому перебивались разовыми выступлениями в концертах. Одиннадцатого ноября 1947 года мы танцевали в гала-концерте трех французских звезд: Жан Ноан с французского радио, Жаклин Моро из Комической оперы и джазистки Камиль Соваж. Концерт этот проходил в зале «Марсель Семба» в городе Шалони и был организован футбольным клубом. Вот еще один пример артистической жизни в то время: 27 ноября того же года мы участвовали в большом концерте в Париже, организованном Кемпинг-клубом Франции, основанным в 1912 году. Там мы исполняли акробатический этюд на музыку Шумана и хабанеру на музыку Прагена.

Ксения Триполитова. Париж, 1947 г.

Гастроли

Испания
Германия
Тунис

Ксения Триполитова рядом с директором балетной труппы Русского балета де Базилья Василием Григорьевичем Воскресенским. Испания, 1948 г.

С Русским балетом полковника де Базиля

В 1948 году Коля и я приняли французское гражданство и взамен своего старого нансеновского паспорта, похожего на гармошку, испещренного визами и штампами, получили новый, французский. Казалось, что мы оседем на некоторое время в Париже. Но в сезоне 1947–1948 годов мы с мужем все же согласилась на гастрольное турне с балетом полковника де Базиля по Испании и Португалии. По правде сказать, это было воплощением моей давней мечты — танцевать в русском балете, к тому же разовые концерты послевоенного времени были делом утомительным. Чета полковника де Базиля с супругой Ольгой Морозовой жила тем летом в Париже в отеле «Мажестик» на авеню Монтень, и мы с мужем отправились к ним на свидание. Как сейчас помню удивительное явление — красавицу Ольгу Морозову, одетую в шикарное коктейльное платье, на лестнице этого импозант-

ного отеля. Сколько раз я потом вспоминала ее такой, какой видела тогда. Особенно в конце ее дней, в госпитале русского дома для престарелых в Ганьи под Парижем, — но об этом позже. Тогда труппа полковника Василия Григорьевича де Ба-

*Балерина Нина Вершинина.
Париж, 1947 г.*

зиля, исколесившая полмира, называлась Original Ballet Russe. На протяжении всего ее существования она конкурировала с Русским балетом Монте-Карло, который изначально был гастрольным филиалом первой труппы. В этом последнем, заключительном турне нашими импресарио были испанцы Жозе Аркьер и Эррера Ориа. Я никогда не была солисткой балета и выступала

в кордебалете, а Коля танцевал сольные, характерные и возрастные партии.

Следует рассказать читателю о творческом составе этой замечательной труппы. Другими мужчинами-солистами в этом турне были знаменитый Давид Лишин, Владимир Докудовский, Николай Орлов. Лишин был очень способным хореографом и хорошо танцевал, но характер имел замкнутый и заносчивый. С ним запросто

поговорить было невозможно. Владимир Докудовский, муж нашей ведущей балерины-датчанки Нины Строгановой, совсем другое дело — очень интеллигентный, добрый и милый юноша. Владимир учился балету у Ольги Осиповны Преображенской в Париже и долго жил в Бельгии. Николай Орлов, очень способный танцовщик полухарактерного плана, имел громадный успех в роли барабанщика в «Кадетском балу». Еще один солист, Кирилл Васильковский, танцовщик маленького роста, с хорошим прыжком, впоследствии уехал в Австралию, где работал в балетной школе и стал балетмейстером.

Ольга Морозова в костюме Зобеиды из балета «Шахерезада». Испания, 1947–1948 гг.

Женский состав труппы тоже был впечатляющим. Среди звезд в этом турне была Татьяна Рябушинская, симпатичная девушка и сильная танцовщица, которая училась у Матильды Кшесинской. Особенно хороша она была в «Прелюдии» в «Сильфиде». Другая балерина, Нина Вершинина, сестра жены де Базиля Ольги Морозовой, оставалась на расстоянии от нас, кордебалетных, как и сама Ольга, которая вела себя как царица бала. Как странно бывает в жизни: эти

две сестры стали впоследствии моими большими подругами.

Ольга была моложе своего мужа, де Базиля (полковника Василия Григорьевича Воскресенского), директора труппы. Я хорошо знала де Базиля и находила его очень симпатичным. Он был родом из Ковно, с ним было интересно беседовать. Хлебосольный хозяин, он по-семейному поил нас кофе и ходил к нам в гости в Париже. Как-то сестра Коли приготовила нам мидии с рисом по-гречески, и де Базиль был в восторге. Он хорошо знал моего мужа, так как Коля участвовал вместе со Смирновой в самом первом его турне в 1923 году, когда гастролировало лишь восемь человек.

Балет полковника де Базиля был основан в 1932 году и после смерти С. П. Дягилева и Анны Павловой считался самой совершенной труппой русского балета за границей. История этой труппы была творчески очень насыщенной. За годы своего существования она дала более трех тысяч спектаклей в 600 городах 70 разных стран. Репертуар состоял из более 200 постановок, большинство из которых были созданы такими корифеями русской хореографии XX века, как Баланчин, Фокин, Лишин, Лифарь, Мясин, Нижинская, что говорит само за себя. Думаю, что никакая иная труппа в мире не сделала в то время столько для пропаганды искусства русского балета. К тому же советские балетные коллективы тогда еще нигде не гастролировали, так как в эпоху Сталина очень боялись, что артисты за границей разбегутся.

Полковник Василий Григорьевич Воскресенский (де Базиль), как, впрочем, и сам Дягилев, часто нуждался, но никогда этого не показывал и даже без франка в кармане вел себя как Ротшильд и останавливался только в лучших отелях. Он знал, как держать марку, и при множестве его забот находил время для любезного общения. Он мог держаться очень просто и старался не подчеркивать, что он наш директор. Они с Ольгой были венчаны в церкви на Лазурном берегу еще до войны, но не расписаны в мэрии. Это создало для Ольги много проблем в будущем, например, при получении виз. До Ольги Морозовой полковник уже был женат на другой балерине своей труппы, Нине Леонидовой, ушедшей от него к чешскому хореографу Ване Псота, тоже гастролировавшему с де Базилем. Красивая и эффектная, Ольга любила приемы, коктейли, шикарные туалеты, и, правду сказать, ей все это очень хорошо удавалось. Она была милой, но не слишком умной. Василий Григорьевич порой за столом так и говорил ей: «Замолчи, куриная голова!»

Ольга могла бы стать очень состоятельной вдовой, так как ей достались в наследство от де Базиля все декорации дягилевских русских сезонов. Они хранились на складе в парижском предместье Монтрее, и с разрешения Ольги, которая не знала, что с ними делать и как платить за хранение, их продали в Лондоне на аукционе «Сотбис» через греческого адвоката Гаврилидаса. Ольга не получила от этой исторической продажи ничего, постоянно судилась по этому поводу,

но дела так и не выиграла. Теперь эти костюмы и декорации — достояние многих музеев мира, а самая их большая коллекция хранится в Национальном музее Австралии в Канберре, и она была показана на выставке «Из России с любовью» (From Russia with love).

Ольга Морозова привыкла жить в хороших отелях с прислугой и, когда осталась одна, потеряв мужа, оказалась довольно беспомощной в хозяйстве. Она не стирала постельного белья, совсем не убирала на кухне. Порой для уборки дома к ней из Рио-де-Жанейро прилетала ее сестра, талантливая балерина современного направления и педагог Нина Вершинина, о которой я упоминала. Она с яростью начинала драить стены на Ольгиной кухне в домике возле Пляс Клиши. Но потом все вновь приходило в запустение до следующего ее визита. Ольга жила в маленьком домике, который раньше принадлежал какому-то чечеточнику. Домик был хорошеньким, но требовал ухода и затрат, а Ольга этого обеспечить не могла. Он был двухэтажным, с большой кухней и гостиной на первом этаже, а спальня Ольги — на втором. Ее обстановка не отличалась роскошью, но у нее был очаровательный старинный комодик, и через балерину Ирину Балину-Васильеву эту вещь удалось продать антиквару. Мелкие вещи Ольгиного имущества — чашечки и вазочки забрала ее соседка и подруга Маша Швабо. Икону Ольги Морозовой «Святую Ольгу» и архив фотографий увезла с собой в Бразилию ее сестра Нина Вершинина. Все же надо отметить, Ольга любила и умела хорошо готовить, а де Базиль — хорошо покушать!

*Ксения с любимой сиамской кошкой Зумбой.
Испания, 1948 г.*

Ее коронными блюдами из меню де Базиля были бефстроганов, рататуй и биточки по-казацки, так как полковник де Базиль в прошлом был казачьим сотником..

После кончины полковника Ольга увлеклась авантюристом Сержем, пообещавшим построить для них двоих домик с бассейном, для чего, естественно, потребовалась продажа Ольгиного дома во Франции, полученного балериной в наследство от покойного мужа. У де Базиля было неплохое имение в горах на юге Франции в департаменте Приморских Альп и при нем — немало земли. Следует ли говорить, что, получив деньги после продажи этого имения, авантюрист скрылся, но был впоследствии арестован и попал в заключение. Бедная Ольга была так влюблена в него, что даже в тюрьму носила ему передачи! Затем у нее был роман с ветеринаром, с которым она

светла знакомство, так как не меньше, чем я, обожала кошек. Но и ветеринар исчез из ее жизни. И Ольга осталась совсем одна.

Кошки всегда были моей слабостью и остаются таковыми и теперь! Я даже отправилась с моей любимой окотившейся сиамской кошечкой Зумбой на гастроли с балетом де Базиля в Испанию. Зумба сидела с пятью котятками в корзинке, и по дороге, по возможности, мы этих котят пристраивали в хорошие руки. Последнего ее котеночка мы назвали Пиноккио, и он долго с нами «гастролировал». В свободное от репетиций время мы с мужем и другими артистами часто ходили на пляж загорать, где много фотографировались, смеялись, прыгали. Я всю жизнь очень любила купаться и плавать — может, в этом секрет моего долголетия?

Те большие гастроли у де Базиля были организованы на старинный манер. У нас был свой пианист, а оркестр из 60 музыкантов мы нанимали на месте. Им дирижировал маэстро Вальтер Дюклу. За артистами балета, как и у Дягилева, следовал специальный железнодорожный вагон с декорациями и костюмами, а по самой Испании мы передвигались на автобусах. С декорациями и костюмами нам повезло, так как некоторые из них, работы Бенуа, Бакста, Рериха и Гончаровой, остались от первых русских сезонов. Конечно, они обветшали, но все же на сцене издали еще смотрелись. Костюмершей и гримершей в этом турне де Базиля была бывшая дягилевская балерина и в прошлом красавица Валентина Кашуба, родом из Самарканда. Она раньше была партнершей

Вацлава Нижинского и участницей труппы Анны Павловой. С Валентиной Ивановной мы очень дружили. Она мне даже сшила летнее платье, про которое сама говорила: «Портниха гадит, утюг гладит». Потом у нее в Испании была своя балетная школа, но не очень-то академичная. По часу шел класс, а потом — «фантазия». Кашуба в кресле отдыхала, а испанские дети под музыку делали что им заблагорассудится.

С нами ездила и другая костюмерша, довольно известная в 1920-е годы балерина Лидия Павлова. У нее была в Льеже балетная школа. Лидия Павлова дружила с Кашубой, и мы иногда вместе выходили вечерами. Секретарем и менеджером у де Базиля был невысокий и полноватый господин Александр Рогнедов.

*Сергей Павлович Дягилев (справа) рядом с импресарио
на гастролях в Испании в 1916 г.
Фотография Валентины Кашубы*

Репертуар Дягилева

Репертуар этой прославленной русской балетной труппы был просто замечательным. Многие балеты оставались практически в первозданном виде почти двадцать лет спустя после кончины великого импресарио и сорок лет со времени их первоначальной постановки! Тогда мы давали фокинских «Сильфид» и «Шахерезаду», в которых мне посчастливилось участвовать. На сцене стояли великолепные декорации Бакста — самые настоящие, с премьеры 1910 года. На красном ковре разбросаны огромные подушки. Декорация представляла зал гарема, отделенный от темницы тремя решетками. Падугами служили гигантские драпировки в зелено-фиолетовой гамме. Любимую жену султана, красавицу Зобеиду, в «Шахерезаде» танцевала либо Нина Вершинина, либо ее сестра Ольга Морозова, и неизвестно, кто из них в этой роли был лучше. Султанша была одета в облегающий костюм с шароварами, искусно расшитый жемчугами и блестками. На голове у нее красовалась большая куафюра из страусовых перьев.

← ГАСТРОЛИ. ИСПАНИЯ. ГЕРМАНИЯ. ТУНИС →

У Дягилева в этой роли прославилась когда-то харьковчанка Ида Рубинштейн. Знаменитую роль Вацлава Нижинского — эбенового раба — танцевал у нас талантливый Владимир Докудовский. Он сильно гримировался и мазался морилкой, а торс прикрывал темным трико, поверх которого надевал маленький золотой лиф с бусинами. Я тоже танцевала в «Шехерезаде», которая неизменно пользовалась успехом, одну из двенадцати или шестнадцати рабынь гарема в зеленых шароварах и в тюрбане. Мы не прибегали к морилке для этих ролей и сами гримировались. Пуантов в этом балете не требовалось. Мне нравились тогда восточные групповые танцы и сложными не казались. Мой Коля выходил в свите султана Шахриара, которая появляется в конце, при возвращении с охоты, в самой кульминации этого волшебного балета.

Слева и справа сцены из балета «Шехерезада» с оригинальными костюмами по эскизам Льва Бакста, труппа Русского балета Дягилева во дворце Альгамбра. Испания, 1916 г. Фотографии Валентины Кашубы

А вот настоящей романтической классикой фокинского репертуара был балет на музыку Шопена «Сильфиды», замечательно оформленный Александром Бенуа. У меня даже сохранились уникальные записи всех оригинальных движений из «Сильфид» — ведь со временем многие движение были забыты или изменены. Я очень хотела бы, чтобы его восстанавливали правильно. Я танцевала в кордебалете среди 24 танцовщиц. Балет был трудным, так как требовал слаженности групповых ансамблей. Мне это сразу не давалось, и Григорьев поначалу меня в этот балет не ставил. А потом все же я стала хорошо репетировать и встала в общую линию.

Мы также танцевали фокинский «Карнавал». Этот шедевр 1910 года на музыку Шумана шел в красивейших декорациях и костюмах Леона Бакста. Коломбину танцевала Ольга Морозова, а до нее у Дягилева эту партию исполняла Тамара Карсавина. У де Базиля другую сольную партию в этом балете — Кьярину — танцевала сестра Ольги Морозовой Нина Вершинина, а Арлекина — Владимир Докудовский. Такой балет теперь было бы трудно станцевать, ведь там все основано на актерском мастерстве и артистизме.

*Солист балета труппы
Дягилева Сергей Лифарь.
Конец 1920-х гг.*

А теперь в балете ценят только технику, артистизм совсем ушел. В «Карнавале» была очень сложная вариация Бабочки, которую теперь трудно было бы и повторить. При мне ее танцевала маленькая американская балерина. Но в этом балете я лично не участвовала. «Карнавал» очень хорош своей музыкой, но уже в конце 1940-х годов он казался слишком «старинным».

Еще одним шедевром в нашем репертуаре была «Франческа да Римини» в хореографии Давида Лишина и оформлении знаменитого английского художника Оливье Месселя. Это был очень

красивый современный балет по мотивам любовной романтической драмы эпохи итальянского возрождения, в котором сам Давид Лишин танцевал Малатесту. Я выходила в группе горожанок из Римини. Титульную роль тогда еще танцевала Любовь Чернышева, красавица, вполне молодо выглядевшая в спектакле своего супруга, знаменитого режиссера Сергея Григорьева.

Эта чета дягилевцев была всегда верна русскому балету и следила по возможности за точностью исполнения старого репертуара. Тем, что дягилевский репертуар дошел частично до наших дней, почти через сто лет

после первоначальных постановок, мы, безусловно, обязаны Сергею Григорьеву и Любви Чернышевой. По приезде в Барселону их постигло большое несчастье — у них украли на вокзале все чемоданы. Это было так: Григорьев и Чернышева сдали свой багаж в камеру хранения и потеряли билетки с номером. А когда пришли забирать свои вещи, оказалось, что их уже по потерянными билетикам кто-то забрал. Вот ведь как бывает! Следил ли кто-то за ними? Было ли это делом рук

Сергей Дягилев на палубе парохода, 1917 г. Фотография Валентины Кашубы

кого-то из труппы? Скандал разразился большой! Но не вещей жаль, а того, что кроме них хранилось в чемоданах. Там были уникальные записи по-русски дягилевских балетов — эту утрату уже никто никогда не смог восполнить. Интересно, нашлись ли эти записи позднее или исчезли бесследно навеки? И я помню, как плакала Люба, оттого что с одним из чемоданов пропал локон волос ее покойного сына Володи.

У нас в труппе танцевали великолепные русские балерины своего времени. Дочь знаменитого русского банкира-старообрядца, основателя художественного журнала «Золотое руно» Татьяна Рябушинская блистала в своей коронной роли в «Золотом петушке». Кроме нее танцевала эту роль француженка Женевьев Мулен. «Золотой петушок» Михаила Фокина представлял собой балетные сцены из постановки 1914 года. Ольга Морозова была очаровательна в роли Шемаханской царицы, которую до нее танцевала Ирина Баронова. Она была одета в шаровары и тунику, две длинные черные косы обрамляли лицо, украшенное короной. Какие роскошные костюмы Гончаровой! Настоящая русская сказка, богатейшие декорации! Я в этом балете танцевала в группе русских крестьянок. Мы сидели на стульях и ритмично покачивались из стороны в сторону... Царя Гвидона танцевал Владимир Докудовский, Звездочета — Поль Гринвис.

У нас шла и замечательная постановка балета Фокина «Жар-птица» в декорациях и костюмах Натальи Гончаровой. Царевну танцевала датчанка Нина Строганова, Ивана-Царевича — Владимир

*Труппа Русского балета Сергея Павловича Дягилева.
Монте-Карло, 1914 г.*

Докудовский, а Кощея Бессмертного — Давид Лишин. Я сама танцевала одну из жен Кощея. Этот балет имел огромный успех в Испании!

Первоклассная балерина Нина Вершинина восхитительно танцевала в современном симфоническом балете «Предзнаменования», поставленном Мясиним на музыку Пятой симфонии Чайковского и оформленном Андре Массоном. В этом балете также солировали голландец Поль Гринвис и Владимир Докудовский, а из балерин — Нина Строганова и Женевьев Мулен. Роль старого пастора исполнял мой муж Николай Триполитов, я была в кордебалете. Теперь балет «Предзнаменования» часто возобновляет в различных балетных труппах мира Татьяна Лескова, и, как я слышала, его даже хотят поставить в Большом театре (В 2005 году эта по-

*Танцовщик Леонид Мясин в оригинальном костюме
к балету «Петрушка» по эскизу А. Бенуа.
Париж, 1930-е гг.*

Балерина Ольга Морозова де Базиль, супруга директора труппы Русского балета полковника де Базиля. Испания, 1948 г.

становка была осуществлена. — *Прим. ред.*) в Москве и пригласили для этого хореографа Лорку Мясина, сына Леонида Мясина.

У нас шел еще один забытый теперь балет Михаила Фокина — «Паганини» на музыку Сергея Рахманинова в оформлении Сергея Судейкина. В титульной роли выступал наш ведущий

Балерина Женеvьев Мулен, Русский балет полковника де Базиля. Испания, 1948 г.

солист Владимир Докудовский, в роли музы — Нина Строганова. В свое время эту роль танцевала Тамара Туманова, но я ее не застала. В роли Прекрасной флорентийки блистала Ольга Морозова и ее сменяла часто Женеvьев Мулен.

Пользовался любовью публики и балет Давида Лишина на музыку Иоганна Штрауса «Бал кадетов» в декорациях и костюмах Александра Бенуа, где в главной партии выходила Татьяна Рябушинская, жена Лишина. Сам Давид танцевал кадета третьего класса. В этом балете также солировали Нина Строганова и Женеvьев Мулен. Они изрядно крутили фуэте. Барабанщика, чудесный номер, танцевал Николай Орлов. Голландец Поль Гринвис исполнял с успехом роль классной дамы. Я танцевала одну из институток. Этот балет тоже

дожил до наших дней, и его часто ставят в США и в Австралии.

У нас в репертуаре еще с дягилевских времен сохранились «Половецкие пляски» из оперы Бородин «Князь Игорь». Мы танцевали их в оригинальной постановке Михаила Фокина в декорациях и костюмах Николая Рериха. Костюмы тогда уже казались нам очень старинными, но эффектными. Персиянку танцевала Нина Вершинина, половчанку — англичанка Елена Карина, а половецкого воина — Владимир Докудовский. Я сама танцевала одну из плененных персиянок в восточном костюме, а мой муж — одного из половецких воинов. Музыка просто великолепна! В кордебалете даже сочинили песенку на мотив танцевальной мелодии: «Виноград...»

У нас сохранялся в репертуаре и забытый теперь балет Леонида Мясина на музыку Скарлатти «Женщины в хорошем настроении» с восхитительными костюмами Леона Бакста.

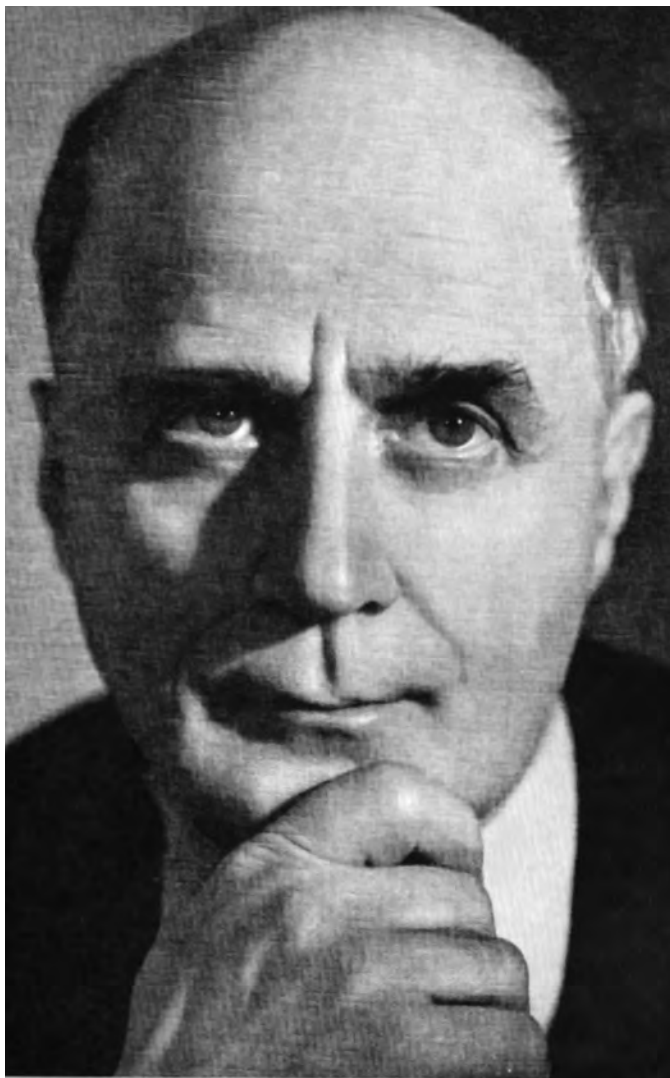
Шел у нас и один акт «Спящей красавицы» под названием «Свадьба Авроры», так как декорации других актов были конфискованы за долги

*Балерина Любовь Чернышева
в роли Франчески да Римини.
Испания, 1947 г.*

у Дягилева в Лондоне еще в 1921 году после провала его гастролей. Здесь оформление Бакста в стиле барокко напоминало интерьеры соборов его родного города Гродно. Па-де-де Синеи птицы, и принцессы Флорины танцевали Владимир Докудовский и Татьяна Рябушинская. Танец «Трех Иванов» в этом балете поставила для де Базиля Бронислава Нижинская. В нем были заняты Кирилл Васильковский, Анатолий Жуковский и Арон Жирар. Я была в кордебалете, танцевала мазурку, ведь характерные танцы — моя специальность!

Чтобы подкрепить современный репертуар классикой, мы давали также белый акт из балета Чайковского 1876 года «Лебединое озеро» в старинных декорациях Константина Коровина. Нашими ведущими солистками были Женестье Мулен и Нина Строганова. Их партнером обычно бывал Владимир Докудовский, друга Принца танцевал Поль Гринвис, а мой муж Коля Триполитов танцевал Ротбарта, будучи драматически очень одаренным артистом. Я была в кордебалете лебедей, а в нем, кроме англичанок, танцевали и русские — Воронова, Жуковская и Ирина Балина-Васильева. Она уже в конце 1930-х годов ездила с труппой де Базиля в турне по Австралии. Ирочка была неординарным человеком и заслуживает подробного рассказа. Она родилась в Москве на Пречистенке, в молодости любила повеселиться и очень изменилась на старости лет, став страшно набожной. Ездила в Иерусалим с паломниками на Святую землю, посещала часто службы в церкви в XVI квартале Парижа. А раньше была

Хореограф Михаил Фокин. США, 1940-е гг.

*Костюм боярина по эскизу Натальи Гончаровой к балету
«Золотой Петушок», 1930-е гг. из коллекции Александра
Васильева*

совсем иной, в Италии держала свою труппу женского балета, выступавшую в кабаре с весьма гривуазными номерами.

Кроме нее из русских кордебалетных артисток упомяну Елену Воронову. Она приехала из Болгарии и после турне с Базилем уехала с мамой жить в Монреаль, где открыла школу. Теперь Елена Воронова уже скончалась. В кордебалете была еще Яня Жуковская с мужем, тоже нашим артистом. Она прибыла к нам из Чехословакии, где училась балету, а потом уехала жить в Сан-Франциско. Как видите, после Второй мировой войны чувствовался приток артистов балета из стран Восточной Европы. Например, из Праги в Венесуэлу бежала известная русская балерина Лиля Никольская, урожденная Булкина, тоже ученица Ольги Преображенской. Из Югославии в Сантьяго бежала дягилевская балерина Елена Полякова, ставшая «матерью» чилийского балета.

У нас были также три ученицы Егоровой: очень хорошенькая Леночка Барнева, Елена Карина и полуфранцуженка, полуангличанка Глэдис Лубер, танцевавшая соло вальс в «Сильфидах». Так как русских артистов балета после войны нам не хватало, с нами работали американки и англичанки. Я перечислю их фамилии по программке: Болин, Буае, Кандаэль, Диекен, Хольт, Керн, Майн, Ньюстед, Шеа, Слепетис. Из всех этих англичанок я дружу теперь в Париже с Памелой Хавкинз. В составе мужского кордебалета с нами поехал Валентин Балин, муж Ирины Балиной-Васильевой. Раньше он был партнером своей первой жены — Наташи

Шестопаловой-Шаталовой, сестры танцовщицы Фоли-Бержер Нины Шаталовой. У Наташи есть дочь — Варвара Балина, она живет в Париже, замужем за русским священником Ягел-

*Сергей Лифарь в гриме
и парике фавна.
Париж, 1940-е гг.*

ло, который служит в церкви на бульваре Эксельманс. Ее брат Андрей Шестопалов был гитаристом в ресторане у Людмилы Лопато, а теперь заведует Русским домом для престарелых «Земгор» в Кормейен-Паризис. Кстати, в этом доме до сих пор живет моя приятельница, 98-летняя вышивальщица Ратькова-Рожнова. А Валентин Балин после расставания с Наташей танцевал с Ниной Вырубовой,

а потом, женившись на Ирине Васильевой, организовал вместе с ней в Италии небольшую балетную труппу с полуобнаженными девушками. Они имели свое агентство.

Помощником администратора по музыкальной части у нас был Сергей Миленко. Он следил за всеми нашими нотами и был мужем Женеьев Мулен. В труппе также работали Смирнов, Анатолий Жуковский, Куна, Лютый, Ван Ален и Варвик.

После окончания этого турне по Испании и Португалии де Базиль стал предлагать нам еще одно — по тем же странам, и мы должны были уже начать репетировать. Один из учеников Егоровой, танцовщик Морис Бежар, стал упрашивать моего мужа Колю составить ему протекцию к де Базилью, так как был без ангажемента. Это было верхом мечтаний Бежара, и Коля ему помог. Нас с Морисом поставили в пару. Мы должны были участвовать в старом балете из дягилевского репертуара «Чимарозиане», который собирались восстановить. Но неожиданная кончина полковника де Базиля 27 июля 1951 года прервала все наши планы, и труппа русского балета распалась навсегда. С Морисом мы встречались позже, за кулисами Дворца конгрессов в Париже, куда он приехал с труппой Балета XX века, но он уже меня больше не узнавал...

Ксения Триполитова в украинском костюме. Париж, начало 1950-х гг.

ротки, как в романе Жюль Верна «Мишель Строгофф». Мы с Колей были гвоздем программы вместе со знаменитой певицей — контральто Наташей Кедровой и ее партнером и мужем певцом Кириллом Малининым. В той же программе выступал Борис Головкин, и кавказские танцы исполнял в белой черкеске Алекс Гурджи. «Тройка 22» была также известна выступлениями русского оркестра под управлением Василия Котлобана, известного цимбалиста, который всегда начинал свою программу в 11 вечера.

Но и этим выступлениям подошел конец. Семнадцатого июня 1950 года мы с мужем были приглашены на открытие «Большого казино Монблан». Тогда же, в 1950 году, 24 сентября мы участвовали в большом гала-концерте в городе Денан, в концертном зале «Гармония кузницы». Там на афише нас уже представляли как «знаменитых танцовщиков Русского балета Елисейских Полей из Парижа». Как видите, наша реклама менялась год от года, в зависимости от политики.

Снова Бельгия вызвала нас на гастроли. Мы выступали в Брюсселе в двух кабаре — «Колизеуме» и «Старой Бельгии». Успех нам особенно сопутствовал после номера «Восточное адажио», о котором писали бельгийские газеты в то время. В «Колизеуме» давали тогда модную киноленту «Мелодия любви» со знаменитой американской киноактрисой Энн Шеридан, а мы с мужем были дополнительной программой, так называемым «аттракционом». В городе Льеже — столице одной из областей Бельгии, Валлони, — мы с Колей выступали с нашей программой в кинотеатре «Вал-

гала» и имели хороший прием у публики. В Париже мы выходили на сцену в программе кинотеатра «Гомон-Палас».

Как я уже говорила, найти работу во Франции всегда было делом нелегким, и мы были рады устраивать наши турне в других странах Европы. Сезон 1950 года изобиловал такими поездками. В феврале–марте 1950 года наш дуэт дебютировал в Португалии, в лиссабонском кабаре «Аркадия». Наши с мужем имена писали самым крупным шрифтом и в начале афиши. Таким успехом объясняется наше приглашение в не тронутую войной зажиточную Швейцарию. В июне мы выступали в курзале Женевы, а уже 10 июля меня и Колю пригласили танцевать в концерте в казино Эвиана во Франции на берегу озера Леман в честь показа моделей от-кутюр Дома моды Пакен. Какие красивые платья они делали! В декабре того же года мы вновь попали в Германию — на этот раз нас ангажировало франкфуртское кабаре «Табу», где мы танцевали хабанеру.

Следующий год стал для нас годом турне по Испании, где нас уже знали по недавним гастролям с труппой полковника де Базиля. Сначала мы выступали 15 и 18 марта 1951 года в театре «Лирико» на острове Майорка с «Восточным адажио» на музыку Римского-Корсакова, «Романтической вариацией» на музыку Шопена и «Славянской пляской». В том же месяце нас с мужем пригласили в балетную труппу Барселоны, в театр «Лицеум», где хореографом служил Хуан Магринья. Нас, и в первую очередь моего мужа, решили пригласить для восстановления балетов русского репертуара — в теа-

тре шел «Карнавал» Фокина и «Лебединое озеро». Позвали именно нас, так как знали, что мы с балетом де Базиля все это танцевали. В работе нам помогала Любовь Николаевна Егорова. Барселона — дивный город! Мы пробыли там долго и видели много. Чудесные бульвары, собор работы Гауди, такая удивительная атмосфера.

Германия опять дала о себе знать! В 1952 году, после смерти де Базиля, мы с мужем работали в Гамбурге. Почти год мы были в частной труппе, которая называлась «Ballet des arts Modernes», у красавицы Коре Монтес — богатой женщины, но посредственной балерины. В ту пору Гамбург уже залечивал раны войны, отстраивались симпатичные, уютные особнячки с черепичными крышами. У Коре Монтес был очень богатый «спонсор», герр Шливен, строитель пароходов, готовый платить за балетную компанию возлюбленной. Мы часто занимались в старинном и просторном поместье «Клейн Флотбек». Деньги давали Коре возможность поставить дело на широкую ногу и привлечь в свою маленькую труппу крупнейшие артистические силы балетного мира того времени. Она приходила заниматься к самой Егоровой, приглашала ставить балеты великого Сергея Лифаря, заказывала костюмы у знаменитого театрального художника Эрте и нанимала известную американскую балерину из труппы балета маркиза де Куэваса, Розеллу Хайтауэр, давать уроки своей труппе. За деньги можно ведь купить почти все, кроме таланта! Я была репетитором, но не танцевала, а мой Коля — художественным руководителем,

ставившим некоторые балеты. Труппа была маленькой: солистка немка Мьеп Влеугельс, мало-симпатичный латыш Виталийс Оссиньс, немецкий солист Мартин Шееперс. А из девушек

Балетная труппа Коры Монтеc в костюмах по эскизам Дмитрия Бушена. Гамбург, 1952 г.

назову Хенни Руссель, Риту Ванель, Элиан Кревье, Гертруду Марецкую и Гизелу Рохову. Последняя из перечисленных, Гизела, очень способная балерина, впоследствии стала первой солисткой в Штутгарте, в знаменитой балетной труппе у южноафриканца Джона Кранко. Так как у нас в труппе не хватало хороших танцоров-мужчин, мы не могли ставить полноценных балетов, а давали небольшие балетные постановки на музыку Равеля, Дебюсси, Бизе и Шопена. С этой труппой мы гастролеровали по Германии – например, в Брауншвейгском городском театре 6 апреля

1952 года, и в других городах. Афиши у труппы Кора Монтес делали цветными и привлекательными для публики.

Кора Монтес заказывала костюмы в Париже у художника-миriskusника Дмитрия Дмитриевича Бушена, который много работал в балете, в частности для Иды Рубинштейн. Так как Бушен дружил с Лифарем, видно, Лифарь ему и составил эту протекцию. Костюмы и декорации Бушена были очень романтическими, неоклассическими, балерины походили на нимф и танцевали в париках. Кора Монтес любила этого художника больше, чем Эрте, другого знаменитого петербуржца того же поколения, с которым он конкурировал. Надо сказать, Эрте игнорировал Бушена, и, несмотря на то, что у них было очень много общего, они не дружили. Настоящее имя Эрте было Роман Петрович Тыртов, его отец был адмиралом, а дядя, Павел Иванович Тыртов, — камергером Высочайшего двора в Петербурге.

Благодаря работе в Германии я познакомилась с Эрте, бывала у него в гостях в Булони, западном предместье Парижа. Мы быстро сошлись характерами, так как у него дома жило много кошек, а я их тоже обожала. Кошки продрали все кресла в его квартире, сидели на его рабочем столе и следили за каждым движением пера и кисти маэстро. Самой главной достопримечательностью его стильной квартиры был бар в форме рюмки, стенки которого испещряли автографы знаменитостей, бывавших у него дома, — композиторов Равеля, Рахманинова, князя Феликса Юсупова, американской

кинозвезды Клодетт Кольбер и многих других звезд того времени. Мебель у Эрте была обита шкурами зебры и леопарда. Аквариум с рыбками отделял прихожую от кабинета художника, а его работы были выставлены в подобии триптиха или алтаря.

Эрте жил тогда вместе с изящным балетным репетитором Константином («Котиком») Черкасом. Сам Эрте — невысокий, стройный, всегда подтянутый и элегантный, пудрил нос и на старости лет даже носил парик. Эрте был также знаком с Лифарем и дружил с князем Феликсом Юсуповым, чей особняк находился неподалеку от его квартиры. Декоратор Эрте оставался с Черкасом до самой кончины этого балетмейстера парижской «Опера комик». Черкас учился в Театральном училище в Петербурге и принадлежал к школе Императорского балета. После смерти Котика Черкаса все его костюмы и архивы достались его крестнице — французженке Кристине Гукс-Серваль, дочери певицы из русской оперы Елисейских Полей.

В мае 1953 года мы с мужем получили двухнедельный ангажемент в курзал немецкого города Баден-Баден. Но, видимо, из-за начала холодной войны нас уже не рекламировали как русских танцовщиков в газете, а называли «французской балетной парой Ксени и Николая».

Так же нас представляли и в немецком городе Эссен, где 31 мая того же года мы танцевали в ночном кабаре «Казанова» под управлением Ханса Веннера. Афиша гласила: «Светские танцоры из Франции».

Но это продолжалось недолго, вот курьез того времени — в рекламе гала-спектакля во французском городе Мансе в ноябре 1955 года нас опять стали называть «невероятными русскими танцорами из труппы Русского балета полковника де Базиля!».

В те годы мы довольно часто встречали Сергея Лифаря, с которым были давно знакомы. Мой муж знал Лифаря еще с дягилевских пор, а я — с классов у Л. Н. Егоровой. Егорова называла его Серезжкой, а он ее Любашей. На его личности мне хотелось бы остановиться подробнее. В 1930-е годы Сергей Лифарь был такой же гордостью русской эмиграции, как сам Федор Шаляпин. На его спектакли в Гранд-опера всегда было трудно достать билеты, и самая блестящая и влиятельная публика Парижа встречалась тогда в роскошной раззолоченной зале Гранд-опера. Его появление на сцене всегда вызывало сенсацию: порывистый, стихийный, неудержимый, он не выбегал, а влетал вихрем на сцену, и публика неизменно была им очарована. На Лифаря смотрели тогда как на чудо света, и многие полагали, что века могут пройти, но другого такого таланта вновь не сыщется. Его считали богом танца, Богом в древнем, античном понимании этого слова. Его стремительный бег напоминал движения древнего римлянина, а в его фигуре и чертах лица было что-то скульптурное и архаичное.

Танец — это стихия Лифаря. Из-за смуглой кожи и темных волос его считали наполовину цыганом и наполовину украинцем, бродягой и принцем крови — в его личности было что-то сказочное

Сергей Лифарь в костюме фавна по эскизу Льва Бакста в балете «Послеполуденный сон фавна». Фотография с автографом и посвящением Ксении и Николаю Триполитовым. Париж, 1951 г.

Прима-балерина Нина Вырубова и директор Гранд-опера в Париже Сергей Лифарь. Начало 1950-х гг.

и загадочное. Говорили, что предками Лифаря были запорожцы и что фамилия Лифарь или Лихварь означает «мировар», то есть его предки варили миро, необходимое священникам

для миропомазания. Вокруг его имени постоянно складывались легенды, и Лифарь это прекрасно понимал. Он был словно и сам миропомазан и тем самым приобщен к обществу коронованных особ. Ведь он был победителем в Парижской опере. Триумфатором.

Лифарь обладал удивительным даром перевоплощения. Когда он танцевал партию Альберта в «Жизели», три тысячи зрителей в Гранд-опера верили, что перед ними не танцовщик, а настоящий принц, влюбленный в деревенскую девушку. Весь зал следил за каждым из его божественных движений с замиранием сердца. Он так прекрасно владел своим телом, что его движения и жесты воспринимались зрителями как разговорный язык, которым он мог передать очень многое. Одной из партнерш Лифаря в «Жизели» была эфемерная и воздушная Ольга Спесивцева. Это был великолепный, непревзойденный дуэт, переносивший зрителей в потусторонний мир загробного существования.

С именем Сергея Лифаря связана одна запоминающаяся история. На торжественный гала-спектакль в Гранд-опера был приглашен тогдашний президент Франции Лебрен. А Лифарь отказался танцевать перед ним из-за того, что на сцене рабочие перепутали все декорации. Тем самым Лифарь сорвал спектакль и пытался обратиться с объяснительной речью прямо со сцены. Но слушать его не хотели! Публика пришла в неистовство... В тот вечер его чуть не убили в «Кафе де ля Пе». Спас Лифаря тогда его брат Леонид. Он был авиатором, мастером

мертвых петель и неплохим атлетом. Несмотря на свой вечерний фрак, он, вооружившись железным стулом, отбил брата у разъяренной толпы.

В 1955 году мы встречались с Лифарем во время летних каникул в Каннах, где снимали маленький летний домик со смешным названием «Арзигогола». С нами вместе отдыхала семья русских эмигрантов Колесниковых. Туда к нам приезжал Сергей Лифарь, останавливаясь в отеле на Лазурном берегу, еще без своей спутницы жизни, богатейшей шведской графини Лилиан д'Алефельдт-Лаурвиг, по сей день живущей в Лозанне. Эта Лилиан прожила очень бурную и яркую жизнь и была связана с высочайшими особами в Непале и Индии. Ее спутник жизни Сергей Лифарь, очаровательный собеседник, одержимый коллекционер и пушкинист, собирал автографы и реликвии поэта. Это Лифарь организовал в Париже в 1937 году юбилейную выставку Пушкина, на которой было представлено много предметов пушкинской эпохи — миниатюры, письма поэта, дуэльные пистолеты. Выставку Сержу помог организовать его брат, тот самый Леонид. Братья пригласили на прием внука Пушкина и внука Дантеса — оба были лет семидесяти и символично подали друг другу руки, при этом осушив бокалы с шампанским. Так Лифари способствовали прекращению столетней вражды семей.

Сергей Лифарь в жизни одевался очень просто, совсем не следил за своим повседневным гардеробом, и создавалось впечатление, что он одет для репетиции. И действительно, он был одер-

Ксения и Николай Триполитовы рядом с их другом Сергеем Лифарем. Париж, 1950-е гг.

жим лишь искусством балета и хореографией. Лифарь носил простые свитера и брюки, но всегда выглядел очень хорошо, благодаря красивому лицу и прекрасной фигуре. У меня сохранилось несколько его любительских фотографий времен нашего совместного отдыха.

В 1950-е годы я продолжала заниматься у моей любимой учительницы Любови Егоровой. Ей очень нравилась уже в послевоенное время русская прима-балерина Нина Вырубова, одно время учившаяся у Веры Трефиловой. Нина родилась в 1921 году в Гурзуфе, важном этапе на пути беженцев в Константинополь. Ее учительница Вера Трефилова была прославленной балериной Мариинского театра. С ней Егорова работала потом у Сергея Дягилева. Артистичная Нина Вырубова замечательно смотрелась на сцене, однако по технике уступала балеринам Большого театра. По матери она была французского происхождения — ее фамилия была Ледантю, а по отцу — дальней родственницей любимой фрейлины последней русской императрицы Александры Федоровны — Анны Вырубовой, горячей поклонницы Распутина. Сын Нины Вырубовой — мой крестник, живет теперь в Париже.

Вот еще одно воспоминание: однажды, после войны, Егорова поехала в Опера посмотреть «Спящую красавицу» с Клод Бесси, женой Сержа Головина, ученика еще одной примы Мариинского балета, Юлии Седовой. И вот ее вердикт: «Бесси — горничная, а не королевна!» Говорила это Егорова оттого, что очень ценила в балеринах царственный апломб. Егорова была высокого

Балерина Нина Вырубова в роли Жизели. Париж, 1940-е гг.

мнения о работе Юлии Седовой, преподававшей в собственной школе на Лазурном берегу, в студии в Ницце, но Бесси у нее не занималась! Кстати, у Юлии Седовой учились в Ницце Элен и Борис Трайлины, известные во Франции танцовщики, выходцы из семьи русских эмигрантов, а также драматическая французская артистка Софи Дарбон.

В послевоенные годы у Егоровой стала заниматься талантливая балерина Светлана Березова, дочь знаменитого балетного «папочки» Николая Березова, работавшего до войны в Национальном балете Литвы в Ковно. Светлана была очень способной и сделала значительную карьеру в Королевском балете в Лондоне, но она пила и умерла в начале 1990-х годов от этого недуга. У Егоровой также занимались знаменитая французская балерина и будущая голливудская кинозвезда Лесли Карон и известная французская балерина Жанин Шарра. Лесли Карон, скромная, застенчивая девушка, волею судеб стала знаменитостью после своего кинодебюта в американском мюзикле «Американец в Париже», где была партнершей Джина Келли.

Надо отметить, что талант, усердие и преподавательские способности Любви Николаевны были высоко отмечены ее второй родиной. Егорова была награждена французским Орденом искусства и литературы. Был устроен по этому поводу торжественный вечер в студии — туда пришли Лифарь, Бельмондо-отец, мой муж Коля Триполитов. Но это было уже в 1960-е годы.

Егорова преподавала почти до 86 лет. Управляющий домом рекомендовал Егоровой закрыть студию и сулил ей большие деньги в том случае,

если она переедет от них. И когда Егорова остав-
ляла студию, она надеялась получить деньги
от управляющего, которого называла Бобиком,
но получила отказ. Деньги были бы уплачены
лишь в том случае, если бы ее попросили уехать
из дома письменно. Обманутая Любовь Никола-
евна была очень расстроена, так как рассчиты-
вала на эти деньги. Все же у нее оставался дру-
гой домик, в Пти-Кламар, куда она и переехала
на старости лет. Но случилось несчастье: нужда-
ясь в средствах, она решила продать свой домик
соседу, тоже эмигранту из казаков. (Прежде она
записала дом на своего сына, Кирилла Мамон-
това. А тот скончался раньше матери, 6 апреля
1968 года!) И вот, несмотря на многолетние до-
брые отношения с соседом, ее, старушку, попро-
сили освободить домик, и она была вынуждена
со слезами на глазах уехать в дом для престарелых
в Сен-Женевьев. Там эта замечательная балерина,
украшение Мариинского театра и дягилевской
антрепризы скончалась, 18 августа 1972 года.

Когда Любовь Николаевна умерла, француз-
ская балерина Иветт Булан-Вине, которая очень
помогала старым русским балеринам и заботилась
о пенсиях, которые им назначил Морис Бежар, пе-
редала оставленный мне в наследство пакет. В нем
я нашла икону Трех Святителей, которую впервые
увидела, переступив порог моей балетной альма-
матер, и шелковую косыночку, которую Егорова
повязывала на голову во время уроков. Как-то в Па-
риж приезжала Наталья Метелица из петербург-
ского театрального музея и хотела ее у меня за-
брать. Но я пока с ней не расстаюсь!

Ксения на гастролях с Русским хором в Испании. 1950-е гг.

Наши турне

Мы по-прежнему очень нуждались в работе и продолжали свои интенсивные выступления — ведь это было нашим единственным заработком. Тридцатого июня и 1 июля, а также 5 сентября 1954 года мы с Колей танцевали в гала-концерте в казино «Дю Лак» в Баньоль де ль Орн. В том же году 4 сентября я с Колей выступала в «Казино де Гранвиль» в городе Гранвиле, где в 1905 году родился Кристиан Диор.

В послесталинскую эпоху участились поездки советских артистов за границу. Гастроли Большого театра в 1954 году в Париже на меня произвели большое впечатление. Я видела на сцене прекрасную Галину Уланову в «Бахчисарайском фонтане»! Какое незабываемое воспоминание! Тогда советская Россия финансировала эти турне, теперь это было бы слишком дорого. Но, скажем правду, советские артисты держались особняком, жили отдельно в гостиницах. За кулисы никого не пускали, боялись белых эмигрантов, оттого и мы, и они много потеряли из-за отсутствия профессионального контакта.

После поездок в Германию и гастролей по Франции в декабре 1954 года мы получили ангажемент во французские колонии в Северной Африке. Его нам дал директор оперы в Тунисе, Жорж Пожед, куривший трубку пожилой импресарио, который в молодости и сам выступал на сцене. Так началась самая экзотическая страничка моей жизни. Мы выступали в опере в Тунисе в сезоне 1954–1955 годов. Туда мы отплыли с мужем из Марселя и плыли довольно долго, дня два. Столица Туниса запомнилась мне своей бело-голубой палитрой красок и европейским характером архитектуры. Тунис радовал нас чудесной погодой, красивыми пейзажами и несравненными закатами. Нам было интересно бродить по арабскому базару, который местные называют «сук». Мы пили чай из узких стаканчиков и затем взяли такие с собой в Париж — они очень удобны для апшеретива. Старинный театр, с ложами и хорошей сценой всегда был полон элегантной публики. По городу ездили на машинах, все было вполне современно — в те годы Франция еще владела Тунисом.

В опере Туниса я поставила танцы к оперетте «Мадмуазель Нитуш» на музыку Эрве и сама в этом спектакле солировала с мужем. Я тогда выступала под псевдонимом Ксения Ксетри, произведенном от Ксении Триполитовой, и танцевала роли в операх, например в «Трубадурах», «Тангейзере», «Манон», «Кармен» и в «Самсоне и Далиле». Как я уже писала, Тунис в те годы еще был французской колонией, и репертуар театра был чисто французским, да и вся труппа сплошь со-

стояла из французских артистов, даже нашим костюмером был француз Николя. Там блистала в 1950-е годы известная французская звезда, колоратурное сопрано Мадо Робен. Она выступала и в Гранд-опера в Париже, но умерла молодой. Звездами в опере «Кармен» была Люсьен Андуран из «Опера комик» в Париже и Андре Лароз из Гранд-опера. Так что, как видите, уровень был высок. Постановки в театре осуществлял французский режиссер Макс Пабан. Спектакли были очень красивыми, с прекрасными костюмами и декорациями, которые привозили из Франции. Сами оперы ставили обычно во Франции и привозили в колонию в виде гастрольных турне.

В Тунисе мы с Колей жили в доме у русской семьи Ковако, беженцев, как и мы. Впоследствии госпожа Ковако переехала во Францию. У них была большая квартира, и они сдавали одну комнату. Узнав об этой семье в театре, где нам дали несколько адресов, мы сразу пошли к русским и прожили там три месяца. В Тунисе была красивейшая русская церковь, и там жили семьи моряков, прибывших в Бизерту, где окончил свой век славный Императорский флот России. Балетную студию в Тунисе держала чета русских танцовщиков из Большого театра.

Но вот как неисповедима судьба русских артистов за границей! По возрасту Коля уже не мог танцевать так же хорошо, как прежде, и он изменил многое в своей карьере. После 1955 года в Париже Коля поступил в Хор григорианского пения Константина Трофимова, известного в Германии. Мой Коля запел, а потом стал даже

*Ксения рядом с русской певицей Наташей Кедровой.
Испания, 1957 г.*

дирижером! В этом хоре начинал Иван «Буби» Ребров и позднее молодой немецкий певец русского происхождения Петер Орлов. С ними я была хорошо знакома. Иван Ребров был деловым человеком, солистом с сильным голосом. Его воспитали в Германии и, к сожалению, плохо научили говорить по-русски. Но вокальные возможности дали ему базу для международной карьеры. Турне хора проходили в Германии по два месяца, и затем Коля возвращался ко мне в Париж. Я в 1950-е годы изъездила много городов в Германии с гастрольями Черноморского русского хора, где Коля Триполитов уже был руководителем, особенно часто мы выступали в курортных местах на водах — Висбадене, Баден-Бадене.

В ноябре 1957 года я опять попала в Испанию — на этот раз с эмигрантским Хором уральских казаков под управлением Андрея Шолуха, с солисткой, знаменитой парижской певицей Наташей Кедровой, сестрой замечательной русской актрисы мирового кино Лили Кедровой. Симпатичная и талантливая Наташа Кедрова пела «Караван», «Фонарики», «Нет, нет, не хочу», «Кибитку». В концерте также исполняли «Катюшу», «Калинку» и «Волгу, Волгу». Меня рекламировали как характерную балерину оригинальной труппы Русского балета полковника де Базиля, так как это имя много значило в Испании после нашего триумфального турне. Мы побывали в Бильбао, Сарагосе, Саламанке, Лериде, Коимбре, Коруне, Валладолиде, Барселоне, а также в Лиссабоне, столице Португалии. Поездка с хором длилась два месяца — ноябрь и декабрь,

Ксения Триполитова в сарафане по эскизу Мстислава Добужинского. Париж, 1960-е гг.

*Сарафан, выполненный по эскизу Мстислава Добужинского.
Париж, 1950-е гг. Из коллекции Александра Васильева*

и контракт мне устроил знаменитый московский импресарио Художественного театра Леонидов.

Это было такое интересное и увлекательное турне, что я позволю себе его подробно описать. Тридцать первого октября мы начали турне в Бильбао, 1 ноября выступали в Эльбаре, 2 ноября в Виктории, 3-го в Памплоне, 4-го в Сан-Себастьяне, 6 ноября в Валенсии, 7 ноября в Саламанке, 8 ноября в Валладолиде, 10 ноября в Мадриде в «Театро Эспаньоль», 12 и 13 ноября в Сарагосе, 14 ноября в Лериде. 15 и 16 ноября выступали в Барселоне во Дворце музыки, а 17 ноября в Террасе. Пресса в Испании нас принимала с большой симпатией, и мы пользовались популярностью и любовью публики. Газета Лиссабона назвала наше турне «апофеозом успеха»! Хор уральских казаков очень славился в Западной Европе и гастролировал в Бельгии, Германии, Франции, Голландии, Австрии, Португалии, Швейцарии и Испании. Парижская газета «Русская мысль» так писала о наших выступлениях:

Двумя концертами в Барселоне и последним выступлением в Террасе Хор уральских казаков закончил свою успешную поездку по Испании, направившись отсюда в Португалию.

Помимо широко популярной в эмигрантском мире эстрадной певицы Натальи Константиновны Кедровой, танцовщицы Ксении Триполитовой, из хора следует выделить не только его дирижера Андрея Ивановича Шолуха, но и отдельных участников его, певцов: Л. А. Антонова,

А. Ангела, Б. Д. Семенкевича и Михаила Васильевича Малюту.

Численностью в 16 человек, этот небольшой хор, под чрезвычайно напряженным и внимательным управлением опытного дирижера, каким известен почтенный А. Шолух, выступил здесь дважды, захватив переполненный зал «Палаццо де ля Музыка» исполнением вначале церковных мелодий.

Особенно сильное впечатление произвело на слушателей хоровое исполнение молитвы «Господи, помилуй!», в котором басы и тенора блеснули своими чистыми и сильными голосами.

В дальнейшей программе последовали русские народные песни, в значительной части знакомые культурным испанцам по пластинкам.

Начиная от разухабистой песни, почти частушки «Три деревни, два села», вплоть до «Двенадцати разбойников» вперемешку с «Эй, ухнем!», «Стенька Разин», «Колокольчики», «Вечерний звон», «Колокола Москвы» и других, Хор уральских казаков блестяще справился со всеми музыкальными и вокальными трудностями, которые требовали от них не только волнующие мелодии названных песен, но и строгое руководство высокомузыкального дирижера А. И. Шолуха.

Я была в этой программе «звездой», хоть и исполняла только два танца — польку и гопад. В нашей программе танцевала также пара Ирис и Олега Лугина. Кажется, эти эмигранты жили в Испании. Аккомпанировал нам на рояле профессор Михаил Григорьев. С этим путешествием был связан очень забавный эпизод. Я вам его сейчас опишу.

В Барселоне была русская балетная студия Натальи Мирской. Она пригласила меня домой, и я познакомилась с ее собачкой. Речь зашла о животных, и эта Мирская сказала мне: «Вы знаете, тут когда-то в Барселоне выступал балет полковника де Базиля, и там была пара сумасшедших. Они приехали в турне с сиамской кошечкой и котятками!» Смела ли я признаться, что этой парой «сумасшедших» были мы с Колей? Вот это совпадение!

В 1958 году мы продолжили турне с Уральским хором, но на этот раз по городам Швейцарии и Германии. Тогда моим партнером стал голландец Пол Гринвис, которого мы хорошо знали по балету де Базиля. Пресса писала о нас с восторгом. Эти статьи все сохранились в моем парижском архиве.

Русские хоры стали привечать меня как солистку характерных танцев. В феврале 1960 года я стала выступать с Хором кубанских казаков под управлением Альфреда Освальда. Солистами там были Александров, Майоров, Лазарев и Фрезев.

А уже в апреле 1961 года, в 40-ю годовщину артистической карьеры моего мужа, мы с ним организовали в Париже новый ансамбль — «Тройка». С ней мы отправились с 15 по 30 апреля на гастроли в Германию, где выступали в кабаре «Стар-варьете» в Гамбурге и в казино в Мангейме, а также в Дюссельдорфе и Эссене. Затем поехали на север Франции, в Кале, где танцевали в городском казино 18–19 мая.

Двадцать девятого ноября 1961 года наша «Тройка» очаровала славянским шармом и тем-

Ансамбль «Тройка». Египет, 1961 г.

пераментом жителей французского города Сен-Этьенн в кабаре «Эдем». Мы участвовали в международном гала-представлении для прессы, которая, и вправду, о нас много и восторженно тогда писала.

В июле 1961 года с нашей новорожденной «Тройкой» мы попали в Египет, в Александрию, где танцевали по случаю открытия казино «Шатби». Парижская газета «Русская мысль» № 1702 от 1 июля 1961 года так писала о нашем ансамбле:

Балетные артисты Ксения и Николай Триполитовы, долголетние участники прославленного Русского балета полковника де Базиля, организовали небольшой ансамбль, которому дали понятное для каждого иностранца название «Тройка».

Концертная косоворотка Николая Триполитова. Париж, 1950-е гг. Из коллекции Александра Васильева

*Концертный сарафан из ансамбля «Тройка». Париж,
1960-е гг. Из коллекции Александра Васильева*

Тройка — по количеству трех танцовщиц: Ксения Триполитова, которая поставила танцы, и две партнерши-франуженки — Мишель Островская и Мишель Денлова. Эти молодые франуженки очень хороши в русских и украинских костюмах и отлично поют по-русски.

Эту статью написала известная в эмиграции критик балета Нора Лидарцева. В Египет мы попали пароходом из Марселя с остановкой в Греции, где успели осмотреть достопримечательности. К сожалению, моя тетка, графиня Александра Фламбуриани, жившая в Египте после революции, к тому времени уже умерла, 27 октября 1949 года восьмидесяти лет от роду, а вот мой кузен Дима там с нами встретился. Между Египтом и Тунисом была все же значительная разница. Особенно она чувствовалась в Александрии, где живет много православных коптов, что придает городу непревзойденный колорит и связь с византийской историей. Мы ездили осматривать пирамиды, храмы и пустыню и были восхищены увиденным.

В 1961 году в Париже остался Рудольф Нуриев. Это был огромный международный скандал эпохи холодной войны. Я вскоре видела его на сцене в постановке балета маркиза де Куэваса — «Спящей красавице» в паре с Ниной Вырубовой. Они не слишком ладили, потому что у обоих были очень сложные характеры. В то же время в Париже гастролировала еще одна русская артистка балета, недавно эмигрировавшая из Советского Союза, — Галина Самцова. Она была

Солист балета Рудольф Нуриев. Париж, 1970-е гг.

киевлянкой, блистала в балете «Золушка» в постановке Орликовского, и ее порой называли «анти-Нуриев».

С нашим ансамблем я танцевала в Париже 4 декабря 1961 года в гала-концерте в польских костюмах, которые для нас сшила мама Бубы и Лии Гржебиной, вдова знаменитого книгоиздателя старой России и русского Берлина. С нами, кроме меня и мужа, танцевали в ансамбле Мишель Деньо и Мишель Островская. Критик писал о нашей «Тройке»:

Несмотря на сравнительно небольшое количество участников этого ансамбля, его замечательная хореография, доскональное внимание, которое уде-

ляет каждому жесту и каждому па трех солисток Ксения Триполитова, богатые и элегантные костюмы, мелодии, то ностальгические, то наполненные редким ритмом, гитара и мелодичное пение, которое Николай Триполитов исполняет с большим мастерством, нам заменят с лихвой большие спектакли, с множеством артистов на сцене. Все это оттого, что не постановка, не декорации и костюмы, не количество участников определяют успех балета, а качество исполнения, их искусство, их школа и совместимость; и вот именно этим группа Триполитовых с их двумя партнершами заслуживает всяческих похвал, самых щедрых...

Семнадцатого февраля 1962 года по приглашению нашего старого друга Сержа Лифаря мы с нашей «Тройкой» приняли участие в большом хореографическом вечере в пользу русских военных инвалидов в Париже. Во время вечера в фойе «Зала химии» на рю Сан-Доминик выставляла свои портреты и балетные этюды знаменитая русская художница Зинаида Серебрякова. В этом памятном концерте приняли участие звезды Гранд-опера — Лизетт Дарсонваль, Иветт Шовире, Юрий Альгаров, а также знаменитый русский танцовщик и ученик Ольги Преображенской, Владимир Скуратов. Шовире исполнила «Умиряющего лебедя», а Лизетт Дарсонваль — отрывок из балета «Сильвия» Делиба, вызвавшей овации публики. «Зал химии» был переполнен до отказа. На сцене показывали 45-минутный документальный фильм-балет Сергея Лифаря «Симфония в белом» на музыку Анри Соге, снятый во вре-

мя войны в 1942 году. Наша «Тройка» выходила в третьем отделении с песнями Коли Триполитова «Гайда, тройка!» и «Коробочка». Вечер, получивший самые восторженные отзывы, закончился в половине первого ночи.

А 2 марта того же года мы с мужем приняли участие в незабываемом ночном гала-концерте в залах мэрии XVI квартала Парижа в пользу объединения для защиты угнетенных народов — «Интернационала свободы под высоким покровительством Их Королевских Высочеств принца и принцессы Югославии». В этом концерте аккомпанировал оркестр эмигранта Черноярова, пели Людмила Лопато, Александра Корнева-Большакова, Сандра Шувалова и Константин Котляров, играла польская аккордеонистка Ева Барчинска, пела и плясала Екатерина Дубинская. Два дня спустя я выступала в концертном спектакле К. Константинова в зале Гюстава Доре на авеню Ваграм в Париже. Газета «Русская мысль» писала по поводу этого интересного спектакля:

Имеется большая часть русской публики, которая тоскует по русским спектаклям, по русским вечерам. Русский спектакль сейчас «поднимать» — дело трудное, может быть — невозможное. Но 4 марта, в три часа пятнадцать минут состоится веселый утренник, устраиваемый популярным К. Г. Константиновым в зале Гюстава Доре, тупик Шарля Жерара, 3.

В нем участвуют такие артисты, как певица Жанна Бразина, полная огня; Белла Рейн с ее интересными, художественными мимодрамами; Татьяна

Ивченко с рассказами Тэффи; Константин Котляров — оперные арии и народные песни под гитару; Владислав Коссаковский — народные песни, в числе которых знаменитая «Калинка»; молодая испанка Дэзи Визир с песенками на разных языках; Ксения Триполитова, исполнительница русских танцев; и, наконец, сам устроитель с рядом забавных анекдотов.

Программа составлена обширная и очень разнообразная: танцы — студия балетного искусства Эльвиры Роне, при участии молодого танцора Алексея Фримана, получившего первые призы на нескольких конкурсах в Париже, и солистки тулонской оперы Франсуазы Аршер.

Как видите, в начале 1960-х годов русский Париж еще мог похвастаться первоклассными артистами и качественными, полноценными концертами силами эмиграции.

После распада нашей «Тройки» в 1962 году наша артистка Мишель Островская купила вместе со своим мужем Эрнстом Островским эстрадный иллюзионный номер, с которым они до сих пор гастролируют и недавно были в турне в Австралии. Другая наша артистка, Мишель Деньо, теперь танцует барочные танцы во Франции и шьет костюмы для сцены.

В 1960-е годы я работала также в студии «Адаже» в Париже на рю Лепик, дом 11. Там располагалась Академия классического танца. Руководительницей всех занятий была прославленная Нина Вырубова, я преподавала классические и народные танцы, а напарницей моей была Мартин Оливье, тоже ученица Егоровой, и солист Гранд-

опера Жан Пьер Боннефу. Как солистка русских танцев я участвовала в самых различных гала-представлениях во Франции в те годы, мы всегда нуждались в заработках. В 48 лет я села впервые за руль автомобиля и сразу поехала в Венецию с мужем. Наш маленький красный «Фиат-500» исколесил много итальянских дорог. Мы с мужем побывали в Вероне, Падуе, Генуе, затем поехали во Францию на Лазурный берег и вернулись через Прованс в Париж. Спали мы в кемпингах в палатке, так как средств на отели у нас не было.

В конце 1962 года мой муж Коля начал снова выступать в Германии и стал хормейстером и дирижером «Хора черноморских казаков», составленного из эмигрантов первой и второй волны. Руководителями этого небольшого мужского хора из четырнадцати певцов были проповедник Николай Степанович Орлов и Борис Ледковский. Среди участников надо отметить баса-баритона Вукайловича и баса Питаевского. Их первый концерт духовного и светского песнопения под управлением Николая Триполитова состоялся 23 декабря 1962 года в городе Энгельштате. Хористы были одеты по-русски — в черные длинные косоворотки, подпоясанные поясками, широкие шаровары с лампасами и кожаные сапоги. На голове — барашковая кубанка. В таких костюмах они выступали в Западном Берлине, Штутгарте, Франкфурте, Баден-Бадене, Майнце, Висбадене, Абенсберге в Западной Германии, в Инсбруке в Австрии, в Амстердаме и Гарлеме в Голландии, в Брюсселе в Бельгии. Везде их восторженно встре-

*Программа концерта «Хора черноморских казаков».
Германия, 1960-е гг.*

чала пресса, и у меня сохранился аккуратно подклеенный моим мужем альбом газетных вырезок и фотографий, посвященных этому турне Черноморского хора. В 1964 году хор начал гастролировать и во Франции. Обозреватель парижской газеты «Русская мысль» писал 14 ноября 1964 года:

Русская душа на чужбине тянется ко всему, что напоминает родину. Нам, русским, в эмиграции дорога наша русская церковь, дороги русские встречи, русские газеты, русская книга... Дороги родные русские звуки. К нашему счастью, мы можем слушать их не только в механическом воспроизведении, с напетых пластинок, а и «в натуре», со сцены, при выступлении русских хоров.

Особенно популярны за границей русские казачьи хоры, я имею в виду хор Жарова и хор, о котором идет речь.

В сезоне 1964–1965 годов я приняла участие в оперетте «Мишель Строгофф», по роману Жюль Верна 1876 года. Когда-то в немом фильме по этому знаменитому роману играл несравненный русский актер Иван Мозжухин, а позднее — немецкий актер Курт Юргенс. В новой постановке в известном парижском театре «Могадор» главного героя исполнял Марсель Меркес, а роль цыганки играла акробатическая танцовщица Сесиль Чернова. Я дублировала постановщицу характерных танцев Ирину Гржебину, дочь знаменитого книгоиздателя, которая привела для участия в этой оперетте своих учеников, знакомых с русскими характерными плясками, присядкой и хороводом. У Ирины Гржебиной одно время была даже своя балетная труппа характерных танцев — «Балет Ирины Гржебиной», которая много гастролировала по Европе.

Все эти годы, вплоть до 1968 года, мой Коля, будучи уже в преклонном возрасте, по-прежнему дирижировал в Германии русским казачьим хором, на этот раз «Волжских казаков».

Вместе с Колей я ходила в Париже во Дворец спорта смотреть Плисецкую в «Умирающем лебеде». Она нам очень понравилась. А вот русские балерины старой школы сетовали: «Плисецкая — это не Павлова!» Но все-таки надо правду сказать — у Майи Плисецкой было больше техники, чем у Анны Павловой. Лишь в 2004 году мне повстречалось повстречаться в Тракае с прямой-

балериной абсолютной Майей Плисецкой. Она даже подписала мне свою фотографию на память. Из артисток Большого театра мне еще очень понравилась очаровательная Людмила Семеняка.

Я тогда уже стала преподавать, поступив в муниципальную консерваторию в городке Дранси под Парижем, где проработала 22 года. Там я давала уроки классического балета и организовала классы характерного танца. У меня также было много маленьких частных уроков с ученицами.

*Символ Парижа – Эйфелева башня постройки 1889 г.
Фотография А. Васильева*

Ксения Триполитова. Париж, 1960-е гг.

Одна, без Коли

К сожалению, 1972 год стал трагическим и трагичным для меня. Восемнадцатого мая мой Коля скончался и был похоронен на Сен-Женевьев-де-Буа. Это произошло так: утром Коля пошел приготовить кофе, чтобы принести мне в кровать, и я услышала, как он упал, а когда подбежала к нему, он успел лишь мне прошептать «Я умираю!» и скончался у меня на руках.

Незадолго до смерти Николая Триполитова писал художник-любитель, интересный и стройный голландец, бывший танцовщик труппы де Базиля — Поль Гринвис. Этот Гринвис жил одно время в Австралии, танцевал в труппе балета Борованского, чешского артиста из труппы русского балета, основавшего балетный театр на этом континенте. Я, помнится, танцевала с Гринвисом в конце 1950-х годов.

И пару месяцев спустя, как я уже говорила, из жизни ушла моя любимая преподавательница — Любовь Николаевна Егорова. Вы можете представить мое душевное состояние тем летом!

После смерти любимого мужа моя жизнь сильно изменилась. Я очень нуждалась и стала с утра до вечера преподавать балет — это меня и спасло, ведь другого заработка у меня не было. Утром я давала уроки в частной школе у «мадам Зои», потом днем ездила в муниципальную консерваторию в городок Дранси, затем — в Нуази ле Сек, еще один городок под Парижем. В день я давала до 8 часов уроков. Моя знакомая, русская балерина Ирина Балина-Васильева, о которой я уже писала, говорила: «Ксения задается. Преподает в деревушках и довольна этим!» Так как мне приходилось много времени тратить на дорогу, я везде ездила на своем маленьком «Фиате» и стала заправским водителем. Я вожу машину и теперь, в 90-летнем возрасте.

Недалеко от меня в Париже жила моя сестра Тамара. Она очень заботилась обо мне и готовила обеды, так как видела, что я много работаю. Одно время, преподавая в студии, я познакомилась с танцовщиком довоенного времени Игорем Фоска. Он раньше жил на юге Франции и руководил собственным ансамблем. Я даже как-то оставляла студию на него.

Я учила в основном маленьких детей балету и характерным танцам. Но одна из моих учениц стала солисткой в Гранд-опера. Это балерина Брижит Херметц, она теперь уже на пенсии и преподает в Каннах в школе у Розеллы Хайтауэр.

У меня также занималась одно время Вероничка Котлобан, дочь знаменитого цыганского цимбалиста Василия Котлобана, игравшего в русском кабаре «Шахерезада» и выступавшего в театре

«Максим» в Константинополе вместе с моим Колей. Она стала женой известного певца из Болгарии Константина Казанского, автора книги о русском кабаре в Париже. Теперь и Вероничка стала исполнять «песни настроения», а ее дочь Химера тоже стала моей ученицей!

Мне очень жаль, что народно-характерные танцы сейчас во Франции больше никто не преподает. После ухода из Гранд-опера русской балерины Ирины Гржебиной, которая давала уроки характерных танцев, была идея пригласить меня на ее место. Об этом мне говорила известный балетный критик Курнон. Но мой возраст и уже ограниченные силы не позволили этого сделать.

В 1982 году я отправилась в запомнившуюся мне туристическую поездку в СССР с другими балетными артистами. Сестра Тамара очень беспокоилась за меня и отговаривала от путешествия в неизвестную большевистскую Россию, так мы были ею когда-то напуганы! Мы пробыли всего три дня в Ленинграде и три дня в Москве. Наш гид Наташа очень хорошо говорила по-французски, но, когда она узнала, что я говорю по-русски, разом ко мне охладела. Я сразу вспомнила песню Жильбера Беко «Натали» об очаровательной девушке-гиде в Москве, с которой они пьют шоколад в кафе «Пушкин». Наша «Натали» была иной. Вообще-то, с моей фамилией Триполитова и с именем Ксения хорошей французки из меня не получилось! Помню один ужин в Ленинграде в присутствии Сергеева и Натальи Дудинской. Они почему-то были уверены, что никто

из нашей группы не понимает по-русски, и между собой обсуждали бывшего коллегу и партнера виртуозной Дудинской — талантливейшего Рудольфа Нуриева, который к тому времени был огромной звездой в Париже. «А ты знаешь, — сообщал Сергеев своей жене свежую новость, — Рудик хочет пролезть в директора!» И, как известно, Нуриев стал директором Гранд-опера. Я лично видела Рудольфа в «Дон Кихоте», «Корсаре», «Ромео и Джульетте» и в «Спящей красавице» с Натальей Макаровой. Он был неотразим и творчески активен до самой смерти от неизлечимой болезни СПИД в 1994 году.

*Вид церкви инвалидов и авеню де Бретей,
на которой живет Ксения Триполитова. Париж, 2009 г.*

*Современный вид дома с балконом, в котором жила
Ксения с родителями. Вильнюс, 2009 г. Фото А. Васильева*

Снова в Вильно

В начале 1990-х годов мне совершенно случайно представилась уникальная возможность вернуться вновь в город моего рождения — Вильно. Расскажу все по порядку. Как-то во время награждения в Гранд-опера моей хорошей знакомой и коллеги Ирины Гржебиной Орденом искусств и литературы я познакомилась с одним из гостей юбилярши, русским эмигрантом Александром Васильевым. Сидя на бархатной кушетке в фойе дворца Гарнье, мы разговорились о старом балете в эмиграции, о Нине Кирсановой, которую он знал по Белграду, и о Литве и Вильно, где я раньше жила. Прошло несколько лет, и мой новый парижский знакомый, художник-декоратор и историк моды Александр Васильев, приобрел имение своего дедушки, помещика Гулевича «Кривой Погурек» в предместье Вильнюса — Павильнисе. Тогда ремонт этого деревянного двухэтажного дома 1900-х годов только затевался, и он не имел таких замечательных и уютных интерьеров, как теперь. Александр пригласил меня к себе в гости с тем, чтобы я вновь смогла

Александр Васильев и Ксения Триполитова в возрасте 89 лет на фоне Тракайского замка. Литва, 2004 г.

увидеть край моей молодости. В доме тогда жила племянница Васильева — оперная певица, сопрано Юрате Швядайте, со своим мужем, американским предпринимателем Джоном Валлером и двумя дочерьми. Они были очень гостеприимны, и мы подружились. Бабушкой Юрате была польская балерина, солистка «Театра Велького» в Варшаве в эпоху директорствования Брониславы Нижинской, Зофья Верницка-Гулевич. Наша встреча в Вильнюсе была обоюдной радостью. Я снова увидела город моей молодости, дом, где жила, и наслаждалась красотой родных мест. Кроме Литвы, которую я вновь полюбила, я часто бываю и в Польше у моих подруж детства, ведь путешествия — часть

*Ксения Триполитова в возрасте 93 лет
в имени Гулевичей «Кривой Погурек» под Вильнюсом.
Фотография из журнала «Лилит», 2008 г.*

моей жизни и удовольствие, в котором я себе не отказываю никогда. С тех пор я уже несколько лет подряд возвращаюсь в это имение в Павильнисе, сплю в «моей спальне» фиштаккового цвета. В этом старинном доме я имела возможность работать с Александром Васильевым над воспоминаниями, которые вы теперь читаете.

Из Вильно на машине моей «приемной дочери» Людмилы Катковой я попала и в Белорусию, в наше фамильное имение «Хвастовичи», и в Лиду, где с помощью моей новой приятельницы Марины Зинович установила памятник моему папе на кладбище. Так, исколесив множество стран мира, я вновь очутилась в родных краях и очень рада этой долгожданной возможности. Пусть мои воспоминания, которые я написала в 90-летнем возрасте, послужат хорошим профессиональным уроком молодым читателям и расскажут потомкам о том, как я стала маленькой балериной и осуществила красивую мечту детства!

Указатель имен

А

Авакян, Степан 174
Альгаров, Юрий 276
Альперов, Александр 126
Артамонова, Дина 106, 208
Артамонова, Соня 106, 208
Арцибушева, Мария 120, 121

Б

Бакст, Леон 112, 121, 140,
228, 236
Балашова, Александра 115
Балина-Васильева, Ирина
220, 236
Баронова, Ирина 107, 230
Бежар, Морис 9, 102, 241, 259
Безобразова, Марина 100
Беко, Жильбер 287
Белецкий, Кшиштоф 66
Бенуа, Александр 222, 227,
232, 234

Бергман, Ингрид 193
Березов, Николай 258
Березова, Светлана 258
Бехенова, Татьяна 101
Билибин, Иван 26
Блинова, Ляля 126
Бондарев, Алексей 172
Бондарева, Ирина 172, 180
Боннефу, Жан-Пьер 279
Боярская, Нина 138
Брадке фон, Александра 24
Брадке фон, Вячеслав 22
Брадке фон, Гаспар 18
Брадке фон, Мария 16, 32,
42
Брадке фон, Михаил 18
Брадке фон, Наталья 24
Брадке фон, Ольга 23
Бразина, Жанна 277
Булан-Вине, Иветт 259
Бушен, Дмитрий 248

В

Ваганова, Агриппина 114
Васильев, Александр 8, 291
Васильковский, Кирилл
217, 236
Вейнгартнер фон, Феликс 52
Веннер, Ханс 249
Веревкин, Николай 24
Верн, Жюль 244, 281
Верницкая-Гулевич, Зофья
292
Вертинский, Александр 86,
121, 132, 142, 207
Вершинина, Нина 217, 220,
225, 228, 231, 235
Ветрова, Надежда 206
Владимилова, Екатерина 210
Влеугельс, Мьеп 247
Войцеховская, Соня 100
Войцеховский, Леон 100, 122
Волков, Василий 24, 56
Волкова, Наталья 24, 56, 117
Воронова, Елена 236, 239
Впандер, Жаннет 191
Вырубова, Нина 9, 171, 174,
196, 197, 205, 240, 256, 274,
279
Вьяльцева, Анастасия 47, 52

Г

Галат, Надежда 52
Гарбо, Грета 132
Гари, Ромен 79
Гилгуд, Майна 101

Гитлер, Адольф 8, 160, 168,
197, 204

Гердт, Елизавета 114
Герен, Шарль 243
Гессенская, Аликс 110
Глухарева, Галина 146
Глюк, Елизавета 132, 133,
135, 145, 146
Головин, Серж 256
Головко, Борис 244
Гольденвейзер, Александр 52
Гончарова, Наталья 222, 230
Горький, Максим 115
Греческая, Ольга 23
Гржебина, Ирина 115, 166,
281, 287, 291
Гржебина, Лия 115, 201, 275
Григорьев, Михаил 269
Григорьев, Сергей 112
Григорьева-Сидоренко,
Тамара 107
Гринвис, Поль 230, 231,
235, 236, 270, 285
Громцева, Мария 193
Гукс-Серваль, Кристина 249
Гулюк-Ивановская, Людмила
122
Гурджи, Алекс 244

Д

д'Альфельдт-Лаурвиг,
Лилиана 254
Данилова, Александра 101,
183

Дарбон, Софи 258
Дарсонваль, Лизетт 98, 196,
276

Де Базиль (Василий
Воскресенский) 8, 26, 99,
101, 102, 115, 122, 146, 157,
182, 215, 217, 218, 219, 220,
221, 222, 223, 228, 236, 241,
243, 245, 246, 250, 265, 270,
274, 285

Деньо, Мишель (Данилова)
276, 278

Дитрих, Марлен 9, 200

Добровольская, Варвара 80

Добужинский, Мстислав 80

Докудовский, Владимир
216, 226, 228, 230, 231, 234,
235, 236

Долинов, Анатолий 140, 142

Дубинская, Екатерина 277

Дудинская, Наталья 288

Дябянский, Николай 147

Дягилев, Сергей 86, 101, 102,
112, 114, 122, 148, 218, 219,
222, 225, 226, 228, 236, 256

Е

Евзевский, Федор 206

Егорова, Любовь 8, 22, 67,
68, 75, 86, 94, 97, 99, 100,

101, 102, 104, 107, 109, 110,
111, 112, 114, 115, 116, 123,
124, 125, 126, 147, 155, 156,
157, 166, 182, 183, 206, 208,

239, 241, 246, 250, 256, 258,
259, 279, 285

Ж

Жевержеева, Тамара 101

Жеребцов, Владимир 182

Жирар, Арон 236

Жуковский, Анатолий 236

З

Зимин, Виктор 132

Зинович, Марина 294

И

Иванов, Георгий 205

Ивановская, Кира 100

Ивченко, Татьяна 278

Игнатов, Владимир 174,
190, 197, 205

Ильчун, Алла 190

Ильчун, Тамара 190

К

Кавальери, Лина 46, 61

Каменев, Зиновий 39

Карина, Елена 235

Каринская, Ирен 191, 193

Карл, Великий 168

Карон, Лесли 258

Каткова, Людмила 294

Качалов, Василий 82

Качелава, Руся 80

Кашуба, Валентина 222, 223

Кедрова, Лиля 265

Кедрова, Наталья 180, 244,
265, 268
Келли, Джин 258
Кирсанова, Нина 68, 82, 83,
86, 157, 158, 187, 291
Клари, Андре 211
Клеповская, Наталья 157
Князев, Борис 125
Корнева-Большакова,
Александра 277
Коссаковский, Владислав 278
Котлобан, Василий 286
Котлобан, Вероника 286
Кремер, Иза 138
Кривошеина, Людмила 20
Крюгер, Эльза 120, 121
Кузнецова, Мария 26
Кузнецова, Раиса 99
Кусевицкий, Сергей 9, 51,
52, 55
Кшесинская, Матильда 102,
107, 109, 119, 217

Л

Лакотт, Пьер 102
Лане, Макс 145
Лане, Мария 145, 146
Лароз, Андре 263
Легат, Николай 110, 112
Ледковский, Борис 279
Леонидова, Нина 146, 219
Лескова, Татьяна 99, 157, 231
Лесли-Красовская, Наталья
107, 120

Лесни, Серж (Сергей
Колесников) 190
Лидова, Ирен 102
Лифарь, Сергей 9, 101, 125,
163, 196, 197, 218, 246, 248,
249, 250, 253, 254, 258, 276
Лишин, Давид 102, 216, 218,
228, 231, 234
Лова, Ольга 191
Лопато, Людмила 207, 210,
240, 277
Лубер, Глэдис 239
Лугин, Олег 269
Лугина, Ирис 269
Луи-Филипп 116, 145
Лукомский, Георгий 26
Люком, Лиля 114

М

Макарова, Наталья 288
Максимова, Татьяна 180,
205
Малинин, Кирилл 180, 244
Малюта, Михаил 269
Мамонтов, Георгий 111, 116
Мамонтов, Кирилл 116
Мамонтов, Савва 52
Мандельстрен, Алексей 22
Мануков, Ашим Хан 206
Марли, Анна (Анна
Бетулинская) 207
Мата, Хари 132
Меркес, Марсель 281
Метелица, Наталья 259

Миранда, Кармен 193
Мирская, Наталья 270
Мискович, Милорад 102
Мозжухин, Иван 281
Моисеев, Игорь 158
Монтес, Кора 246, 248
Моравский, Роман 82, 83
Моро, Жаклин 211
Морозова, Ольга 215, 217,
219, 220, 225, 228, 230, 234
Морфесси, Юрий 26, 136, 138
Мочалова, Ирина 190
Мулен, Женеви́ев 99, 230,
231, 234, 240
Муравьева, Елизавета 132,
133, 135, 138, 142, 206
Муравьева, Таня 206
Мясин, Леонид 114, 182,
234, 235
Мясин, Лорка 234

Н

Наполеон, Бонапарт 73
Нелидова, Мария 116
Немирова, Тамара 207
Немчинова, Вера 9, 84,
98, 101
Нижинская Бронислава
218, 236
Нижинский, Вацлав 112
Николай Второй 110
Никольская, Лиля 149, 239
Ноан, Жан 211
Нуриев, Рудольф 274, 288

О

Обухов, Анатолий 84, 98,
101
Оливье, Мартин 279
Ордонувна, Ханка (Дорога
Сиалинская) 80
Ориа, Эррера 216
Орис, Ольга (Ольга Левко-
вец) 189, 198, 207
Орлов, Николай 216, 235,
265, 279
Орлова, Елизавета 200
Оссиньс, Виталийс 247
Островская, Мишель 274,
276, 278

П

Павлова, Анна 26, 68, 83, 97,
99, 109, 158, 218, 223, 282
Павлова, Лидия 223
Пангре, Эдуард 145
Парнель, Феликс 174
Петипа, Мариус 111, 112
Петипа, Мария 110
Петракевич, Вера 67, 68,
75, 97
Пилсудский, Йозеф 31, 39,
94
Пионтковская, Валентина
130, 131, 136
Пишель, Франк 194
Плевицкая, Надежда 155
Плисецкая, Майя 282
Пожед, Жорж 262

- Полякова, Елена 239
 Полякова, Настя 140
 Потапова, Татьяна 98, 99
 Преображенская, Ольга 65, 67, 104, 107, 109, 115, 119, 147, 149, 158, 174, 189, 191, 208, 217, 239, 276
 Прихненко, Нина 174
 Проковский, Андрей 102
 Псота, Иван 219
 Пушкин, Александр 230, 254
- Р**
- Разова, Ольга 206
 Рахманинов, Сергей 52, 210, 234, 248
 Ребров, Иван 265
 Рейн, Белла 277
 Рерих, Николай 222, 235
 Робен, Мадо 263
 Рогнедов, Александр 223
 Романов, Владимир 182
 Романова, Виктория 206
 Руденко, Любовь 99
 Рябушинская, Татьяна 102, 217, 230, 234, 236
- С**
- Салависа, Хорхе 104
 Самцова, Галина 275
 Сапунова, Надежда 166, 210
 Сахаров, Александр 26, 126, 163
 Сахарова, Клотильда 26, 126, 163
 Светлова, Марина (Иветт Гартман) 100
 Северский, Николай 136
 Седова, Юлия 256
 Сенси, Джанина 101
 Серебрякова, Зинаида 276
 Скибин, Жорж 102
 Скорук, Анна 84
 Скуратов, Владимир 276
 Славенска, Мия (Мия Корач) 100
 Смирнов, Владимир 130
 Смирнов, Михаил 140
 Смирнов, Юрий 191
 Смирнова, Вера 201
 Смирнова, Ольга 140, 142, 143, 145, 146, 147, 148, 149, 151, 155, 156
 Смирнова, Соня 191
 Собинов, Леонид 52
 Соваж, Камиль 211
 Соколова, Лидия 122
 Спесивцева, Ольга 112, 126, 163, 253
 Сталин, Иосиф 8, 160, 198, 206, 218, 261
 Старк-Кононович, Ольга 115
 Стрех, Жорж 205
 Стрешнев, Сергей 158
 Строганова, Нина 217, 231, 234, 236

Стэнли, Бари (Станислав
Змарзлик) 171
Сыгин, Сергей 154

Т

Татарчанский, Михаил 82,
86
Тихонова, Нина 115, 180
Толстой, Лев 243
Томас, Федор 133, 140
Трайлин, Борис 258
Трефилова, Вера 98, 109,
112, 256
Триполитов, Николай 9,
125, 126, 133, 135, 138, 142,
145, 146, 148, 149, 150, 153,
154, 155, 156, 157, 163, 166,
194, 231, 236, 258, 265, 274,
276, 277
Трофимов, Константин 263
Трубецкой, Никита 107,
124
Туманова, Галина 210
Туманова, Тамара 26, 183, 234
Тыртов, Павел 248
Тэффи, Надежда 276

У

Укк ван, Миша 191
Уланова, Галина 261

Ф

Филиппова, Перла 142
Фицджеральд, Зельда 124

Фицджеральд, Скотт 124
Фламбуриани, Дмитрий 23,
26, 27
Фокин, Михаил 26, 109,
121, 182, 218, 230, 234, 235,
246
Фонтейн, Марго 9, 101
Фортунатто, Александр 83,
158
Фортынович, Ядвига 50
Фоска, Игорь 286
Франк, Сергей 138
Франклин, Фредерик 104
Фроман, Макс 26, 126
Фроман, Маргарита 26, 126

Х

Хайтауэр, Розелла 246, 286
Херметц, Брижит 286
Хопп, Боб 203

Ц

Цветаева, Марина 104, 155

Ч

Чекетти, Энрике 82, 102, 112
Челищев, Павел 133
Черкас, Константин 249
Чернова, Сесиль 281
Черчилль, Уинстон 198

Ш

Шаляпин, Федор 26, 52, 250
Шанель, Коко 198

Швабо, Маша 220
Шварц, Соланж 196
Шверубович, Иван 82
Швецов, Игорь 157
Швядайте, Юрате 292
Шелковская, Софья 56,
57
Шиловская, Нина 185
Шовире, Иветт 125, 276
Шолух, Андрей 265, 268,
269

Щ
Щепановская, Ирина 208

Э
Эрте (Роман Тыртов) 9, 246,
248, 249
Эсприлова, Душа 99
Эфрон, Сергей 155

Ю
Юргенс, Курт 281
Юсупов, Феликс 248
Юшкевич, Нина 158

Я
Янчевский, Николай 156
Яхненко, Муся 185, 186

Васильев Александр
Триполитова Ксения

Маленькая Балерина

ИСПОВЕДЬ
РУССКОЙ
ЭМИГРАНТКИ

Руководитель проекта *И. Серёгина*
Корректор *Е. Аксенова*
Верстальщик *Е. Сенцова*

В книге использованы фото из личных архивов
К. Триполитовой и А. Васильева

Подписано в печать 24.09.2009. Формат 84 × 108^{1/32}.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Объем 9,5 печ. л. Тираж 3000 экз. Заказ № .

Альпина нон-фикшн
123007, Москва, а/я 105
Тел. (495) 980-5354
www.nonfiction.ru

Александр Васильев — известный историк моды, ведущий «Модного приговора», автор многих книг — дружит с балериной Ксенией Триполитовой более 20 лет. Глубокий интерес к русской эмиграции и удивительные воспоминания балерины о времени и о себе заставили Александра взяться за перо. Итогом их совместного шестилетнего труда стала эта книга.

Долгая жизнь эмигрантки из России тесно переплелась с самыми драматическими страницами истории XX века. Участница труппы Русского балета полковника де Базиля, унаследовавшего дягилевский репертуар, танцовщица парижских кабаре, исполнительница народного танца, она выступала на сценах всей Европы. Жизнь свела ее со многими знаменитостями того времени — Сергеем Кусевицким, Сергеем Лифарем, Ниной Вырубовой, Верой Немчиновой, Марго Фонтейн, Морисом Бежаром, Эрте. Имя самой Ксении Триполитовой, как и целой плеяды наших талантливых соотечественников, к сожалению, известно немногим. Но сегодня благодаря Александру Васильеву у нас есть возможность познакомиться с ее яркой судьбой.

Нужные
книги
здесь
и сейчас!

ДЕЛОВАЯ
ОНЛАЙН
БИБЛИОТЕКА

www.lib.nonfiction.ru

альпина нон-фикшн
телефон: (495) 980-5354
www.nonfiction.ru

ISBN 978-5-91671-040-3

9 785916 710403